Радек, К

Внешняя политика советской России.

М.-Пг., 1923

ИМЛ — Библиотека
ЕН 161
В 715 3 экз

Карл РАДЕК

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Москва.

Общественные науки.

Блос. Германская революция.
Бухарин. Теория исторического материализма.
Лили Браун. Женский вопрос.
Бонч-Бруевич. Из мира сектантов.
Бебель. Женщина и социализм.
Богданов и Степанов. Политическая экономия. Т. I и II.
Вольтерс. Исследования по аграрной истории Франции.
Вольфсон. Очерки обществоведения.
Варга. Проблемы экономич. политики при диктатуре пролетариата.
Волков. Аграрно-экономическая статистика России.
Гурвич. Основы Советской Конституции.
Гильфердинг. Финансовый капитал.
Горев. Электрификация Франции.
Ерманский. Научная организация труда и система Тэйлора.
Жорес. История великой французской революции. Т. I. Учредительн. собр. 1789—91 г. г.
Жорес. История великой французской революции. Т. III. Национальный конвент.
Зиновьев. Об антисоветских партиях и течениях.
Кейнс. Экономические последствия Версальского мирного договора.
„ Пересмотр Версальского мирного доовора.
Крицман. Новая экономическая политика.
Керженцев. Революционная Ирландия.
Каплун. Охрана труда и ее органы.
Крупская. Народное образование и демократия.
Коллонтай. Положение женщины в эволюции хозяйства.
„ Общество и материнство. Т. I. и II.
Каутский. Предшественники новейшего социализма. Т. I и II.
„ Экономическое учение Маркса.
„ Путь к власти.
Р. Люксембург. Накопление капитала.
Лозовский. Рабочая Франция.
Лавров. Парижская коммуна.
Лукин. Парижская коммуна.
Лафарг. Труд и капитал.
Луначарский. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров.
Ленин. Собрание сочинений. Т. II. Экономические этюды и статьи 1897—99 г. г.
„ Т. IV. Искра 1900—1903 г.
„ Т. VI. Революция 1905 г.
„ Т. VII. Ч. I. 1905—06 г. От октября 1905 г. до роспуска первой государственной думы.
„ Т. VII. Ч. II. 1905—06 г. От роспуска I-й государственной думы до выборов во II-ю государственную думу.
„ Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до наших дней.
„ Т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до октябрьской революции.
„ Т. XV. Пролетариат у власти 1918 г. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г.
„ Т. XVI. Пролетариат у власти 1919 г.
„ Т. XVII. Пролетариат у власти 1920 г.
„ Т. XIX. Национальный вопрос (статьи 1910—1921 г.).

Карл РАДЕК

ЕН 161
В 715

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ○ ○ ○ 1923 ○ ○ ○ ПЕТРОГРАД

Зжз

EH161
B715
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1058500
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
сф
47639
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1018
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гиз. № 3478. Главлит № 2486. Москва. Напеч. 6000 экз.
1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Многие товарищи обращались ко мне с просьбой написать историю внешней политики Советской России. Поскольку дело идет о труде, который давал бы документально обоснованную архивным материалом историю за все пять лет, то такая задача невыполнима по политическим соображениям. Мы находимся еще в тяжелом бою, и поэтому не можем позволить себе раскрыть все наши шахматные ходы, служащие для защиты Советской республики. Но в наше время, когда люди живут неслыханно быстро и поэтому очень скоро забывают вчерашний день, в наше время, когда с каждым днем все новые и новые слои рабочей и крестьянской молодежи втягиваются в политику, нам безусловно необходима сводка фактов пятилетней истории нашей внешней политики и картины основных линий ее развития. Систематической сводки фактов и документов нашей внешней политики я в этой книге не даю. Мне не хватило времени проделать эту довольно механическую, хотя и нужную работу. Это, между прочим, можно будет сделать в добавлении ко второму изданию этой книжечки, если она найдет к себе благосклонное отношение читателей. Но я надеюсь, что эта книжечка даст читателю возможность вспомнить главные этапы нашей борьбы с мировым капиталом и основные линии развития нашей иностранной политики. Она состоит из четырех итоговых статей, появившихся на русском или немецком языках в поворотные моменты нашей внешней политики. Первая из них была написана в октябре 1918 года, когда главный враг Советской России в первый год ее существования—германский империализм, находился уже на краю

пропасти, когда предстояло его окончательное поражение и надвигалась германская революция. Вторую статью я писал в декабре 1919 года, сидя в германской тюрьме, когда пришли известия о победе нашей Красной армии над Деникиным и Колчаком, о том, как Красная армия очистила Россию до Ростова и границ Сибири. Эти известия наполнили глубочайшей радостью все, что было честного и живого в международном рабочем движении. Радость эта препятствовала европейским коммунистам произвести трезвый учет положений. Надо было указать им на грозящие еще Советской России опасности, на тяжелые экономические уступки, которые ей придется сделать, чтобы добиться мира. Третья статья была написана после нашего поражения в войне с Польшей, после разгрома Врангеля и заключения торгового договора с Англией, который завершил второй период нашей внешней политики. Четвертая статья, наконец, написана в сентябре этого года. Она подводит итоги Генуи и Гааги, этой первой международной попытки Антанты перейти от перемирия к миру. Таким образом, книга эта представляет собою не сочинение, теперь написанное после пяти лет нашей внешней политики, не своего рода философию апостериори, а сборник статей, которые появлялись по мере развития событий и ставили себе задачу осмыслить их и облегчить понимание основных вопросов нашей внешней политики. Читатель имеет возможность убедиться, насколько ложными являются утверждения наших врагов, что Советское правительство было полно иллюзий в 1-й период своей политики и что, теряя эти иллюзии в ходе событий, оно бросилось в объятия беспринципного оппортунизма.

Первая статья показывает, как хорошо мы уже в 18-ом году понимали медленный характер развития международной революции. Вторая, написанная в момент наших крупжений. Надо было указать им на грозящие еще Советской Роспобеды раздавайся», а рассмотрению вопроса о необходимости концессий и их пределов. Четвертая, давая критический обзор Генуэзской конференции, пытается показать громадные затруднения, стоящие на пути к заключению мира с капиталистическими державами. Она показывает, как Советская Россия отклоняет компромисс на другой почве, кроме почвы октябрьской революции.

Статья о Гааге и Генуе кончается указанием путей, на которых Советское правительство пытается добиться частичной сделки, когда оказалось, что общая еще невозможна, и ставит вопрос о том, когда эта общая сделка будет возможна. Только в момент нового обострения международного кризиса на Западе или Востоке станет возможным общий мир капиталистических держав с Советской Россией.

В тот момент, когда я пишу это предисловие, европейский империализм потерпел крупное крушение на Ближнем Востоке, и Ближне-Восточный кризис ставит снова со всей остротой вопрос о равноправии Советской России, т.-е. о полном признании первого государства рабочих международной системой капиталистических держав. Одновременно приходит известие об уходе японцев из Владивостока, о бегстве белых, о занятии Владивостока Красной армией. От Березины до Тихого океана, от Ледовитого океана до Черного моря—русский рабочий класс является диктатором русской земли. Пусть еще раз попробуют капиталистические державы не признать Советской России и решать без нее жизненный для нее вопрос о проливах. Они могут попробовать не признать факта, простирающегося на пол-Европы и Азии: тогда история скажет «тем хуже для непризнающих факта».

К. Радек.

I.

Брест-Литовск.

1. На пути к Октябрю.

Революция застала Россию изнемогающей в петле союзного капитала, который, несмотря на понятное для всех состояние России, не позволяющее ей больше играть военной роли, не давал ей ни одной минуты отдыха. Из опубликованного нами доклада адъютанта генерала Алексеева видно, как хладнокровно оценивали ставка и русский генералитет положение. Они все видели задолго до революции, что экономический организм страны находится в состоянии полного развала. Они все понимали, что человеческий материал русской армии не в состоянии выносить более ударов и что он под их влиянием теряет свою инертность, задумывается над причинами войны, причинами поражения, что он начинает жить собственной жизнью, которая для царской армии должна была означать начало смерти. Но если часть реакционной бюрократии в испуге от того, что принесет завтрашний день, думала о сепаратном мире с Германией, думала о том, как бы найти помощь от надвигающейся революции у германского капитала, то капиталистические сферы не были в состоянии отделиться от лагеря союзников. Царская бюрократия могла жить и развиваться и на почве разгрома, ибо она была тем сильнее внутренно, чем более слабы были силы, толкающие Россию по пути капиталистического прогресса. Капиталистический класс встал перед альтернативой: или борьба с помещичьим бюрократическим правительством за решение аграрного вопроса, за раскрепощение деревни, за развитие сильного внутреннего рынка, или борьба совместно с союзным капиталом за внешний рынок, при наличности которого можно продолжать вести жизнь паразитов на теле народных масс аннексированных стран. Круги русского империализма в десять раз слабее и уже, чем соответственные круги в странах с капиталистическим развитием. Это в буквальном смысле этого слова ничтожная котерия банковских, промышленных и помещичьих деятелей, окружающих царскую канцелярию и

двор тесным кольцом. Для этой котерии решение было легко. Так как она не в состоянии была даже думать о борьбе с царским режимом, то она должна была итти дальше с закрытыми глазами в надежде, что французы и англичане выведут из беды, что даже в случае разгрома России на международной мировой конференции силы союзников вступятся за разгромленный русский режим, ибо союзники захотят удержать Россию под своим влиянием. Если же союзники будут принуждены в первую очередь защищать самих себя, тогда можно будет за цену союза с Германией получить от нее выгодные условия мира. Когда началась революция, русские империалисты взяли руль в свои руки. Гучков, наиболее представительная фигура русского империализма, человек, который больше, чем кто-нибудь после русско-японской войны работал над «обновлением» русской армии и флота, занял пост военного министра; Милюков, идеолог русского империализма, человек, связующий хищнические стремления русских Разуваевых, разбойничьи стремления царской бюрократии, теократические интересы цезарепапизма с идеологией лондонских либеральных кругов,—обе эти фигуры очутились на первом плане «революционного» русского правительства. Они извещали союзников о том, что переворот, совершенный в марте армией и пролетариатом, это—переворот патриотический, переворот возрожденной нации, которая хочет освободиться от клики, подготовляющей сепаратный мир с Германией. Если бы главари европейского империализма не стояли так далеко от жизни своих собственных наций, то они, понятно, не поверили бы лживым сообщениям Милюковых и Гучковых, ибо они знали бы, что массы даже их стран, в десять раз более культурные, развитые и связанные с империалистской политикой своих правительств, что и они полны утомления, что бессмысленно было бы думать, что в случае «угрожающего» мира эти массы сделали бы революцию во имя продолжения войны. Ллойд-Джордж и Клемансо, принужденные своим собственным положением создавать себе иллюзию насчет положения среди собственных масс, должны были верить Милюковым и Гучковым: эта вера была им нужна для того, чтобы вести дальнейшую войну. Но Милюков и Гучков должны были уступить: один—когда пытался в армии революции ввести старый царский порядок во имя победы, другой—когда во имя той же самой победы пытался обманывать заграницу и русские народные массы измышлениями, вести дипломатическую игру крапленными картами, уверяя русский народ, что работает на мир, а главарей союзного империализма,—что работает на войну.

Однако в майском кризисе устранен был не русский империализм, а только его передовые представители. Политика коалиционного правительства до последнего дня

его падения не подлежала никаким изменениям. Это была политика удержания народных масс во что бы то ни стало перед колесницей войны в союзе западно-европейских капиталистов. Если эта политика диктовалась у представителей капиталистического класса определенным расчетом, если она для них проистекала из определенного взгляда на будущую мировую ситуацию, из убеждения, что германский империализм будет разбит, что единственным источником заграничного капитала, необходимого руководителям русской буржуазии для реставрации хозяйственных сил истощенной страны, явится в будущем только Америка, то у «социалистических» элементов коалиционного правительства мы имели дело с классической беспомощностью мелких буржуа,—беспомощностью людей из канцелярии провинциального присяжного поверенного или какого-то кавказского захолустья, которые не в состоянии были даже политически распутать узел современной войны, не смогли выйти из состояния испуга, который и вызывала у читателей провинциальных сенсационных газет современная война с ее перспективами. Полное неверие в силы народных масс, глубокое убеждение, что рабочий класс России и ее мелко-буржуазные массы не в состоянии сами руководить политикой государства, смиренное преклонение перед школьными знаниями буржуазной интеллигенции,—все это характеризовало г.г. Керенских и Черновых, г.г. Церетели и Данов, которые поэтому не могли никоим образом решиться порвать связь с кадетами и октябристами, с финансовым и промышленным капиталом России. А так как эти классы связаны были крепкими цепями с финансовым капиталом Франции, Англии и Америки, то г.г. Церетели и Керенским приходилось плясать под дудку Ллойд-Джорджев и Клемансо. Что представляет собою французско-английский и американский капитал по отношению к России, что он является таким же хищником, таким же эксплоататором, как и капитал Германии,—они знали не хуже представителей рабочего класса, а даже лучше. В их руках находились донесения о бесконечных мошенничествах Армстронгов, Шнейдеров, Вестингаузенов при военных поставках. Вся та панама, которую мы теперь только шаг за шагом раскрываем, была им великолепно известна. Мало того: им ежедневно приходилось выслушивать типичные шейлоковские требования союзных правительств. Сколько раз коалиционное правительство обращалось к союзникам с требованием доставки известного количества паровозов и вагонов, нескольких тысяч сапог или рельсов, и всякий раз оно получало один и тот же циничный ответ: за столько-то тысяч пудов груза мы требуем столько-то сотен тысяч тел. Мы требуем наступления. Церетели и Чернов, которые ведь вкусили от древа познания, знали великолепно, что если война окон-

чится победой империализма,—безразлично какого лагеря,— то Россия, во всяком случае, будет колонией европейского капитала. Но мелкие буржуа не могли подумать без испуга, что будет в случае поражения, не могли взять на себя роль зачинщиков борьбы за мир, ибо вне коалиции с русской буржуазией и вне коалиции с мировой буржуазией для них начинался скачок в неизвестное, начиналась темная пропасть, которую не измерит глаз человеческий, и поэтому они принуждены были итти за союзниками, куда союзники хотели.

Своими собственными речами главари мелко-буржуазного социализма посеяли в народной массе и армии глубокое недоверие к целям войны союзников. Они заявляли публично, что стремятся к ликвидации империалистических целей войны, что потребуют от союзников их пересмотра согласно с русскими интересами и согласно с интересами международного пролетариата. В то же самое время, когда они заявляли рабочим и солдатам России, что цели, за которые им приказывают проливать свою кровь, цели не пролетарские, цели не демократические, что надо будет требовать их пересмотра, в тот же самый момент, когда они таким образом подрывали в народных массах стремление к дальнейшей борьбе и веру в союзников, в то же самое время они заключали с союзниками за плечами русских народных масс, без их ведома, договоры, на основании которых обязывались за экономическую помощь союзников бросить народные массы России в наступление. В этот же самый момент, когда Керенский и Церетели успокаивали рабочих России насчет предстоящего наступления, в тот же самый день, когда первый всероссийский съезд советов, протестуя против наступления, не мог добиться, будет ли это наступление предпринято, или нет, лондонская «Pall-Mall Gazette», орган Гарвина (№ от 25 июня), могла сообщить: Альбер Тома привез с собою твердое убеждение, что Россия снова окажется в рядах борющихся. На съезде советов Троцкий предсказывал, что наступление развалит армию, ибо нельзя одновременно сеять в народных массах недоверие к целям войны и бросать эти массы в огонь нового наступления. Наиболее ответственные военные руководители русской армии предупреждали от наступления, называя его авантюрой, но мелко-буржуазные главари революции, которые боялись порвать с франко-английским финансовым капиталом, не могли противодействовать его нетерпению, а Ллойд-Джорджу и Клемансо надо было во что бы то ни стало бросить в бой русскую армию, дабы убить моральное влияние русского пролетариата на европейский пролетариат. Когда представители старого Центрального Исполнительного Комитета приехали в Италию, им рабочие, по докладу Гольденберга-Мешковского, кричали: «Дураки! Почему не кончаете войну?» Революция была для европейских рабочих масс сим-

волом страстного стремления к миру. Революция, которая не только не делает ничего, чтобы закончить войну, но и бросает рабочих и народные массы на войну,—эта революция должна была сделаться для рабочих таким светом, который не только не греет, но и не светит, а это именно и нужно было Клемансо и Ллойд-Джорджу, боявшимся, что с Востока распространится по всему миру та сила, отсутствие которой единственно и позволяла проливать кровь; чувство пролетарской международной солидарности. Когда исполнилось предсказание вождей рабочего класса, когда русская армия отступила в панике, открывая германскому милитаризму доступ в Россию, дело международного империализма было на известное время выиграно, а дело международного пролетариата провалено. Когда началась русская революция, германский империализм стоял словно загипнотизированный глазами русского сфинкса. Он не знал, какие международные силы чудище восточной революции таит в себе. Он боялся его и стоял неподвижно в своих окопах, не смея на это чудовище броситься, ибо не знал, не вызовет ли он своим нападением на русскую революцию восстания собственного пролетариата. Когда русская революция, не попытавшись добиться мира с германским народом, не сделав в этом направлении ни одного шага, бросила русских рабочих на германских, она помогла ему выйти из столбняка. С поля сражения, с похода против революционной России Гинденбург бросил рейхстагу крик радости: «Русское наступление дало мне возможность продвинуть нашу армию вперед»,—телеграфировал Гинденбург рейхстагу.

С другой стороны, развал русской армии неслыханно уменьшил ее значение в глазах союзников. «После поражений, после русского отступления,—заявил Ллойд-Джордж,—Россия упала в глубокую щель, но союзники вытащат ее, хотя бы на петле, на верх горы». Ллойд-Джорджу было безразлично, вытащит ли он Россию на эту гору победы мертвой или живой. Он знал, что правительство мелко-буржуазных авантюристов, правительство провалившегося наступления оторвалось от европейского пролетариата, что оно, бессильное исполнять ту роль, которую исполняло, не может быть опасным союзному капиталу. Теперь можно было предоставить Россию ее участи, требуя при этом от нее еще повиновения, требуя, чтобы она, теряя одну часть своей территории за другой, все-таки удерживала у себя германские дивизии и хотя бы физическим страданием своим уменьшала тяжесть борьбы на западном фронте. Попытка мелко-буржуазных социалистов вынуть голову из петли при помощи международной конференции социалистических партий должна была оказаться вполне безнадежной. Финансовый капитал Франции и Англии, в плену у которого находились русские мелко-

буржуазные социалисты, ответил на эту попытку простым запрещением этой конференции, дабы ему не нужно было бороться на конференции со стремлениями подчиненных ему Церетели и Черновых к миру по соглашению, к миру капиталистической сделки.

Он запретил своим собственным мелко-буржуазным социалистам принимать участие в этой конференции, отказывая им в паспортах, и таким образом вся затея Церетели и Чернова окончилась пуфом. Пленники мирового империализма, пленники союзного капитала, бессильные противопоставить его воле свою собственную, принуждены были одновременно разбить собственными руками всякую возможность удержания русской армии в окопах, всякую возможность спасения каким бы то ни было путем России. Именно потому, что они отказывались от всех попыток заключения мира и этим самым разбивали психологическую предпосылку удержания армии на фронте, они были принуждены, по требованию русских капиталистов и русского генералитета, прибегнуть ко всем мерам физического насилия, дабы удержать остатки армии.

Не будучи в состоянии внушить ей веры, что она сражается за собственные интересы, они принуждены были пытаться заставить ее биться за чужие интересы, а если не биться, то хотя бы физически оставаться в траншеях, как пушечное мясо в буквальном смысле этого слова. Начинается период расстрелов на фронте по приказанию Корнилова, Филоненко и Савинкова, начинается период терзаний души людей в серых шинелях, которых убивали за то, что они поверили, что революция означает освобождение от ига мирового капитализма. Таким образом, путем безусловного подчинения приказаниям англо-французского капитала и требованиям собственного капитала и собственной военщины мелко-буржуазные социалисты подготовили, с одной стороны, корниловское восстание, восстание генералитета, который во имя интересов капитала решил сам взять в свои руки всю власть, дабы энергичнее и решительнее справиться с солдатскими массами, а с другой—восстание тех же самых масс, которые, после того, как помогли мелко-буржуазным социалистам победить заговор генералитета, заявили им: «Вы сами заговорщики против народных масс. Долой заговорщиков против масс! Да здравствует власть этих масс!» Так июль—родил октябрь. Подчинение требованиям международного капитала родило восстание народных масс России против собственного капитала.

2. Брест-Литовск.

Второй съезд советов обратился с декретом о мире не только к народам, но и к правительствам. 14 марта 17 г. петроградский совет выпустил знаменитое воззвание ко всем наро-

дам, в котором призывал народные массы порвать цепи, наложенные на них капиталистами; но те, которые призывали рабочих всего мира к восстанию против капитала, сами находились в полной зависимости от англо-французского капитализма и принуждены были своими делами уничтожать влияние своих слов. И именно поэтому Советское правительство, созданное массами, разочарованными политикой мелкобуржуазного социализма, принуждено было обращаться не только к народным массам других стран, но и к правителям этих стран. Полный развал военных сил России, полная экономическая разруха,—все это сделало невозможным ждать с делом мира, пока восстанут народные массы Запада. Надо было считаться с тем, что вокруг русской революции находятся капиталистические государства и что приходится обращаться с предложением мира именно к ним. В своей речи на съезде Ленин подчеркнул открыто и ясно, что, делая эти шаги, рабочее правительство не может своему предложению придавать ультимативный характер, что оно должно считаться с положением и формулировкой своего предложения не должно помочь империалистическим государствам в отклонении предложения Советского правительства. Декрет о мире открыто заявлял, что Советское правительство готово обсудить все предложения, сделанные другими государствами. Вместе с тем, Ленин заявлял: «обсудить—не означает еще принять». Таким образом, с первых дней намечалась линия мирной политики новосозданного Советского правительства; она сводилась к тому, что было на-лицо, но в то же время предложением трехмесячного перемирия она доказывала, что хочет дать возможность народным массам всех стран сделаться фактором, решающим судьбы мира. И в огне гражданской войны, при всей неслыханно трудной работе созидания государства и рабочего аппарата, Советское правительство, в лице Льва Троцкого, беспрерывно обращается к народным массам всех стран, пользуется всяким случаем, чтобы будить их и призывать к борьбе. Стремясь к переговорам с Германией, Гогенцоллернов, оно не разрывает с правительствами союзников. Оно пытается принудить эти правительства принять участие в общих мирных переговорах; оно делает все от него зависящее, чтобы убедить правительства союзников и чтобы толкнуть на борьбу трудовые массы стран Антанты. Казалось бы, что это стремление принудить мировых противников сесть совместно за один стол для ведения переговоров представляет собой исторический парадокс, ибо если бы капиталисты кончили борьбу между собой, тогда они были бы в состоянии итти в бой против рабочей революции, имели бы возможность задавить ее. Советское правительство не боялось этого. Советское правительство знало все громадные силы, которые пытались удержать народные массы в международной

войне. Оно знало, что, только приведя в движение рабочие массы Европы, оно принудит союзников и центральные государства начать мирные переговоры, а если массы двинутся, то не будет поводов бояться компромиссов капиталистических держав, ибо тем же самым будет призван к жизни фактор, который свяжет руки капиталистическим державам и по отношению к русской революции. Советское правительство исходило из предпосылки, что революционная ситуация, созданная войной, не представляет собой переходного явления, и что мир не в состоянии задержать более назревающей рабочей революции.

Стремление Советского правительства вызвать движение во всех странах не могло в короткое время принести большие результаты. Не подлежит сомнению, что русская рабочая революция глубоко встряхнула массы во всех странах, хотя сведения из России приходили самые противоречивые, хотя антантовская пресса пыталась рабочих убедить, что произошел лишь на короткое время захват власти маленькой кучкой авантюристов, германских агентов. Массы Франции и Англии отозвались на клич рабочей революции и всюду прислушивались к ее лозунгам. Но эти лозунги доходили к этим массам с большим опозданием, ввиду забот капиталистической цензуры, и притом никогда масса не могла с одного удара сразу сделаться свободной. Брожение в странах союзников было недостаточным для того, чтобы принудить союзные правительства принять участие в мирных переговорах с Германией. Положение же солдатских масс России, бежавших с фронта неудержимым потоком, принудило начинать поскорее переговоры. Было ясно, что крестьянская масса, которой октябрьская революция сказала: «земля твоя, иди паши ее», не в состоянии была остаться на фронте, и никакие проповеди не могли ее удержать; было ясно, что надо начинать мирные переговоры, ибо только надежда на близкий мир могла сохранить сколько-нибудь организованную силу на границах страны. Таким образом, русская революция очутилась с глазу на глаз с великаном германского империализма. В начале декабря русская делегация отправилась в Брест-Литовск для переговоров о перемирии. Стремления Советского правительства к заключению 3-месячного перемирия натолкнулись, понятно, на энергичный отпор германского командования. Германское командование не хотело дать рабочему движению ни у себя, ни в странах союзников возможности назреть и сделаться решающим фактором. Оно надеялось с восточного фронта снять германские войска и поэтому рассчитывало на полную победу над союзниками и отнюдь не было заинтересовано в том, чтобы союзники приняли участие в мирных переговорах. Видя в движении народных масс Германии и Австрии движение, направленное про-

тив своего господства, оно отклонило русское предложение и, пытаясь при помощи перемирия держать в руках Советское правительство, назначило только месяц перемирия, этим самым ставя его продолжение в зависимость от хода мирных переговоров.

Стремлениям Советского правительства войти в контакт с народными массами Германии и Австрии, стоящими на восточном фронте, противились, понятно, главари германской военной партии, понимая, что из этого ничего хорошего для них выйти не может. Переговоры о перемирии не дали иных результатов, кроме того, что надо было в срочном порядке приступать к мирным переговорам. Германский империализм начал эти мирные переговоры декларацией в ответ на советское ясное и простое изложение демократических принципов мира. Германский ответ вызвал взрыв радости в рабочих массах России, ибо они думали, что центральные державы стали на точку зрения революции, хотя бы только по отношению к России. Никто, кто знал германскую политику, ни на одну минуту не мог поверить искренности германского заявления. И «Правда» указывала открыто в день мирной рабочей демонстрации в Петрограде, что за этой видимостью принципов, провозглашенных русской революцией, кроется конкретная программа аннексий. Это сказалось уже в тот самый день, когда на улицах Петрограда демонстрировали за демократический мир сотни тысяч рабочих и солдат. В этот день вернулась из Брест-Литовска первая мирная русская делегация и привезла с собой фактические предложения германского правительства,—предложения, которые ясно показывали, какие цели преследовало германское правительство в своей лицемерной декларации. Предложения эти свелись ко всем нам теперь хорошо известной программе германской аннексии на Востоке. Встает вопрос: почему же тогда германцы за несколько дней до этого выдвинули демократическую программу мира? Ответ на это весьма прост: они были убеждены, что Советское правительство пойдет на сделку, которая поможет им прикрыть все существо их хищнической политики аннексий, к которым стремилась Германия на Востоке, которые должны были быть произведены под лозунгом самоопределения наций. Германская дипломатия была убеждена, что Советское правительство выдумало это право на самоопределение наций, дабы получить возможность под таким благородным названием ликвидировать войну, дабы получить возможность представить народным массам разгром русской революции германским империализмом, как победу русской революции. Германские дипломаты были убеждены, что Советское правительство пойдет на такую сделку, но они жестоко ошиблись. Мирная делегация выступила самым определенным образом против попытки

сделать ее соучастницей планов германского империализма. Когда «Петроградское агентство» и наша пресса начали резко и открыто показывать миру фактические намерения Германии, и когда они под лозунгом: «маски сброшены» начали боевую кампанию против «мирной» программы германского правительства, г.г. Кюльман и Чернин думали один момент, что имеют дело с интригой какого-то особого течения в Советском правительстве, которое стремится к срыву перемирия. Они не могли понять, как это возможно, чтобы Россия, нуждающаяся в мире во что бы то ни стало, в роковой час, когда пришлось платить по векселям, подписанным на полях сражения, посмела противостоять германскому империализму. Кюльман и Чернин допускали возможность торга, но не допускали возможности борьбы. Им пришлось вскоре разочароваться в своих надеждах. Советская делегация в открытом заседании разоблачила шаг за шагом игру, затеянную германским правительством. Она сорвала все заслонки, отбросила всякие ширмы, и никакая диалектика Кюльмана не спасла его от открытого признания, что он стремится к аннексиям. Поставленные перед вопросом, хотят ли они увести свои войска из оккупированных областей, хотят ли они противопоставить насилию право выражать свою волю без давления германских штыков, германские дипломаты оказались в безвыходном политическом положении. Они пытались до этого времени перекричать ясно звучащий голос военной партии, которая устами генерала Гофмана откровенно заявляла: «В наших руках оружие. Этим оружием мы покорили Россию, и мы ей продиктуем мир такой, какой нам нужен». Г.г. Кюльманы чувствовали себя очень неловко при подобных откровенных речах представителей военной партии, но в последний момент, когда все их увертки кончились ничем, когда русская делегация осталась твердой, они были принуждены представить специальной комиссии мирной делегации свою собственную программу, программу территориальных захватов, программу контрибуций. Тогда ответом советской делегации было: «Этого мира мы подписать не можем. Россия не в состоянии вести войну, но она не хочет заключать мира насилия». Прервав после 2-месячной борьбы мирные переговоры, русская делегация возвратилась в Петроград, не делая себе иллюзий, что она принесла народу мир. Политика советской делегации была предметом ожесточенных нападок со стороны не только буржуазии, но и мелко-буржуазных социалистов, высказавших на первом заседании Учредительного Собрания готовность итти на всякие сделки, но которые перед лицом совершенного факта пытались наложить ответственность за него на тех, кто был только ликвидатором царского режима, ликвидатором авантюристской политики мелкой буржуазии. Против «жеста» брестлитовской делегации, за который впоследствии пришлось

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

заплатить уступкой Эстляндии и Лифляндии, выдвигалось обвинение и в советских рядах,—обвинение в том, что мирная делегация поставила все на одну карту, что она должна была заключить мир на условиях, ей перед тем предложенных, менее тяжких. Но кто вдумается во всю политику, в те задачи рабоче-крестьянской России,—России, которая взяла на себя гордую роль застрельщика мировой революции,—тот теперь, в первую годовщину октябрьской революции, должен сказать, что брест-литовская мирная политика была законным детищем октябрьской революции, что она отвечала насущным интересам революционной России.

Русская революция была восстанием рабочих масс против мирового империализма. Вспыхнув в России, она осталась пока изолированной в империалистской Европе. И если эта изоляция продолжится долго, русская революция будет задавлена силами европейской контр-революции. Во главе политики русской революции должно стоять стремление к пробуждению народных масс других стран. Это стремление является верховным законом русской революции, ему подчинено все. Это стремление требует, чтобы русская революция встала перед лицом мирового пролетариата как борец, как противник мирового империализма. Только глубокое убеждение народных масс всех стран в том, что рабочий класс России, что его правительство не связаны ни с каким империалистическим лагерем,—только это убеждение даст рабочим силу подняться снова, собраться в международные фаланги, только оно будет связующей цепью в разрозненных движениях международного пролетариата. Поэтому русское правительство должно было сделать все, чтобы показать рабочим всего мира свое стремление к общему, а не сепаратному миру. Это было сделано упорной борьбой за движение европейского пролетариата в продолжение ноября и декабря. Это стремление ко всеобщему миру кончилось поражением. Союзная олигархия решила воевать дальше, ибо напор на нее народных масс оказался чересчур слабым. Тогда перед лицом мира надо было доказать европейским рабочим массам (не только пролетариату союзных стран, но и пролетариату Германии), что мы заключаем хищнический мир с Германией только под дулом револьвера. Этим доказательством не могла быть только словесная борьба в Брест-Литовске. О ней получили рабочие массы только смутное представление, и никогда борьба словом не является убедительной силой, ибо слово служит всякой цели. С теми же самыми словами умирает солдат в окопах, и кидается в деревянную траншею на сцене актер, играющий умирающего солдата. Бессилию слов, как связующему звену, надо было противопоставить спаивающую людей кровь. Советская мирная делегация, действуя с согласия Советского правительства, делая «жест»,

105850

БИБЛИОТЕКА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

непонятный филистерам реальной политики, отдала решение участи России в руки международные, в руки австрийского и германского пролетариата. Она знала, что германская военщина может воспользоваться положением и может перейти к наступлению, за которое придется заплатить большими потерями. Но одновременно она знала, что если бы она пошла на сделку с германским империализмом, если бы она добровольно отдала в его руки латышский, литовский и польский пролетариат, то потери Советской России были бы больше, чем потери территориальные. Это была бы потеря доверия народных масс оккупированных областей, это была бы потеря доверия рабочих масс всего мира. И поэтому советская мирная делегация выбирала этот болезненнейший, рискованнейший путь ликвидации наследия войны.

Политика разоблачения германского империализма, веденная за все время брестских переговоров, дала громаднейшие результаты. Она пробила брешь в стене германского империализма,—результатом явилась общая забастовка германских и австрийских рабочих. То, чего не сумела дать агитация самых лучших представителей рабочего класса Германии перед войной, чего не сумела вызвать агитация самых лучших борцов германского и австрийского рабочего класса в продолжение трехлетней войны,—это создала политика Советской России, ее отказ помочь германскому империализму прикрыть свое хищническое дело лозунгом русской революции. Навсегда останутся в истории слова, брошенные с пеной у рта самым радикальным органом германского империализма,—слова «Deutsche Tageszeitung», сказанные по поводу германской всеобщей забастовки в феврале 1918 г. «Рабочие Германии оказались не с Гинденбургом, а с Троцким». Не менее положительные результаты дало завершение этой политики, дали «жест» брестской делегации, ее лозунг: «войны не ведем, но и мира подписать не можем», который выяснил рабочим мира, что мы акт насилия подписываем только лежа на земле, под дулом револьвера противника. Советская Россия получила свободу известного маневрирования в области внешней политики, каковое стало необходимым после подписания Брестского мира. Только потому, что весь рабочий класс мира видел, чем мы рисковали, отказываясь подписать мир, мы могли этот мир заключить без потери доверия рабочего класса и мы смогли и в дальнейшем делать необходимые уступки германскому империализму,—уступки, слыша о которых рабочий класс всей Европы, всегда вспоминал германское наступление в марте 1918 г.

Подписание Брестского мира вызвало первый глубокий внутренний кризис в рядах Советской России. Еще тогда, когда двигались на нас германские полки, глубокое сомнение терзало руководителей Советской России: подписывать

или не подписывать мир. Мы не будем говорить о течениях, которые не допускали принципиально подписания мира насилия. За такими течениями скрывались—или мелко-буржуазная наклонность к фразе, к этической оценке политики, или же преобладание идеологии, которая, будучи продуктом борьбы, в известный момент имеет тенденцию жить самостоятельной жизнью и связывать руки своих творцов, или же неосознанное националистическое чувство интеллигенции, которая не могла перенести боли, вызванной операцией ликвидации всемирной войны, ликвидации старого величия царской империи. Никакие принципы не могут запретить слабейшему уступать насилиям сильного. Во всей истории рабочего класса наблюдается подобное «беспринципное» подчинение факту силы, имеющее целью собрать силы, дабы этот факт опровергнуть. Насколько дело шло о серьезных разногласиях, они не носили принципиального характера, а сводились к спору о целесообразности. Было ясно, что если в ближайшем будущем русская революция не вызовет международной революции, если война будет продолжаться, то Россия, не связываясь ни с одним, ни с другим лагерем империалистских держав, будет все-таки принуждена считаться с обоими, и может оказаться в положении, когда надо будет дать ответ, которая из обеих сторон опаснее, может оказаться в положении, когда защита ее интересов будет развиваться параллельно с действиями одного из военных лагерей. Заключение мира решало вопрос, в каком положении находится в этот момент Россия после заключения мира. Друг против друга встали две концепции. Одна заключалась в том, что Германия—самый сильный, ибо самый близкий враг, что она может разбить первую социалистическую революцию, прежде чем эта революция окрепнет, прежде чем она пустит корни в сердца масс, научив их на деле бороться за интересы рабочего класса. Поэтому эта концепция говорила: надо заключать мир ценою самых тяжелых жертв, дабы спасти центры рабочего движения, дабы дать им возможность сделаться социалистической организацией, которая одна, стоя перед глазами рабочего класса Европы, ускорит его развитие к мировой революции. Другая концепция выходила из предпосылки, что условия, в которых придется работать Советской России на основе брестского договора, не позволяют надеяться на социалистическую творческую работу, что, подписывая мир, Советская Россия спасет только видимость власти, что она вместо того, чтобы сама получить передышку, даст ее противнику, который в противном случае принужден был бы итти открытым боем на Россию, но, ослабив себя на Западе, тем ускорил бы движение народных масс в своей стране.

Эта концепция считала, что, отказавшись от подписания Брестского мира, Советское правительство может уйти на Урал и Поволжье. Имея эти здоровые центры рабочего движения, как базу, и имея за собой хлебородную Сибирь, оно будет организованным центром для неминуемой революционной борьбы в оккупированной центральной России. И, таким образом, оно, теряя главную область своего господства, все-таки сумеет быть в больших размерах двигателем международной революции, чем сохранив центральную Россию. Первая концепция имела целью обеспечить западный тыл русской революции; вторая рассчитывала на свободный тыл с Востока. Первая принимала в расчет возможность борьбы с союзниками при известной параллельности действий с Германией, как более сильным и более опасным противником; вторая считалась с параллельностью действий с союзниками и брала в расчет войну с Германией именно потому, что видела в Германии пока-что цитадель европейского империализма. Спор обеих концепций был решен не литературной дискуссией, а силой фактов. Не только крестьянские массы не хотели ничего слышать о войне с Германией, единственной актуальной войне, опасность которой была на-лицо в марте 1918 года, но и при передовых рядах рабочего класса не было сил для того, чтобы итти в бой. Подавляющее большинство крестьян и рабочих твердо стояло на почве заключения мира. И так как мир был результатом воли народных масс, то мир был ратифицирован III Съездом Советов.

Брест-Литовский мир есть результат разгрома капиталистически отсталой России германским империализмом. Он был подписан рабочим классом России тогда, когда рабочий класс не сумел еще создать сил для защиты России. Ответственность за этот мир падает всецело на капиталистическую помещичью Россию и на тот факт, что в Европе господствует еще империализм. Советская Россия, подписав его, взяла на себя задачу создать силы, которые залечат раны, нанесенные народам этим миром. Все следующие после Брестского мира акты являются борьбой за то, чтобы не была снята с ран повязка, пока раны не залечатся, пока Россия не будет иметь внутренних сил, дабы помочь своим отрядом, брошенным в жертву мирового империализма для спасения революции, которая первая подняла знамя борьбы с империализмом.

3. Между английским, французским, американским и германским империализмом.

Брестский мир, доказав рабочим стран Согласия, как Германия понимает «мир соглашения», спаял эти массы со своими правительствами. Он дал возможность капиталистиче-

ским заправилам в Лондоне, Париже, Нью-Йорке наполнить эти массы воинственным духом во имя спасения их стран и их «свобод» от разгрома германскими пушками. Брест-Литовский мир только обострил мировые противоречия. И в этой-то атмосфере разгорающихся с еще большей силой международных боев вела свою политику Советская республика в следующие за Брест-Литовским миром месяцы. Путеводной звездой этой политики было не попасть в плен ни одного из лагерей империализма.

Союзники ожидали, что Советская Россия будет Брест-Литовским миром отброшена в их стан. Германский империализм ожидал, что, находясь под беспрерывной опасностью новых ударов, Советская Россия сделается его лакеем, пока он не сумеет создать на Юге контр-революционный центр, исходя из которого он задушит Советскую Россию и, вводя капиталистический порядок во всей России, от Кавказа до Финляндии, создаст мост для союза с русской буржуазией. Германский империализм рассчитывал, что представители русской буржуазии в благодарность за передачу власти в их руки порвут с союзниками, войдут в германскую коалицию, и что таким образом германскому империализму удастся разорвать круг, созданный вокруг него англо-французским капиталом, удастся выйти из изоляции, подать через связанную с ним контр-революционную Россию руку японскому капиталу и создать таким образом против английского капитала единый фронт не только от Гамбурга до Багдада, но и от Гамбурга до Токио. Соответственно этому плану развивалась германская политика и по отношению к Советской России.

Сначала германский империализм пытался окружить ее, заключив мир с украинской радой, только-что разгромленной рабочими и крестьянами Украины. Германский империализм ввел эту мелко-буржуазную организацию во владение Украиной, он двинул войска через Днепр и оттеснял шаг за шагом отряды Советской Украины, которые состояли из остатков старого юго-западного фронта. Он послал свои войска на помощь белогвардейской финской буржуазии, побежденной в феврале рабочим классом Финляндии. Он разгромил героически сражавшихся финских рабочих. В стране, не знающей милитаризма, в стране, которая никогда не учила рабочих сражаться, эти рабочие сумели создать красную гвардию, о которой официоз германского правительства «Норддейтше Альгемейне Цейтунг» был принужден сказать, что эта красная гвардия не сдавалась, что она боролась не на жизнь, а на смерть за свои идеалы. «Егерские полки и матросы-артиллеристы рассказывают, — сообщала правительственная германская газета, — что эта красная гвардия во время боев в финских шхерах, во время боя на льду, покрытом во-

дой, была одинаково упорна и в наступлении и в защите. При наступлении на красную гвардию по льду у острова Ко, она начала отступать только тогда, когда из отряда в 200 человек 60 лежали мертвыми на льду».

Рабоче-крестьянская революция на Украине и рабочая революция в Финляндии были разгромлены до мая. Германские войска могли с севера и юга во всякий момент двинуться против центральной России. На Западе они стояли у Пскова, в расстоянии 3 часов езды от Петрограда. Окружив таким образом Советскую Россию, продвигая с каждым днем дальше свои отряды через границу, установленную Брестским миром, германский империализм начал жить «в мире и согласии», начал проявлять то свое отношение к России, которое определялось брестским договором, «как отношения мира и согласия». Он стал засыпать Советскую Россию тысячами нот, которыми он вмешивался во все области экономической жизни России. Он, под видом защиты интересов германского капитала, сделался представителем интересов русской буржуазии, которая невероятно быстрым темпом стала менять свою ориентацию, переходить на сторону этих спасителей, которые были близки и которые обещали ей в скором будущем восстановить ее права. Представитель германского правительства гр. Мирбах завязывал сношения не только с кадетами, но и с октябристами, и даже с правыми кругами, пытаясь сделаться концентрационной точкой для русской контр-революции. Царские крысы, крысы буржуазной России со всех сторон собирались в Киев, подготовляя там контр-революционный заговор против Советской России.

Советская Россия взяла по отношению к германской политике сразу совершенно определенный курс: уступая германскому нажиму там, где можно было ожидать, что он будет поддержан германской силой, она одновременно поставила ясно и определенно границу своим уступкам. В переговорах о проведении в жизнь брестского договора она заявила германскому капиталу, что она не пойдет на роль украинской рады, что она может делать территориальные уступки, что она может взять на себя уплату дани, возмещение убытков, причиненных германскому капиталу и царским правительством, и социальным законодательством в России, но она ни в коем случае не допустит того, чтобы под формой Советской власти скрывалось хозяйничание германского капитализма на русской территории. Что касается территориальных уступок, то Советская Россия согласилась на то, чтобы области, которые на практике ушли от России, — как, напр., Эстляндия и Лифляндия, — были и формально закреплены за Германией, дабы за эту цену получить гарантию, что германские войска не будут двигаться дальше в глубь Совет-

ской России, ибо это означало бы порабощение новых масс рабочих и крестьян.

Германский империализм согласился пока-что сдерживать свой аппетит в рамках, очерченных Советской Россией. Принудил его к тому не холодный расчет, ибо он понимал великолепно сам, что задача постоянного сожительства пролетарской диктатуры и диктатуры финансового капитала неразрешима,—он пошел на уступки под влиянием объективного развития событий, которое Советское правительство предвидело при подписании брестского договора. Телега германского империализма застряла на Украине; украинская рада, организация мелкобуржуазной интеллигенции, не была в состоянии выполнить взятые на себя в Бресте обязательства. Она должна была заплатить хлебом за поддержку германских штыков, но украинские крестьяне этого хлеба не хотели давать, а у рады не было собственных штыков, чтобы этот хлеб взять. Когда же германцы начали водворять помещиков обратно в их владения, дабы этим путем получить хлеб, мелкая буржуазия из рады поняла, что нельзя одновременно служить германскому империализму и крестьянству. Она затеяла интригу против той силы, при помощи которой сама уничтожила рабочую диктатуру и взяла власть. Германские генералы отбросили раду одним толчком, как карточный домик. На ее место посадили старого царского генерала Павло Скоропадского, друга усмирителя Финляндии, такого же царского генерала Маннергейма. Маннергейм надел костюм финского патриота, чтобы выполнить свою роль Каверьяка. Точно так же Скоропадский надел колпак украинского гетмана, дабы прикрыть национальным украинским флагом русскую контр-революцию, насаждаемую при помощи германских штыков. Но народным массам Украины было безразлично, под каким флагом отнимают у крестьян землю, у рабочих—фабрики и заводы. На Украине разгорелась борьба народных масс против контр-революционной диктатуры, опирающейся на иностранные штыки. Прежде чем киевские контр-революционные войска сумели двинуться из Киева на Москву, им пришлось бы бороться за возможность оставаться в Киеве.

Одновременно германскому командованию пришлось убедиться в том, что путь на Париж не так короток, как думали генералы Гофманы и Бринкманы, когда в Брест-Литовске они мечтали о том, что скоро будут диктовать народам Запада те же самые «мир и согласие», какие они продиктовали нам в Брест-Литовске. Германское наступление, сначала победоносное, потом замедлилось и закончилось отступлением. Находясь в такой обстановке, германский империализм подписал дополнительные договоры, в которых он соглашался на выкуп германской доли в капитале национализиро-

ванной русской промышленности и, таким образом, отказался от вмешательства во внутренние русские дела. В этом состоял главный смысл дополнительных договоров. В этом было их положительное значение для Советской республики, несмотря на пятимиллиардное обязательство, которое сложилось из покрытия расходов по содержанию военнопленных и из ликвидации убытков, причиненных германцам царским военным законодательством.

Несмотря на отдачу в прибавок Эстляндии и Финляндии, несмотря на создание независимой Грузии, этот дополнительный договор не означал установления постоянного курса германской политики, не являлся теми рельсами, по которым могли бы спокойно двигаться русско-германские отношения. Это не подлежало никакому сомнению. Это доказывала оживленная дискуссия германской печати. В немецкой печати очень часто раздавались голоса, требовавшие от германского правительства, чтобы оно порвало с правительством рабочего класса России, задушило Советскую Россию и создало контр-революционное правительство. Германское правительство, несомненно, охотно взялось бы за эту задачу, но она была ему не по силам. И поэтому даже такие факты, как убийство гр. Мирбаха, как бегство германского посольства из России в страхе перед надвигающейся гражданской войной, не могли поднять империалистскую Германию на Советскую Россию. Германское правительство было убеждено, что крушение Советской власти изнутри под напором контр-революционных сил может наступить в любой момент. Оно готовилось к тому, чтобы в этот момент сделать контр-революции территориальные уступки, дабы связать ее с собой. Но оно боялось взять на себя почетную инициативу воссоздания в России контр-революционного порядка, ибо, как позже сказал германский министр иностранных дел, контр-адмирал Гинце: «Россия—это бурлящий котел. Горе тому, кто в этот момент сунет туда свой палец».

Ту же самую политику, которую Советское правительство вело по отношению к германскому империализму, оно повело по отношению к франко-англо-американскому. Не желая остаться с глазу на глаз с германским империализмом, оно не могло стремиться к разрыву отношений с Лондоном и Вашингтоном. Ему нужно было иметь возможность лавировать между обоими лагерями. Далее, оно знало великолепно, что надо попытаться получить экономическую помощь от всякого, кто ее может дать. Германия, истощенная войной, не в состоянии была дать России достаточного количества орудий производства, при помощи которых можно было бы воссоздать русскую промышленность. Не ради обмана союзного капитала, а совершенно серьезно пыталось Советское правительство получить экономическую помощь от Англии и от

Америки. Оно ясно и открыто заявляло им: «Мы не собираемся броситься в войну с Германией. Мы хотим остаться нейтральной страной для того, чтобы иметь возможность воссоздать экономические и политические силы России. Но очень возможно, что германское правительство не позволит нам оставаться нейтральными, что нам придется бороться на жизнь и смерть с германским империализмом. Мы отклонили попытки союзников втянуть нас в войну, но если германское правительство принудит нас воевать, то в интересах союзников будет, чтобы мы были в состоянии воевать, ибо хотя мы не намерены связывать наших военных целей с целями союзников, но, если России придется вести борьбу с Германией во имя собственных интересов русского рабочего класса и беднейшего крестьянства, то не подлежит сомнению, что и это параллельное с союзниками ведение войны принесет пользу союзникам». Советская Россия предлагала союзникам ту же самую сделку, которую предлагала германцам: она хотела заключить с ними известное перемирие, обещала им за их экономическую помощь дать конкретные гарантии в виде экономических концессий. Она готова была даже итти на известную сделку в вопросе об уплате старого долга,—сделку, на которую идет честный банкрот. Не будучи в состоянии за неимением средств уплатить долг полностью, он все-таки берет на себя обязательство выплатить известную часть, дабы иметь возможность снова взяться за работу. В союзной дипломатии эти предложения нашли слабый отклик. Сначала казалось, что благодаря деятельности полковника Робинса, находящегося в России с конфиденциальной миссией, удастся найти в Соединенных Штатах контрагента этой политики. Но скоро стало ясно, что над стремлением к компромиссу восторжествовал интерес военщины, поддерживаемый безумием и злобой мелких парижских рантье, которым Советская Россия отказалась уплатить долг царизма, давно уплаченный кровью русского народа на полях всемирной войны. Союзная дипломатия решила втянуть Россию, во что бы то стало, вновь в войну. Она хотела, во что бы то ни стало, воссоздать восточный фронт, дабы оттянуть германские силы от западного фронта. Контр-революционные эс-эровские клики убеждали союзную дипломатию в том, что достаточно ей будет бросить несколько отрядов на Россию, дабы они стали притягательным пунктом для всех классов русского общества, которое только и мечтает-де о том, как скинуть Советскую власть. Германофильские тенденции в среде русской буржуазии еще больше способствовали победе интервенционистской клики в союзной дипломатии. Союзники хотели по возможности скорее победить, дабы иметь возможность удержать еще русскую буржуазию в своих объятиях.

Германия пошла на компромисс, ибо она не имела сил для оккупации России. На это ей нужно было, по расчету германского генералитета, до 20 корпусов. Германия, не решилась итти против Советской России, ибо понимала, что, как бы ни была ненавистна ей Советская Россия, собственные интересы рабоче-крестьянского правительства требуют борьбы с попытками воссоздать восточный антигерманский фронт, который являлся бы в первую очередь антисоветским фронтом. Союзный капитал не пошел на компромисс, ибо он верил в возможность создания антигерманского фронта на востоке. Создание такого фронта не только означало ослабление Германии в отношении военном, но и одновременно должно было дать в руки союзников большие политические козыри. Сибирь в руках союзников, богатый лесами Север, возможности центральной России,—все это убило бы в Германии желание стремиться к созданию союза с Японией. Эти области были бы одновременным залогом уплаты займа,—залогом того, что Россия осталась в плену у франко-английского капитала.

Октябрь принес крупные изменения во внешнем положении русской революции. Он принес крушение германского империализма. Подтачиваемый работой истории в течение четырех лет, он, наконец, рухнул в пропасть. Здесь не место разбираться в причинах крушения германского империализма. Они состоят в перевесе англо-американского капитализма над капиталом Германии,—в материальном перевесе, который преодолел удобство географического положения Германии, позволявшего ей бороться по внутренним линиям, в то время как противнику приходилось через моря и реки посылать свои войска. Они состоят в том, что германский империализм чересчур много потребовал от германских рабочих масс. Четыре года они выдерживали напор врагов, но больше у них сил не хватило.

Разгром германского империализма является окончательным. Германский империализм вышел из боя как в смысле политическом, так и в смысле военном. Он потерял путь к Багдаду, он потерял свои колонии, он потерял возможность соединить под своим руководством центральную Европу в одну великую область, где германский империализм мог бы развивать свою империалистическую экспансию, опираясь на человеческие и материальные силы Германии, Австрии, Болгарии, Румынии и Турции. По отношению к германскому империализму вопрос состоит только в том, удастся ли ему заключить мир раньше того времени, когда американские топоры и молоты разобьют его армию до конца и будет ли его крушение вполне катастрофическим.

Но крушение германского империализма в момент, когда мы пишем эту статью, означает пока-что победу не герман-

ской революции, а союзного империализма. Германская революция только-что рождается. Союзный империализм уже победил, или, точнее говоря, он еще является победителем.

Новое положение ставит Советскую Россию перед новыми задачами. Понятное дело, если победит германская революция, то вместе с ней русская революция будет непобедимой. Соединение экономических и человеческих рессурсов России с организационной способностью и уменьем германского пролетариата создаст настолько большие силы для защиты рабочей революции в Германии и Австрии, что союзники, находясь вдали от России, принужденные подвозить свои войска или далеким морским путем, или по Сибирской железной дороге, не смогут ее задавить. Весь вопрос сводится к тому, скоро ли созреет германская революция, сумеет ли она достаточно быстро преодолеть всю разруху, вызванную ее борьбой не на жизнь, а на смерть с силами контр-революции, ибо до той поры, когда германская революция крепко станет на ноги, процесс ее развития увеличит задачи и обязанности русского пролетариата. Русский пролетариат, отбивая нападения союзников, может быть принужденным итти активно на помощь германской или австрийской революции, когда союзный империализм попытается ее задавить. Русская революция должна будет в момент победы германской революции помочь ей хлебом, помочь ей людьми для скорейшего преодоления разрухи, но не подлежит сомнению, что самый процесс нарастания германской революции, который развивается теперь быстрым темпом, означает, что опасность со стороны германского империализма, как постоянного фактора, не миновала. Германский империализм может попытаться в отчаянии наброситься на русскую революцию, дабы разрушить резервуар сил германской революции. Он предпочтет столковаться с союзниками, капитулируя перед ними ради спасения своей власти над германскими рабочими, и он может согласиться итти на Советскую Россию, как жандарм английских, американских и французских защитников демократии. Но это будет со стороны германского империализма чистой авантюрой, ибо если бы даже он нашел в своих войсках корпуса, которые ему удалось бы двинуть против Советской России, — а мы думаем, что он таких корпусов больше не нашел бы, то, с одной стороны, он развязал бы всю энергию германской революции, а с другой — наткнувшись на энергичное сопротивление рабочих России, которые уже не беззащитны более, он приблизил бы только свой конец. Этим определяется политика, которую ведет Советская Россия под конец первого года своего существования, накануне начинающейся европейской революции. Она, с одной стороны, попытается всеми силами поднять обороноспособность страны, увеличить армию, а с другой — она попытается за-

хватить те центры, которые могли бы представлять собой точку опоры для союзников, в случае если бы они двинулись с юга через Дарданеллы или через Румынию на Россию. Оттеснив чехо-словаков под Казанью, Симбирском, Сызранью и Самарой, Советская Россия подготовляет решительный бой с Красновым и Деникиным, последним оплотом контр-революции на юге, и готовится к встрече с контр-революцией на Украине. Если удастся разбить быстрым ударом их силы, то в ближайшие месяцы союзники не сумеют нанести решительного удара Советской России. Зима и пространство послужит ей защитой, и она сумеет бороться с напряжённой энергией, имея перед глазами грядущие дни освободительной мировой революции, организуя свои силы, дабы суметь выполнить свои обязанности перед международным пролетариатом. За эти месяцы международная революция сделает, наверное, гигантские шаги вперед, если даже капиталисты всех стран заключат мир ввиду угрожающей им опасности со стороны мирового большевизма, ибо во всех странах скопилось столько социального динамита, что капиталистам не удастся никакими средствами устранить его.

Но мировая революция не будет, очевидно, развиваться с одинаковой скоростью во всех странах. В Америке мы не видим еще даже зачатков мировой революции. В Англии борьба развивается пока-что только в двух крупных центрах—в Уэльсе и на реке Клейд. Не исключена возможность, что англо-американский капитал совместно с японским попытается задавить европейскую рабочую революцию. Не исключена возможность того, что он втянет в это дело японский капитал, но возможно также, что победоносные империалисты стран Согласия при разделе добычи перессорятся между собой. Возможно, что колониальное восстание ослабит союзников. Путь истории не так уж прост, и, если мы сравним концепцию коммунистической партии в эпоху окончания войны с концепцией, созданной в ее начале, то, естественно, нам придется признать, что история шла неоднократно иными путями, чем мы предполагали, что она шла медленно. И это заставляло нас неоднократно отступать. Но не подлежит сомнению, что в основном история шла по тому пути, который предвидели вожди коммунистической партии, главари рабочей революции. Когда в августовские дни 1914 года мы выдвинули лозунг гражданской войны против войны империалистской, на нас смотрели, как на мечтателей. Когда на Циммервальдовской конференции в 1915 году мы призывали пролетариат всех стран к революционной борьбе, нас еще считали мечтателями. Когда на Стокгольмской конференции циммервальдовского объединения, накануне октябрьского восстания, мы призывали к международной революции, представители даже немецкого центра с отчаянием в душе долж-

ны были признать, что это — единственный путь. Но когда рабочая революция в России вызвала только первое пробуждение германского и австрийского рабочего класса — январско-февральскую забастовку, то изолированная русская революция должна была капитулировать перед германским империализмом. Казалось, что это крушение международной революции, что это банкротство революционной концепции коммунизма. Но крот истории работал хорошо, хотя и незаметно. Германский империализм рушится, уже слышна поступь масс, которые на его развалинах собираются строить царство социализма в Германии. Глыбами гранита кажутся нам пока империалистическая Япония, империалистическая Америка и Англия. Но рисовые беспорядки в Японии в августе 1918 года, беспрерывная борьба рабочих в Англии указывают, что и там дело движется вперед. Само собой разумеется, социалистическая революция победит не сразу. Борьба революций и контр-революции будет продолжаться очень долго и с разными результатами, но одно не подлежит сомнению, что эта борьба уже началась в мировом масштабе и что Советская Россия, взяв курс на международную революцию, взяла единственный курс, ведущий человечество к гавани социализма.

Октябрь 1918 г.

(Сборник: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата».)

II.

Интервенция союзников и победа Советской России.

1. Перед новым Брест-Литовском.

Ныне празднует Советская Россия вторую годовщину своего существования. 7-го ноября ее борцы вновь гордо поднимают голову, забывают усталость, забывают раны и обращаются к международному пролетариату и к мировому капитализму со словами немецкого пролетарского поэта: «Меня сотни раз распинали, я страдаю, но я живу». Год тому назад они праздновали первую годовщину существования пролетарской Республики, в момент краха германского империализма. Народные массы, опьяненные радостью, переполняли улицы городов и рабочие делились друг с другом вестью: волк, который хотел нас растерзать, ныне мертв! Немецкий народ восстал и мы рука об руку со старшими опытными братьями, немецкими пролетариями, быстрее сможем выстроить новое здание, а скоро к нам присоединятся и французские, и английские рабочие. Но над старым Кремлем собрались облака,—не объединится ли против Советской России весь капиталистический мир, после того, как германский империализм перестал угрожать английскому? Не удастся ли капитализму Антанты бросить на нас миллионные армии?

Вторая годовщина русской рабочей революции дает на это ответ. Она совпадает с *торжеством по поводу уничтожения Колчака и Юденича и отступления Деникина.* После того, как попытка Антанты задушить Советскую Россию руками *французских и английских солдат* окончилась бунтом французских матросов в Одессе и отзывом английских войск из Архангельска, благодаря растущему протесту английского пролетариата, антантовский капитал попытался задушить Советскую Россию *руками российских контр-революционеров.* Одна Англия пожертвовала на эту цель миллиард шиллингов.

Она снабдила царских генералов смертоносными орудиями, оставшимися после 4-летней войны «за демократию», она обучала офицерство на гостеприимной почве свободного Альбиона. Угрозами и обещаниями принуждены были эстонцы, литовцы, латыши и поляки помогать в борьбе против Советской России тем, которые, в случае победы, послали бы карательные экспедиции против «восставших инородцев». Но все это было тщетно.

Беда белых генералов в том, что как только они начинают побеждать, они терпят поражение. Они продвигаются вперед при помощи малочисленных банд белогвардейского офицерства, которое сражается не на жизнь, а на смерть, потому что ему нечего терять. Но как только они занимают более или менее значительную территорию, начинается их агония. Им приходится мобилизовывать население, чтобы удержать в своих руках занятую ими территорию. И что же видит население? Как коршуны-стервятники налетают вслед за генералами помещики и посылают к чорту обещания Деникиных и Колчаков—оставить крестьянам полученную ими землю. Старые «хозяева русской земли» не хотят довольствоваться вознаграждением за потерю поместий. Они хотят вновь господствовать. Пусть себе Колчаки и Деникины для успокоения пролетариата в странах Антанты обещают считаться с «разумными» требованиями и справедливыми пожеланиями рабочих. За ними крадутся гиены капитала, его тюремщики и палачи, и рабочий класс тотчас оказывается в оковах. Стаи низложенных маленьких царьков—исправников и офицеров выпускаются, как гончие на крестьянство и батраков. Они быстро и воочию доказывают, как правы были большевики, говоря: или *рабочий класс будет держать в своих руках власть* и использует ее, чтобы поддержать в годину бедствий на терпимом уровне пролетариев и всех бедняков и неимущих, пока не удастся совместно с пролетариями других стран создать лучшие условия существования, или *власть попадет в руки эксплоататоров*, которые безудержно ее используют, чтобы вновь надеть ярмо на рабочих и крестьян. Третьего исхода нет. Пока белый террор из-за Уральских гор или Кавказа подобно тигру готовится к прыжку, нерешительные и расслабленные голодом все еще верят: авось будет иначе; как хорошо было бы до-сыта наесться жирных щей демократии. А там и опять в путь. «Демократические» западные державы сумеют обуздать белых генералов, они пришлют машины, уголь, обувь, хлеб. Так побеждают белые генералы. Огнем и мечом отмечен их путь. Антантовский капитал прислал ненужные уже ему дешевые смертоносные орудия, но где же хлеб, уголь, машины? *Как в Польше, так и в Сибири экономическое положение не только не улучшилось, но ухудшилось,*

несмотря на многочисленные союзные миссии, которые советуют, дискутируют и докладывают. Так растет развал в тылу Колчака и Деникина и вскоре враг оказывается не только впереди их, но и в тылу. Но вести о том, какого сорта демократию несут они на своих штыках, поднимают на ноги широкие массы Советской России. «Только в минуту опасности мы видим, сколь мы сильны», говорится в письме, посланном из Москвы 30-го октября. При вести об опасности, угрожающей Москве и Петрограду, усталости как не бывало, смолкают жалобы на голод и бедствия. Электрический ток пробегает по массам. *За какую-нибудь пару дней на фронт выступают десятки тысяч одних только членов партии,* места их в партийных организациях быстро заполняются новыми, пришедшими с фабрик рабочими и работницами. Никакое напряжение не кажется невозможным. Коммунистическая партия вновь ведет за собой народные массы, влекомые могучим желанием разбить врага. Не бойтесь, если услышите, что враг делает крупные территориальные завоевания. Тут его ждет смерть. Не важно, где ему нанесем удар. Мы его разобьем и воссоединим оторванные члены Советской России, этой бедной любимой матери, которая не может никак насытить своих детей, но тем она любимее и святее для них, ибо лишь о них она думает, лишь для них она живет. *Так гибнет русская контрреволюция.*

А все эти пресмыкающиеся, *все литовские, эстонские, латвийские и польские генералы,* весь этот буржуазный сброд и единого дня не смог бы удержать в своих руках власть над народными массами, если бы ему не помогали Ллойд-Джорж, Клемансо, Вильсон. Все, что есть политически сознательного в этих странах, все душой стоит за нас. Подвергая свою жизнь смертельной опасности, пробираются к нам эстонские, литовские, латвийские и польские рабочие, чтобы известить нас о планах тех, кто держит там власть. Это—растущая опасность в тылу врага. Экономический развал прежних окраин России, растущий изо дня в день, благодаря навязанной им антантовским капиталом войне, способствует усилению воли к миру, даже и в мелко-буржуазных массах этих окрайных стран, хотя бы они и были враждебно настроены против Советской России, как страны пролетарской диктатуры. В конце концов приходится принять во внимание, что тонкая буржуазная (а в Польше и помещичья) прослойка антантовских щитоносцев прекрасно понимает, что в случае победы Деникина независимость окрайных государств будет существовать недолго, даже если бы антантовские владыки ее не предали, а они это, несомненно, сделали бы. Отсюда *растущая неспособность и растущее нежелание этих мелких вассалов Сити, Уоллстрита и Парижской биржи служить*

тараном против Советской России. А поэтому—пусть себе недоросший Наполеон—г. Винстон Черчилль, герой, которому воздает похвалы лорд Нордклиф на страницах мошеннической прессы—пусть себе он проповедует священную войну газовых рожков и фиолетовых лучей цивилизации против большевистского варварства, а Ллойд-Джорж все-таки вынужден заявить: *мечом не одолеешь большевизма.* И сколько бы «Дейли Мейль» и тому подобные честные газеты не содрогались от отвращения при мысли о необходимости пожать руку «красным убийцам», сколько бы унионистские члены Палаты Общин ни встречали враждебным молчанием речи Ллойд-Джоржа,—Роберт Сесиль, вождь унионистов, после парадных речей против большевиков, все же вынужден повторить то, что сказал Ллойд-Джорж. И г. Гарвин, идейный глава унионистов, сухо заявляет на страницах «Обсервер»: «Война с советской Россией окончена, ни одно английское правительство не может ее вести». *Военные неудачи белых, растущие финансовые затруднения Англии, растущее движение протеста в рабочих массах загнали в тупик воинственную политику Англии против Советской России.*

В то время, как первая годовщина Советской Республики была свидетелем попытки Антанты—герметически запереть Россию, в настоящее время Литвинов едет на «Принцессе Маргарите» в Копенгаген для переговоров с англичанами, которые теперь принуждают Данию открыть двери советской делегации, точно так же, как в прошлом году они заставляли все «демократические», «свободные» и «нейтральные» государства изгнать советских представителей, как прокаженных. *Но в глубокую ошибку впали бы пролетарии стран Антанты, если бы они уже затянули торжествующие гимны.* Во-первых, мира еще нет, нет даже и перемирия; даже в Англии работают могучие капиталистические силы, чтобе его саботировать; во Франции, несмотря на полумиллионный прирост социалистических голосов, черная реакция одержала формальную победу, которая толкнет Францию дальше по пути реакционной политики, и только энергичная политика Англии могла бы удержать этих контр-революционных истериков от политики ва-банк в русском вопросе. *В Северо-Американских Соединенных Штатах* свирепствует промышленная гражданская война и Уоллстрит,—неоднократно простиравший мирные объятия Советской России с заявлением: мы можем заключить мир с большевиками, потому что мы их не боимся,—видит теперь гидру большевизма за спиной любой стачки. Позиция *Японии* не ясна. *Рабочие Антанты должны еще будут оказать сильное давление, чтобы сильные мира сего, провозглашая во всех церквах: мир на земле и в человецех благоволение, не прибавили бы,—конечно, за исключением России.*

И еще: надо отдать себе отчет, *какой мир готова дать Советской России Антанта*, если она, наконец, и усядется с ее представителями за стол для переговоров. Советская Россия не питает на этот счет ни малейших сомнений; необходимо, чтобы и пролетариату всех стран Антанты это также было ясно: *демократические правительства Антанты готовят рабочим и крестьянам еще худший мир, чем тот, который навязывал Советской России германский император с мечом в руке.*

В то время, как первая годовщина русской рабочей революции была свидетелем крушения позорного германского разбойничего мира, теперь, при наступлении нового года, бросает свою тень в грядущее еще более позорный союзный разбойничий мир. Советская Россия, быть-может, его и заключит, но она не набросит на него покрова, а сорвет маску с этого чудовища, как сделала это с Брест-Литовским миром. Чем раньше, тем лучше. Приступим же к этой работе.

2. Требование союзников.

Мирное предложение, которое привез Буллит из Парижа в Москву, совершенно индентично с теми условиями, которые Филипп Кер, личный секретарь Ллойд-Джорджа, частным образом сообщил в качестве временной базы для переговоров. *В территориальном отношении* это предложение содержит в себе требования признания окраинных государств и областей, находящихся под властью белых генералов. Если перевести дело с дипломатического языка на простой человеческий, то «частное мнение» секретаря английского премьера означает *требование аннексии окраинных государств*, а также колчаковщины и деникинщины союзниками.

Право самоопределения в понимании владык антантовской демократии ничем абсолютно не отличается от того права, которое защищал генерал Гофман в Брест-Литовске. Он требовал от Советской России признания независимой Польши, которая находилась целиком в руках немцев и не имела определенных границ, «независимости» Литвы и Прибалтийского края, судьбы которого определялись лишь членами германского империалистического концерна, и «независимости» Украины, только что завоеванной германскими войсками под покровом мелко-буржуазной рады. *Союзники выставили на своем знамени потерпевшую крушение окраинную политику германского империализма, не смущаясь тем, что во время брестских переговоров сами они клеймили ее как растаскивание по частям России.* С тех пор, как германский империализм потерпел крушение, союзники ничего

не предприняли, чтобы дать возможность свободно выявиться воле населения окраинных государств. В Литве и Латвии до сих пор не было еще никаких выборов, тамошние правительства представляют собой клики самозванцев, держащихся у власти лишь постольку, поскольку их поддерживают в материальном, дипломатическом и военном отношении союзники. Колчак удерживается на территории, оставшейся в его руках, или, вернее, он скачет на подножке, лишь при помощи союзников. Поддержкой союзников живет и Деникин. Если бы Советское правительство признало все эти «государства», то, понятно, это не имело бы ничего общего с мнимым стремлением населяющих эти области народных масс к отделению от России, ничего общего с применением права на самоопределение народов, а было бы исключительно признанием того факта, что судьбы этих областей определяются волею антантовского капитала, которая сильнее российских народных масс: одним словом, это было бы *признанием аннексий частей русской территории Антантой*, которая выдает себя за власть различных независимых правительств точно так же, как германский империализм выдавал себя на Украине то за власть рады, то за власть генерала Скоропадского.

Экономические условия заключаются в первую очередь в признании царских *долгов*, потому что как бы союзные демократы в наше время ни ненавидели всякую деспотию, они не могут отказаться от требования уплаты за то, что оказали поддержку деспотии. Так как Россия не может уплатить долгов обесцененным рублем, она должна уплатить их *концессиями* (лесами, шахтами и т. п.). И далее, так как мир имеет для России значение лишь постольку, поскольку он ей дает возможность развернуть производственные силы, поскольку мирный договор гарантирует доставку машин, паровозов, шин и т. п., ясно, что количество концессий и размер дани, выплачиваемой союзному капиталу, будет неуклонно расти. Таким образом этот мир, если бы Советская Россия заключила его с союзниками, легализует в новой форме *растаскивание по кускам России*, как это имело место в эпоху победоносного германского империализма, при чем все *материальные тяготы*, которые наложил на Россию германский капитал, теперь пойдут на пользу капиталу союзному: *Ипотечная задолженность капитализму, тяготеющая на доме российского пролетариата и крестьянства, остается прежней, меняется лишь владелец ипотеки.* На смену германским поработителям придут союзные «освободители». Таков лучший исход мира союзников с Россией. Весьма возможно, что при изучении вильсоновских пунктов они откроют на теле России еще уязвимые места, куда бы можно было воткнуть кинжал. Но если дело

обстоит так, то возникает вопрос—должна ли Россия допустить, чтобы ее распяли на новом брест-литовском кресте—теперь, когда она, без сомнения, окрепла и имеет свою армию, и второй вопрос—где границы уступок, на которые может пойти Советская Россия, если бы она решилась заключить мир с союзниками. В момент, когда эти строки дойдут до читателя, уже, вероятно, успеет собраться назначенный на 8 декабря Всероссийский Съезд Советов, которому и надлежит вынести решение относительно политики Советского правительства. Ибо если в образцовых демократических странах мирные договоры, как известно, поступают для обсуждения в парламенты, когда в действительности в них ничего не может быть изменено, в «деспотической» Советской России решающее слово в области политики принадлежит представителям народных масс. Однако каково бы ни было решение съезда, уже заранее даже и не зная, в какой плоскости ведется обсуждение этого вопроса сейчас в Советской России, можно *установить основные отправные точки зрения*, которые необходимы, чтобы составить себе суждение о возможных решениях этого вопроса. Их надо иметь в виду, если западно-европейские рабочие хотят ясно понять политику первого пролетарского государства.

3. Первое Рабочее государство и мировая система капиталистических государств.

Когда в ноябре 1917 г. русский рабочий класс захватил власть, ни буржуазные, ни социалистические круги не верили, что ему удастся эту власть хотя бы в течение двух месяцев, не говоря уже о двух годах, удержать. То обстоятельство, что германский империализм пошел на переговоры с Советской Россией, было лишь результатом безвыходного положения, в которое он попал в процессе войны: он жаждал мира на Востоке, мира хотя бы с непрочным правительством, в твердом убеждении, что в случае исчезновения большевиков, уже ни одной партии и ни одному правительству не удастся в ближайшее время мобилизовать крестьянство. Советская же Россия должна была пойти на мир не только потому, что у нее вообще не было никакой армии, но и потому, что, лишь получив передышку, она могла бы стать действительностью. В период брестских переговоров Советская Россия была не больше, чем программой, она существовала только в декларативных декретах Совнаркома. Еще не был разрушен в своих основах и низших органах царский абсолютизм, еще не было вырвано с корнем помещичье землевладение. Формы Советской власти в городе и деревне являлись еще первым опытом, а не про-

дуктом органической работы. Большевистскому правительству приходилось выбирать: или в качестве правительства революционных боевиков-партизан вести из-за Урала с помощью союзников войну против германского империализма, предоставив русскому капиталу реставрировать себя под охраной немецких штыков, или пойти путем брестской Голгофы и ценою национального унижения добиться низложения буржуазии и организации пролетариата. Если немецкие «независимые» дураки и по сей день говорят еще об иллюзионистской внешней политике Советской власти, в то время, как после собственного ноябрьского опыта, им бы следовало сидеть дома со своим обвинением большевиков в «дезорганизации» русского войска, то этим обанкротившимся вильсонианцам уже ничем не поможешь. Правильность политики Советского правительства, основанной на убеждении, что Брестский мир отнюдь не остановит, но ускорит процесс развала мирового империализма, доказывается не только фактом одержанной ею победы, не только тем, что брест-литовские палачи уже гниют в могиле, но и тем, что *Советская Россия сумела пройти между раскаленными углями, с одной стороны, и грязью—с другой, собрав и организовав свои силы настолько*, что год спустя после крушения германского империализма представителям победоносного империализма Антанты приходится сознаться: мечом не одолеешь большевизма. К Брестскому миру—поскольку он вопреки своему хищническому характеру имел положительное значение для Советской России, делая конец опустошительной войне — Россия пришла не по собственной силе и не по силе германских рабочих: она заключила его под давлением армий Антанты на западе. Если победоносный империализм Антанты заключит теперь еще более хищнический мир, то этот мир, давая России возможность существования, будет *принципиальным крушением, брешью капиталистической государственной системы, потому что он будет результатом сопротивления, которое Советская Россия оказала собственными силами, и результатом помощи, оказанной ей всемирным пролетариатом*. Но почему Россия, которую нельзя победить мечом, должна заключить компромиссный мир с Антантой? Почему бы ей с оружием в руке не выжать того момента, когда развал антантовского капитализма разовьется настолько, что для Советской России явится возможность почетного мира?

Ответ очень прост. В период всемирной войны, которую бесконечно затягивала преступная политика империалистических государств, можно было рассчитывать на внезапную катастрофу мирового империализма, на одновременное восстание народных масс во многих странах, поскольку бойня не открывала им возможности иного выхода. При заключе-

нии Брестского мира Советское правительство рассматривало получаемую им, таким образом, передышку как некий короткий эпизод: или скоро наступит всемирная революция и спасет Россию, или мы погибнем в неравной борьбе. Так думали мы тогда. Это представление большевиков соответствовало тогдашнему положению.

Крушение германского империализма, неспособность союзников к окончательной военной победе над Советской Россией и вместе с тем тот факт, что всемирная война пришла к концу, что демобилизационный кризис преодолен, что мировая революция преодолеет капиталистический мир *не единым взрывом, но в длительном процессе его распада, все это совершенно меняет положение и предпосылки внешней политики Советской власти.* С одной стороны, она не может рассчитывать на скорое механическое освобождение в результате спонтанно вспыхивающего массового движения, которое пошлет к чорту Клемансо, Ллойд-Джоржа, Вильсона и всех, кто стоит за их спиной, с другой стороны, она с математической точностью может быть уверена в том, что процесс капиталистического распада будет разваливаться, облегчая ее положение. Но, считаясь с тем, что это будет длительный процесс, Советской России неизбежно приходится искать и находить модус вивенди с капиталистическими государствами. Если бы завтра в Германии и Франции победила пролетарская революция, это облегчило бы положение Советской России; ибо два пролетарских государства в экономическом и вооруженном союзе друг с другом могли бы оказать более сильное давление на капиталистический мир; но и тогда бы они были заинтересованы в заключении мира с капиталистическими государствами, хотя бы уж для того, чтобы, наконец, приступить к восстановлению своего народного хозяйства.

Советскую Россию не удалось победить. И мы уверены, что если Антантовские государства не предложат ей теперь приемлемого мира, она будет продолжать голодать и бороться, и они окажутся, наконец, вынужденными пойти на лучшие условия мира. Для одержания, с помощью блокады, победы над страной с такими рессурсами, какими обладает Россия, требуется время, которого не переживет империалистический режим в антантовских странах. Но, с другой стороны, ясно, что *если Советской России еще долго придется бороться, она не сможет начать восстановления своего народного хозяйства.* Война вынуждает ее отдавать все свои и так ослабленные силы для производства военного снаряжения, отдавать лучшие силы на дело войны, продолжать разрушение железных дорог перевозкой войск. Война заставляет централизировать всю ударную силу государства в руках исполнительной власти, ставит под угрозу советскую систему

и, что важнее всего, грозит поглотить лучшие элементы рабочего класса. Советская власть делала нечеловеческие усилия, чтобы с этим бороться. То, что ей удалось сделать вопреки переживаемой невзгоде в области просвещения, это приводит в изумление честных буржуазных противников. Достаточно прочитать статьи Гудс'а в «Манчестер Гардиен», а через два-три года Советская Россия будет располагать сотнями тысяч новых организационных и культурных сил. О том, как серьезно смотрят вожди в лицо опасности возрождения чиновной бюрократии и принимающего новую форму разложения, можно ясно судить по дебатам на мартовском съезде большевистской партии, недавно изданные протоколы которого представляют из себя ценнейший документ. Но война есть всегда война, ее уничтожающая сила ужасна, и если ценою жертв ей можно положить конец, то конец этот должен быть положен. Конечно, плохо, что русскому народу придется отвести горные концессии английским, американским и французским капиталистам, ибо он сам сумел бы использовать руду для лучших целей, чем уплата дани. Но пока он ведет войну, он не только не может приступить к разработке своих руд, но и вынужден кидать шахтеров в пасть войны. Если бы вопрос стоял так: *хозяйственное социалистическое строительство и война против всемирного капитала, воздвигающего препятствия по пути социалистического строительства*, правильное решение было бы одно—война. Но дело обстоит не так. Вопрос, который приходится решать, ставят таким образом: социалистическое строительство в рамках временного компромисса или война без какого бы то ни было хозяйственного строительства.

Уже в феврале 1918 г. перед Советской властью встал вопрос о необходимости хозяйственных уступок. Когда американский полковник Раймонд Робин уезжал 2 мая 1918 года из Москвы в Вашингтон, у него было в кармане конкретное предложение Советского правительства, содержащее в себе условия экономических концессий (оно опубликовано в протоколах 1 Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства—в речи т. Радека об экономических последствиях Брестского мира). Одновременно, на первом совместном заседании с представителями германского правительства Замнарком Торговли и Промышленности Бронский формулировал практические предложения, сделанные Советской Россией германскому капиталу.

Брус Локарту была сообщена основа для возможных соглашений с Англией. Допустим, что тогда в разгаре всемирной войны, можно было надеяться, что внезапный взрыв народного негодования устранит самую необходимость таких уступок, но в принципе политика этих уступок и тогда была решенным делом и была достаточно обоснована. *Пока пролетариат не*

победил в главнейших странах, пока он не может употребить все производственные силы в мире на дело мирного строительства, пока еще на ряду с пролетарскими существуют капиталистические государства, до тех пор они будут вынуждены итти на компромиссное соглашение, до тех пор не будет ни чистого социализма, ни чистого капитализма, но и тот и другой, при наличии территориального размежевания, все же будут вынуждены делать взаимные уступки в пределах своего собственного государства. Размер уступок, которые придется делать капитализму, будет зависеть от силы пролетарских государств и от их численности. Но самую необходимость этих уступок не может оспаривать никто, поскольку нельзя указать средство, которым можно было бы вынудить противника очистить во всех странах пролетариату поле для его победы.

Но если допускается необходимость компромисса между пролетарскими и капиталистическими государствами, то не открывается ли этим самым возможность и необходимость компромисса с капитализмом в любом государстве?.. не отказываются ли этим самым от революции и диктатуры, как пути к социализму? Не правы ли, в конце-концов, все эти Реннеры, Бауэры, Куновы, Каутские, не является ли наиболее правильным методом коалиция с капитализмом на почве демократии, не обанкротился ли коммунизм со своей программой Советской диктатуры? Вопросы эти надлежит обсудить глубоко и искренно, их нужно изучить исторически в рамках приобретенного российской революцией опыта, и затем решить, насколько могут они претендовать на международное значение.

4. Путь российской пролетарской революции.

Враги коммунизма из лагеря колеблющихся элементов блаженного II Интернационала носятся с двумя легендами, взаимно исключающими друг друга. Одна из них гласит: вся «советская теория»—продукт необходимости, появившийся на свет, когда обнаружилось, что выборы в Учредительное Собрание не дают большевистского большинства. Это вынудило большевиков выступить в качестве гордых рыцарей пролетарской диктатуры. Вторая легенда говорит, что большевики захватили в свои руки власть, как необузданные представители диктатуры, но вслед за тем наученные собственным опытом, оказались вынуждены все более и более разбавлять свое вино водичкой. Как обстоит дело с этими фактами?

Еще до революции 1905 г. большевики считали *диктатуру пролетариата и крестьянства* историческим путем,

которым пойдет Россия. Роза Люксембург и Троцкий старались внести поправки в эту формулировку, говоря о диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Эта поправка подчеркивала тот не отрицаемый также и большевиками факт, что городской пролетариат сыграет руководящую роль в революции. Все те группы, которые создали современный русский коммунизм, сходились на том, что *в такой преимущественно аграрной стране, как Россия, пролетариат должен считаться с интересами крестьянства и не может отказать ему от участия во власти.* Когда большевики в 1917 г. вели решительную борьбу против соц.-революционеров, то они делали это отнюдь не против, а для защиты интересов крестьянства. Ибо вожди эс-эров своей коалицией с капиталистической кадетской партией предавали интересы крестьянства, отодвигая разрешение аграрного вопроса и приносили крестьянство в жертву войне, которую вел русский империализм. Когда благодаря этой политике солдатские и крестьянские массы перешли на сторону рабочего класса и помогли большевикам захватить в свои руки власть 7 ноября 1917 года, большевики предложили побежденным противникам принять участие в организации власти: в течение целых двух недель после одержанной над Керенским победы, не только с меньшевиками, но и с эс-эрами велись переговоры об образовании коалиционного правительства, призванного представлять собою диктатуру крестьян и рабочих. Переговоры потерпели крушение потому, что меньшевики и правые эс-эры еще верили в победу буржуазии. Большевики привлекли все-таки к участию в правительстве левых эс-эров, которые уже откололись от партии в целом и готовы были разрешить вопросы земли и мира путем революционной диктатуры. Разрыв с этой партией наступил тогда, когда обнаружилось, что и в ней берут верх националистические элементы, что идеологи ее идут под знаменем революционно-подкрашенного национализма и не могут решиться на политику мира. Опять-таки в интересах защиты крестьянства произошел разрыв с этой крестьянской партией, все более и более терявшей связь с действительной жизнью и превращавшейся в партию революционного интеллигентского национализма. Разрыв большевиков с партиями, хотевшими представлять крестьянство, но, в сущности говоря, бывшими лишь интеллигентскими идеологами крестьянства, ни на один миг не затуманил ясного представления большевиков о реальном соотношении сил. С одной стороны, они старались объединить *рабочих,* которых погнал из городов в деревню развал промышленности и голод, *с сельским пролетариатом* и мелким крестьянством в единую *организацию деревенской бедноты,* чтобы обеспечить в деревне победу пролетарским интересам; с другой стороны, они все время ста-

рались путем уступок (напр., сельско-хозяйственные кооперативы) привлечь среднее крестьянство на сторону пролетарской диктатуры. Кто видит в этом оппортунизм, тот не знает азбуки социализма. Так как капитализм нигде в мире еще не принял формы чистой концентрации промышленности, так как всюду существуют миллионы мелких и средних сельских хозяйств, то социализация сельского хозяйства будет длительным процессом, проходящим через ряд поколений, при чем социализм придет не путем экспроприации, но путем государственного ипотечного кредита, государственной торговли хлебом, доставки удобрения, торговли сель.-хоз. машинами, путем культурной помощи, которую социалистическое государство может оказать крестьянам. *После своей победы над буржуазией пролетариат должен будет пойти на компромиссное соглашение с крестьянством, но осуществить его он сможет лишь тогда, когда буржуазия побеждена, а крестьянство будет вынуждено пойти на компромисс. Если в некоторой части партии эс-эров существует склонность к компромиссу с большевиками, то это результат победы российского пролетариата над буржуазией, а не «отступления» или «банкротства» большевиков. Это результат опыта, проделанного эс-эрами с Колчаком, в объятия которого они бросились из страха перед большевиками.* Отчасти зрелище прогрессирующей победы рабочего класса над белыми, отчасти опыт, проделанный крестьянской партией в отношении к контр-революции, гонит часть ее членов на сторону большевиков.

Но разве эта победа рабочего класса над буржуазией невозможна иным путем, чем гражданская война и диктатура? Разве она невозможна мирным путем демократии? Вся история русской революции дает отрицательный ответ на этот вопрос. *Политика меньшевиков потерпела крушение благодаря* невозможности, не только экспроприации буржуазии мирным путем, но и спасения народных масс из когтей мировой войны, в которой были заинтересованы лишь верхушки буржуазии—финансовый капитал и те, кому он приносил доход. *Буржуазия должна была быть низложена, диктатура заинтересованных в наступлении мира народных масс должна была быть установлена раньше, чем можно было подумать об осуществлении элементарных насущных требований рабочих масс.*

Дальнейшие прямые и косвенные попытки буржуазии и ее пособников с железной необходимостью определили формы и содержание диктатуры. На попытку буржуазной интеллигенции саботировать при поддержке банков экономическую жизнь и государственный аппарат необходимо было ответить преследованием буржуазной печати, саботажников и т. д. На некоторое время это привело к примитивным формам

производственного контроля и руководства, пока интеллигенция не отказалась от сопротивления. На попытку буржуазии удержать в своих руках господство над народом путем открытой государственной измены, путем укрывания фабрикантов, купцов и банкиров после Брестского мира за немецкой спиной, путем иммунизирования своих состояний через посредство фиктивных сделок и выдачи их за «немецкие» приходилось отвечать, с одной стороны, мерами запугивания, с другой—переходом к быстрой национализации. Чтобы спасти значительную часть промышленности от продажи немецкому капиталу приходилось, не упуская момента, когда стороны торговались о вознаграждении, объявлять ее государственной собственностью, не будучи в состоянии подготовить эти вносящие коренные изменения меры в спокойной обстановке. Когда вслед затем буржуазия вновь стала на сторону Антанты и начала поддерживать все ее заговоры,—пришлось прибегнуть к красному террору, который лишь тогда принял действительно широкие размеры, когда вооруженные Антантой, но поддерживаемые всеми капиталистическими элементами в России, войска Колчака и Деникина начали открытую войну против Советской России.

В двухлетней истории пролетарской диктатуры в России ни одна из крупных мер не явилась продуктом доктринерства, но все вытекали из необходимости. Крушение правительства Керенского было результатом его полнейшей неспособности даже попытаться вывести Россию из кровавого тупика, иными словами *диктатура стала необходимостью благодаря невозможности осуществления элементарных народных интересов, в борьбе с сопротивлением буржуазии,—иным путем, чем путем диктатуры.*

Эту необходимость большевики понимали с самого начала; они требовали всей власти Советам Рабочих Депутатов еще в апреле 1917 года, но тогда уже было ясно не только то, что народные массы освободятся от своей веры в Учредительное Собрание лишь в процессе борьбы с его капиталистической политикой, но и то, что, по сравнению с безконтрольным хозяйничаньем клики правительства Керенского, парламентская трибуна представляет собою некоторый шаг вперед. Благодаря отсрочке правительством Керенского созыва Учредительного Собрания, оно открылось лишь в тот момент, когда уже была установлена пролетарская диктатура. Учредительное Собрание появилось на свет мертворожденным. И все же следовало предоставить ему самому похоронить себя. Если Советское правительство решило само вырыть ему могилу, то лишь в виду опасности, что оно как труп правительства Керенского все еще может пить кровь народа. Советская Россия находилась тогда в процессе мирных договоров с незнающим удержу врагом, и

неосторожная игра Учредительного Собрания с идеей мира помогла бы германской военной партии сорвать мирные переговоры и сразить в самое сердце едва зарождавшуюся Советскую Россию. Равнодушие, с которым все слои народа глядели на похороны Учредительного Собрания, доказывает, что за ним не стояло живых народных сил. Оно было лишь тенью прошлого.

Всякий, кто будет изучать историю Российской революции не как моралист-резонер, а как беспристрастный историк неизбежно должен будет признать железную необходимость и логическую последовательность политики большевиков. Всякий, кто будет изучать ее как революционер, должен будет признать, что это была единственно возможная революционная политика. В данный момент это уже бесспорно. Это признали даже меньшевики в манифесте, выпущенном ими в первую годовщину октябрьской революции. Но еще важнее этого признать тот факт, что единственной силой, могущей вытеснить диктатуру пролетариата, была бы диктатура русской помещичье-капиталистической клики, утверждающей свое господство при помощи всемирной диктатуры финансового капитала.

Русская революция может быть побеждена, и тогда на место диктатуры пролетариата придет диктатура белых генералов. Но победить русская революция может лишь как диктатура пролетариата, ведущая народные массы на борьбу с капиталом. Еще в последнем смертельном бою русская революция, как последнее завещание, крикнула бы всемирному пролетариату два слова: «Диктатура пролетариата».

Перед нами встает последний вопрос: сохранится ли диктатура пролетариата при наличии компромисса со всемирным капиталом? Здесь мы подходим к вопросу о границах компромисса, на который может пойти рабочее государство в своей внешней политике.

5. Мир и перспективы Советской Республики.

Этот вопрос не нов для Советской России. Он стоял перед нею в Бресте, во время переговоров о Брестском договоре. Этот вопрос она должна была иметь особенно в виду при попытках воспользоваться помощью антантовского капитала, дабы не быть отданной на произвол и милость германского империализма. Что касается территориальных вопросов, то Советская Россия уже давно признала независимость Польши и Финляндии. Она готова признать и «независимость» Лифляндии, Эстляндии и Литвы, хотя по существу речь здесь идет об их аннексии Антантой. Она не может оградить себя от этих аннексий, она вынуждена признать факт пре-

восходства сил Антанты, которая хочет воспользоваться сделанными Россией уступками. Это вовсе не означает, что в случае ослабления мощи Антанты, Советская Россия намеревается вооруженной силой вернуть себе окраинные государства. Если наученные горькой нуждой, окраинные государства поймут необходимость собрать воедино все силы для борьбы за освобождение, если это сознание заставит их стремиться к воссоединению с Советской Россией—они будут ею приняты, как равноправные члены Федеративной Советской Республики. Если они предпочтут остаться независимыми, то *насущные жизненные интересы Советской России не толкают ее на путь завоевательной политики в отношении их.* Обычный аргумент—Россия-де нуждается в Прибалтийских гаванях и поэтому должна завоевать Прибалтийский край, это лишь псевдо-экономический покров для оправдания чисто военных завоеваний. России вовсе не нужно обладать гаванями, ей нужно лишь иметь возможность их использовать. Гавани, в свою очередь, нуждаются для своего развития в русском хинтерланде. Великая Россия имеет возможность предложить окраинным государствам столько, что она сговорится с ними о хозяйственных отношениях, об использовании гаваней, о транзите. Ей незачем будет рассматривать прибалтийское население, как приложение к гаваням, ей не приходится пренебрегать его временным стремлением к независимости.

Что касается областей, занятых Колчаком и Деникиным, то Советская Россия очень спокойно возьмет на себя обязательства не пускать против них в ход оружие. Если бы Антанта действительно прекратила вооружать и снабжать царских генералов против Советской России, то эти последние весьма скоро потерпели бы естественное крушение.

Если же Антанта питает надежду втихомолку вооружить эти области для похода против Советской России, то Советская Россия очутится перед лицом нового порядка вещей и вынуждена будет прибегнуть к оборонительным мерам. Территориальные вопросы не являются препятствием к заключению мира, поскольку они разрешаются на почве реального соотношения сил.

Каждое из этих навязанных России решений, имеющих исходным пунктом раздел Российской национальной территории, в процессе дальнейшего развития полетит вверх тормашками. В этой области антантовский капитал столь бессилен, что ему свободно можно уступить.

Но где границы *экономических уступок*, которые Советская Россия может сделать? Как в эпоху Бреста Россия не захотела унизиться до роли вассала германского империализма, также сама она теперь отказывается быть слугой империа-

лизма англо-саксонского. В процессе переговоров Советской России с представителями как германского, так и английского империалистического концерна, Россия заявляла: *мир настолько оскудел благодаря войне, что ни одна из играющих руководящую роль в войне партий неспособна удовлетворить колоссальные хозяйственные запросы Советской России. Ей приходится принимать машины и организационную помощь всюду, где таковые находятся и могут быть получены с наименьшей затратой средств.*

Внес ли в это какие-либо изменения исход войны? Германия потерпела крушение, но, несмотря на это, ее технический аппарат и технические возможности еще очень велики. Англо-саксонские страны являются победителями, но, несмотря на это, их хозяйственный развал зашел так далеко вперед, что они не в состоянии оказать достаточную помощь даже Франции и Италии. В капиталистических кругах Франции растет тенденция елико возможно больше использовать силы Германии, что еще усугубляется тем обстоятельством, что франк в сопоставлении с шиллингом и долларом неуклонно падает (прекрасный пример пользы, приносимой победой и «солидарностью» победителей). Польша и Чехословакия—антантовские вассалы вынуждены заключать экономические договоры с Германией, во-первых, потому, что им недостаточно помощи, оказываемой Антантой, во-вторых, потому, что никакая победа не может уничтожить экономической связи, созданной географическим соседством. К этому присоединяется еще весьма существенный экономический фактор. Если бы даже Россия и вступила на путь столь близорукой политики, чтобы стремиться в первую очередь получить товары вместо того, чтобы подумать о мобилизации своих собственных хозяйственных сил, она все же не могла бы получить этих товаров в достаточном количестве в виду растущего развала мирового капиталистического хозяйства. При наличии минимума получаемых ею из заграничных капиталистических стран производственных средств, Россия должна приступить к организации собственного хозяйства. Она неизбежно придет к необходимости производить необходимые машины внутри страны. И когда эта необходимость будет осознана, то одним из важнейших товаров, в получении которых из-за границы Россия будет нуждаться, явятся квалифицированные технические силы, которых всегда недоставало стране. В Германии, благодаря крушению внешних сношений и развалу хозяйства, имеются тысячи безработных и голодных инженеров, химиков и квалифицированных рабочих, могущих оказать России величайшую услугу при восстановлении ее народного хозяйства. Конечно, прочтя эти строки, антантовские журналисты поднимут крик: так, вот как, большевики хотят помочь *немцам* восстановить си-

лу германского капитализма на русской почве?! Этот новый вопль о якобы большевистском германском заговоре столь лжив, как и старые сплетни. *Германскому капитализму мы не предлагаем даже тех концессий, которые мы предлагаем капитализму Антанты.* Не только потому, что у немцев нет силы вынудить их у нас, но и потому, что им нечего с ними делать. Для капиталистической экспансии нужно иметь капитал, Германия же вышла нищей из войны. Она безрезультатно молит о кредитах в Америке и следовательно неспособна ни на какую экспансию. На старой капиталистической основе вообще невозможно восстановить германо-русские экономические отношения, которые мы считаем необходимыми вне зависимости от уступок, которые Советская Россия вынуждена сделать Англии. Не обмен товарами и не применение в России германского капитала, но трудовая помощь—*вот новая основа германо-русских экономических отношений.* Они не дадут возможности Германии господствовать над Россией, но, помогая России восстановить ее хозяйственные силы, они не только дадут хлеб и заработок тысячам германских рабочих физического и умственного труда, но и создадут почву для последующего германо-русского товарообмена. Эту политику должна была бы вести Россия, даже если бы она была буржуазным государством. Эта политика продиктована русскими интересами, но она совпадает с линией, от которой даже в период бедствий не может отойти пролетарское государство: *оно не должно служить орудием эксплоатации и бойкота других народов.* Конечно, в политическом, так же как и в любовном союзе, должно быть две стороны. Если германское правительство не откажется от своего глупого страха перед большевиками и Антантой, если оно и дальше будет оставаться пассивным в надежде, что Советскую Россию, в конце-концов, поглотит ад и она в пламени пожара падет в объятия деникинских молодцов и стариков, тогда пускай оно винит само себя в грозящем ему изолировании.

Границы экономических уступок, которые Советская Россия может сделать антантовскому капиталу, определяются соображениями социального порядка. Она не может допустить возникновения на ее территории *империалистических колоний, в которых русский пролетариат играл бы роль белых негров.* Если бы Советская Россия вынуждена была отдать заграничному капиталу некоторую часть своих богатств, это могло бы быть сделано лишь на основе условий, заключенных непосредственно договаривающимися государствами. В первую очередь это касается *условий труда*, которые должны быть не хуже существующих для русских пролетариев, если вообще русские рабочие будут наниматься, и затем отношений производства в концессионных районах к

общему производственному плану Советской Республики. В договоре должно быть указано, какая часть продуктов производства поступает в распоряжение организованного русского хозяйства. Для того, чтобы восстановить свое хозяйство Россия должна извлечь немедленную пользу от развития концессионного производства, получая от него по себестоимости определенную часть продукта, которую она использует, как средство производства. Только тогда дань, которую она будет выплачивать заграничному капиталу, не будет ее истощать. Мы бы зашли слишком далеко, если бы стали здесь обсуждать этот вопрос во всех деталях, хотя уже в прошлом году шли подробные деловые совещания по этому вопросу в тех кругах, которые руководят экономической политикой Советской России. Если в прошлом году еще можно было сомневаться, пойдут ли капиталистические круги, привыкшие к индивидуалистическому способу хозяйства, на общественный контроль и ограничение частной инициативы, то за это время положение существенным образом изменилось. *Они стоят в собственных странах перед теми же самыми проблемами*, и как бы они ни оборонялись от попыток установления общественного контроля, не подлежит сомнению, что перед лицом оказываемого рабочим движением давления, перед лицом необходимости хоть какого-нибудь овладения хозяйственной анархией, они вынуждены будут отказаться от своего старого безудержного индивидуализма. Те же уступки, на которые они окажутся вынуждены в отношении английских и американских рабочих, еще не завоевавших политической власти, они сделают и русским рабочим, за спиной которых стоит Российское пролетарское государство. Мы ничего не хотим скрывать и прикрашивать. Как бы ни были велики уступки, которые заграничный капитал вынужден будет сделать в ответ на требования российского пролетариата для того, чтобы извлечь доход из России, уже самый факт, что русские рабочие будут работать для прибавочной стоимости заграничных капиталистов, что русские природные богатства будут использованы чужеземным капиталистическим хозяйством, это само по себе создает *чуждый организм внутри Советской России. Но поскольку Советская Россия сама является чуждым организмом в системе капиталистических государств, поскольку эта опасность неминуема.*

Что здесь есть опасность, это несомненно. Независимо от затруднительного положения пролетарского правительства, при конфликтах между пролетариями и заграничными капиталистическими концессионерами существует еще опасность собирания остатков разбитой русской буржуазии вокруг заграничных частных капиталистических предприятий. Эта опасность будет возрастать по мере дальнейших усту-

пок Советской Республики заграничному капиталу при затягивании современного переходного периода. На это и рассчитывает Ллойд-Джордж и другие руководители Антанты, проявляющие склонность к заключению мира с Советской Россией. От того, насколько длительным будет это сотрудничество, зависит исполнение их надежд, зависит влияние перемирия с антантовским капитализмом на развитие русского пролетарского государства. Если это сотрудничество будет длиться многие годы, в то время, как капитализм будет укрепляться в Европе, то из Советской Республики в лучшем случае получится *государство на манер Новой Зеландии или Австралии, капиталистическое государство, управляемое рабочими и фермерами, где финансовый капитал идет на крупные уступки пролетариату в области условий труда.* Такое положение все же значительно лучше, чем то, в котором находятся Европа и Америка, но это не диктатура пролетариата для осуществления коммунизма. Но если, как мы полагаем, всемирная революция, хотя и медленно, но верно наступит, то с интересами заграничного капитала придется считаться не бесконечно, и *действительная власть* пролетариата не будет поставлена под угрозу. Тогда эта уступка капиталу, приносящая Советской России мир и возможность приступить к восстановлению своего хозяйства *позволит даже усилить фактическую мощь пролетариата*, потому что совершенно ясно, что она будет усиливаться по мере улучшения транспорта, поступления сырья и топлива на фабрики, доставки товаров крестьянам в обмен на хлеб, хотя бы и пришлось временами кому-либо сунуть затычку.

Чем сильнее будет Советское правительство, тем легче оно сможет отказаться от террора, который является средством самообороны, тем мягче оно сможет проводить в жизнь свою диктатуру. *Диктатура должна иметь место, пока государству пролетариата угрожает опасность.* От размеров опасности зависит острота диктатуры, от смягчения опасностей—количество колеблющихся слоев, лишенных прав, принадлежащих пролетариату. В параграфе 2 политического раздела *программы Российской Коммунистической Партии* (март 1919 г.) говорится:

«В противоположность буржуазной демократии, скрывшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезнет деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплоататоров, и Советская конституция, исходя из того, что всякая свобода является обманом, если она противоречит освобожению труда от гнета капи-

тала, не останавливается перед отнятием у эксплоататоров политических прав. Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплоататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод, *разъяснить вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплоататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплоатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене*».

По мере того, как победы Красной армии над контр-революционными войсками заставляют потускнеть надежды русских помещиков и эксплоататоров на восстановление их господства, растет возможность смягчения *пролетарской диктатуры в России*. Впервые в мировой истории эта диктатура дала возможность широким народным массам принять участие в духовной жизни и руководстве государством, т.-е. создать истинную демократию, равной которой не существует ни в одном государстве. Но эта же диктатура лишила политических прав буржуазию и поддерживавшую ее интеллигенцию, потому что они употребляли эти права для воздвигания преград освобождению народных масс. Вооруженная борьба русского пролетариата с контр-революцией давно бы уже окончилась, если бы капиталистические государства (в первую очередь Германия и Антанта) не поддерживали русскую контр-революцию всеми имеющимися в их распоряжении средствами, вынуждая Советскую Россию к крайним мерам самозащиты. В этой борьбе контр-революция потерпела крупное поражение. Если антантовский империализм, наконец, перестанет раздувать русскую гражданскую войну, если он снимет убийственный кордон, тогда победоносный рабочий класс, по мере прекращения гражданской войны, сумеет отказаться от применения военных средств. Это не будет отказом от руководства государством сообразно интересам рабочего класса, наоборот, это будет впервые истинным развитием пролетарского государства: через победу пролетариата путем угнетения буржуазии к демократии. Это развитие само собою будет итти вперед. Каждая попытка ускорения этого развития путем давления со стороны антантовского капитала этому только помешает. Каждое вмешательство в пользу былой буржуазии будет будить глубочайшее недоверие в пролетариате и раздувать гражданскую войну, хочет этого Советское правительство или нет.

Мы обрисовали уступки, которые может сделать Советская Россия. Многим революционерам это будет казаться

глубоким унижением. Как, гордая Советская Россия, аннулировавшая военные долги, станет их платить? Советская Россия, победившая русскую буржуазию, пойдет на уступки иностранной? Да, именно потому, что Советская Россия не в состоянии победить мирового капитала—это может сделать лишь всемирный пролетариат—она должна платить дань мировой буржуазии. Гнев тут не поможет. Это состояние будет продолжаться до тех пор, пока растущий капиталистический развал не выльется в мировую революцию. Часть капиталистической печати и мнимо социалистические предатели пролетариата станут говорить о Дамаске Советской республики, о капитуляции коммунистов. Пусть себе болтают, они уже говорили то же самое после Брест-Литовска, а мы все еще живем, в то время, как брест-литовские победители раздавлены колесом истории. Мы ни от чего не отказываемся. Все, что мы говорили о диктатуре пролетариата, остается в полной силе, и как бы ни менялись формы ее применения, русское Советское правительство всегда будет оставаться представителем пролетарской власти или перестанет существовать вовсе. Пусть знают враги и друзья: мнимо Советской республики существовать не будет. Если бы Советская республика не имела силы отстоять свою реальную власть, она бы не стала защищать своего фиктивного существования; она капитулировала бы или погибла в борьбе. Что ей не придется этого делать, доказывает исход осеннего наступления на столицы. Если бы силы были на исходе, к чему было бы бороться? Раз она боролась и выдержала трудное военное испытание, она выдержит и тяжелое зимнее экономическое испытание. В хозяйственном отношении у Колчака и Деникина дело обстоит несравненно хуже; к тому же надлежит заметить, что в то время, как в Советской России рабочий класс видит, что пролетарское правительство делает все возможное, чтобы ему помочь, в деникинщине и колчаковщине он, голодая, должен смотреть, как расточительствуют богачи. Половина Европы будет претерпевать этой зимой адские муки и Антанта никому не придет на помощь. Она не оказывает помощи, потому что не в состоянии этого сделать. Помощь требует многих миллиардов, а Франция и Англия сами стоят на краю банкротства. Советское правительство не имеет никаких оснований для открытой или замаскированной капитуляции. Чтобы найти выход из переживаемой невзгоды, оно имеет основание итти на уступки во имя заключения мира. Ближайшие месяцы будут решающими, показав, способна ли Антанта в целом к разумному решению русского вопроса. Если она окажется на это неспособна, то Советской России придется отстаивать себя ценой величайших жертв, но крушение антантовского империализма наступит еще скорее, потому что ему придется

вновь делать неслыханные усилия, чтобы одержать победу над Советской Россией. Между нами и нашими противниками существует одно коренное различие: время работает на нас. Поэтому мы решили пойти на уступки, зная, что в конце концов за нами обеспечена победа. В их же среде идет неудержимо развал. Скорость победы зависит в значительной степени от поведения антантовских рабочих, от темпа, которым идет развитие во всех странах мира. В этом водовороте скрещивающихся тенденций несомненно одно: растущий развал капитализма, нарастание пролетарской революции. Нам, ее авангарду, придется, быть-может, еще пережить тяжелые минуты. Но она, наверное, победит!

Берлин. Декабрь 1919 г.

(Напечатано в 3 ном. берлинского издания „Комм. Интернационала".)

III.

От интервенции к торговому договору.

1. Поражение Колчака, Юденича и Деникина.

На исходе 2-го года существования Советской республики Красная армия теснила Колчака вдоль Сибирской жел. дороги, обрекая его на окончательное поражение и разгром. Деникинские полчища были вынуждены к грандиозному отступлению; им предстояло остановиться лишь на Кавказе, где их между Ростовом и Новороссийском ждала гибель. Господин Ллойд-Джордж, однако, спокойно заявил, что он никогда не верил в победу Деникина и Колчака, как будто они никогда не пользовались поддержкой Англии. Большевизма,—говорил он,—вообще нельзя уничтожить силой меча. Почему Колчак и Деникин должны были погибнуть, это ясно теперь даже буржуазной печати. Известия о положении дел в тылу Колчака, напечатанные летом в «Манчестер Гардиен», принадлежащие перу одного английского наблюдателя, говорят на том же языке, что и признания, которые мы слышим теперь от деникинцев. В тылу Деникина господствовала безудержная вакханалия наживы и карьеризма: справляли оргии спекулянты, расхищали и грабили все. Достаточно сказать, что англичане вынуждены были самолично доставлять обмундирование отдельным воинским частям, чтобы его не раскрали и не продали по дороге. В то время, как неслыханные суммы безумно расстреливались на воздух, население изнывало под тяжестью дороговизны и всякого рода кризисов. Богатейший южный хлебный район сильно страдал от недостатка хлеба. Имея в своем распоряжении угольный район мирового значения, неистощимые запасы нефти,—из-за недостатка топлива не могли пустить в ход ни транспорта, ни промышленности. Ужасающий подбор личного состава администрации превращал на местах в изде-

вательства все высокие слова о законности и праве. Старые земские начальники, ожившие пристава, отбросы старого царского правительства, облеченные полномочиями, наезжали на места и кормились, пытаясь восстановить власть старых помещиков, которые при помощи местных властей и войска возмещали себе прежние убытки и мстили крестьянам. Шел систематический грабеж. В последнее время это никого не удивляло. Тащили солдаты, грабили офицеры, грабили многие генералы. Так описывает положение деникинского тыла контр-революционный журналист Г. Н. Раковский в своей книге «В лагере белых», вышедшей в Константинополе.

Крушение контр-революции вынудило главных партнеров гражданской войны в России—Советское и английское правительства—ясно заявить, что они намерены делать дальше. Советская республика дала ответ на этот вопрос на Съезде Советов, имевшем место в декабре 1919 года. Пушки гремели еще у Ростова-на-Дону, перед армией стояла еще тяжелая задача во время суровой зимы нанести последний удар полчищам Деникина. Но взоры Советского правительства уже обратились к мирному строительству. Съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов прошел под лозунгом мирного строительства. В кругах коммунистической партии загорелась оживленная дискуссия о методах и формах организации производства,—дискуссия, которая закончилась на мартовском съезде партии и послужила исходным пунктом величайших усилий путем трудовых армий использовать силу крестьянства для восстановления промышленности, без которой и крестьянское хозяйство должно было пасть до уровня средневековья. Советскую прессу наполняла пропаганда трудовой дисциплины. Труд был возведен в религию, и все более широкие круги охватывало радостное сознание, что пора кровопролития миновала и Советское правительство и Советская республика обратились к тем задачам, ради которых она возникла: к борьбе против нужды и нищеты, к организации хозяйственных сил разоренной страны.

Руководящая сила европейской контр-революции,—британское правительство,—увидев невыполнимость плана с оружием в руках победить Советскую Россию, казалось, пошло навстречу мирным стремлениям Советской России. Конец января 1920 года принес радиотелеграмму о постановлении Союзного Совета снять блокаду с России. Надо было пережить впечатление этой вести на русском фронте, чтобы представить, как горячо и глубоко было стремление к миру и труду в русских народных массах. Переговоры, которые с декабря месяца начал *Литвинов*,—одна из лучших дипломатических сил Советской России,—с О'Греди в Копенгагене, повели к переговорам о modus'e vivendi между Советской Россией и капиталистическим миром: к Литвинову вскоре

присоединился *Красин*, один из лучших русских техников и в то же время старый член Российской Коммунистической партии. Советская Россия была готова пойти на значительные уступки, чтобы обеспечить себе возможность мирного труда. Ее руководящие сферы, как и массы, на которые она опирается, исходили при этом из того взгляда, который мы в феврале 1919 года изложили в следующих словах:

«Пока пролетариат не победит во всех главнейших государствах, пока он не в состоянии использовать для строительства производительные силы всего мира, пока на ряду с пролетарскими государствами существуют государства капиталистические,—до тех пор первые вынуждены заключать с последними компромиссы, до тех пор не будет ни чистого социализма, ни чистого капитализма; будучи территориально разграничены между собой, они вынуждены будут друг другу делать уступки на своей собственной территории».

Скоро должно было обнаружиться, действительно ли Англия имела желание честно заключить компромисс с Советской Россией. Польский вопрос был пробным камнем мирных намерений английского правительства.

2. Польская опасность.

Польская война была частью войны, которую Антанта вела против Советской республики с конца 1918 года. Советская Россия еще в Брест-Литовске защищала независимость Польши против германского империализма. Когда Польша, освобожденная русской революцией от когтей царизма, была и германской революцией освобождена от оков германского империализма, Советская республика признала Польскую республику и предложила правительству польских социал-патриотов с Дашинским и Пилсудским во главе вступить в переговоры, которые должны были окончательно ликвидировать наследие царизма. Но польские социал-патриоты боялись революции в собственной стране. Будучи идеологами мелких буржуа, они хотели в независимой Польше вводить социализм «безболезненно», демократическим путем. Они боялись мирных сношений с Советской Россией, потому что боялись революции. И стиснутые между русской и германской революцией, полные страха перед их революционизирующим влиянием, они обратили свои взоры к Антанте, единственной непоколебимой капиталистической группе, и ждали от нее спасения. Она должна была дать им сырье и машины, должна была дать оружие против революции. Для Антанты же вообще Польша была валом против Советской России, для Франции в частности гарантией Версаль-

ского мира. Польша должна была вооружиться до зубов, чтобы быть готовой в качестве вассала Франции взыскивать русские долги и охранять ее от Германии. Эту роль взяла на себя Польша и выступила против советской Белоруссии и советской Литвы, под предлогом, что Советская Россия готовит нападение на Польшу. В течение года варшавское правительство посылало на восточный фронт сыновей польских крестьян и рабочих, в течение года телеграфные агентства сообщали о польских победах над красными войсками. Эта слава была куплена дешево: Советская Россия, находившаяся в тяжелой борьбе с Деникиным, Колчаком, Юденичем, Эстляндией, Финляндией, Петлюрой, держалась против Польши оборонительно. Польские победы были одержаны на бумаге. И в момент решительной борьбы с русской контрреволюцией Советская Россия вошла даже в тайные сношения с Пилсудским, на основании которых Красная армия отступила за условленную линию. Господин Пилсудский и польские социал-патриоты позорно предали Деникина и Антанту: царских генералов они боялись больше, чем Советской России. Они были убеждены, что победа белых означает конец польской независимости. Поэтому хотя они и продолжали смиренно и добросовестно брать французское и английское золото на войну против Советской России, они сговорились с этой последней, как не вести этой войны. Советская Россия предложила прямое окончание войны мирными договорами, которые должны были предоставить Польше всю Белоруссию до Березины, Волыни и Подолии. Но Пилсудский боялся разрыва с Антантой, он нуждался, по крайней мере, в видимости войны, чтобы не быть принужденным к демобилизации, которая должна была развязать внутренние социальные противоречия. Когда Деникин и Колчак были побеждены, белая Польша ожидала, что Советская Россия обратит теперь свои освобожденные силы к наступлению на западном фронте. Пресса Антанты старалась укрепить ее в этой уверенности. Советская Россия, которая честно стремилась к миру с Польшей, старалась рассеять эти опасения польского правительства целым рядом заявлений. В одном заявлении высшего представительства Советской России Ц.И.К. Советов, как и в заявлении Совета Народных Комиссаров, была торжественно признана независимость Польши, и ей были предложены мирные переговоры.

Польское правительство искало совета у союзников. В ответах Франции дело шло, само собой понятно, о поддержке военной фракции польского правительства. Французский империализм уступил давлению английского правительства, согласившись на снятие торговой блокады, но он не отказался от мысли о ниспровержении Советской России. Англия ответила уклончиво. Правда, Ллойд-Джордж заявил полякам,

что было бы лучше, если бы они заключили мир. Однако он остерегался каким бы то ни было образом толкать на заключение мира. И Ллойд-Джордж не один представлял английское правительство. Рядом с ним, представителем мелко-буржуазных воззрений и сторонником мирной торговли, существовало еще второе английское правительство, — правительство В. Черчилля и лорда Керзона.

Это второе правительство состояло из двух клик: военной и индийской. Военная клика, группирующаяся около *Черчилля*, видит в России зачинщика мировой революции. Она боится победы коммунизма в Германии и могущего возникнуть союза между Советской Россией и советской Германией. Она стоит за *всемирные* усилия для военного свержения Советской России и одновременно за уступки буржуазной Германии. Лорд Керзон оф Кедльстон вырос в традициях защиты Индии. В качестве бывшего вице-короля Индии он рассматривает английскую политику и мировое положение с террасы индийского вице-королевского дворца. Основной мыслью внешней политики Керзона было и останется ослабление России,—России вообще, безразлично, каково русское правительство. Керзон боялся победы белых генералов. Он был убежден, что белая Россия будет держать курс на экспансию в *Азии*, чтобы заставить русский народ забыть о революции и укрепить славу господствующей генеральской клики, а вместе с тем и ее внутреннее положение. Поэтому он в августе 1919 г. аннулировал старый русско-персидский договор и поставил Персию—этот военный гласис индийской крепости—под нераздельный английский контроль. Поэтому он уничтожил соглашение о Дарданеллах и взял их под «защиту» английских пушек. Ему были не по душе победы *Деникина*, и, быть-может, история когда-нибудь докажет, что Керзон участвовал своей рукой в игре, если *Деникин* и *Юденич* не были поддержаны всей мощью Англии. После поражения *Деникина*, заботы *Керзона* должны были обратиться к мысли продлить состояние гражданской войны в России, не дать зажить ранам России. Одна часть *деникинских* войск была в момент поражения в Крыму, где они, подкрепленные беженцами с Кавказа, под предводительством *Врангеля* могли образовать исходный пункт новой интервенции. На западе стояли польские войска. Принуждаемый поражением белых в России и стремлением к миру английского рабочего класса, к мирным переговорам с Россией, Керзон не хотел допустить ликвидации антибольшевистских—что значило для него: анти-русских—сил. Под маской гуманности он начал переговоры с Советской Россией о ликвидации врангельского фронта, с целью выиграть время для вооружения Врангеля. Он правильно рассчитывал, что сильно ослабленные войной

красные войска не будут очень сильно теснить Врангеля, если им будут открыты виды на бескровную ликвидацию врангелевского фронта. Что касается Польши, то при воинственном пыле французов было достаточно, чтобы он и *Черчилль* дали ей понять, что она может продолжать получать обещанное оружие. Когда Польша стала уверена, что мирная позиция Ллойд-Джорджа всерьез не принимается его коллегами, она перестала принимать всерьез мирные предложения английского премьер-министра. А Ллойд-Джордж? Ллойд-Джордж не меньше Керзона хотел низвержения Советской России. Он только не верил в победу оружия. Керзон и Черчилль могли, однако, представить ему донесения своих агентов, в первую очередь ревельской военной миссии, из которой вытекало, что Красная армия совершенно деморализована жаждой к миру. Перевод отдельных частей Красной армии на положение армии труда принимал в этом донесении вид доказательства того, что Советское правительство само видит небоеспособность Красной армии. Если это так, почему тогда не обождать, не удастся ли Польше разгромить Красную армию? Тогда не придется делать никаких уступок ненавистной Советской России. Ллойд-Джорджа укрепило в намерении to wait and to see (подождать и посмотреть) поведение Литвинова и Красина в копенгагенских предварительных переговорах. Вместо того, чтобы жалобно молить о мире и предложить High Honourables Россию на распродажу—Литвинов и Красин прямо заявили, что Россия так ослаблена войной, которую она вела вместе с союзниками, и новой гражандской войной, которую они финансировали, что она не в состоянии платить старых царских долгов и тотчас вывезти большое количество хлеба и сырья. Она должна сначала поднять состояние своего транспорта с помощью капитала Антанты и пустить в ход промышленность, прежде чем будет в состоянии появиться на мировом рынке, как поставщик сырья и хлеба.

Польское правительство объявило, что готово на мирные переговоры. Но местом для этих переговоров оно предложило *Борисов*—городишко за польским фронтом, на железнодорожной линии, ведущей на *Минск*. Выбор места для мирных переговоров говорил всякому сведущему человеку, о каком мире думала Польша. Русско-польский фронт распадался на две части: на юго-западный и северо-западный. Для Польши было ясно, что Советская Россия должна быть слабой на юго-западном фронте. Украинская железнодорожная сеть, состояние украинского населения, которое видело смену двенадцати правительств и поэтому не верило ни одному,—было тому объяснением. К этому прибавлялось соображение, что удар на юго-восточном фронте только тогда мог бы подействовать в направлении центра польского правительства *Варшавы*, если б

за ним последовал удар на северо-западном фронте. Кратчайшая дорога на *Варшаву* шла через *Минск*. Польское правительство, отказываясь от перемирия на целом фронте и допуская его только на фронте *Борисова*, было таким образом в состоянии, в случае, если Россия не пойдет на все требования Польши, повести наступление на Киев во время мирных переговоров в то время, как силы красных войск будут оставаться связанными на северо-западном фронте. *Пилсудский* хотел играть роль генерала *Гофмана*. И как *Гофман* в виде козыря против Советской России выставил мелкобуржуазного украинского националиста *Петлюру*, чтобы отделить от России украинцев, т.-е. хлеб и уголь, так и *Пилсудский* заключил с *Петлюрой* сделку, в силу которой этот трижды изгнанный рабочей и крестьянской Украйной всесветный союзник и всесветный изменник был признан *Пилсудским* защитником независимости Украйны. Советское правительство 8 апреля обратилось к английскому правительству с нотой, в которой представило это положение вещей и как место мирных переговоров, между прочим, предлагало Лондон. Вместе с тем говорилось: если английское правительство действительно заинтересовано в мире, то оно имеет возможность осуществить компромисс между Польшей и Советской Россией и таким образом устранить путем мирных переговоров войну. Если английское правительство этого не сделает, оно лишится права вмешиваться в русско-польскую войну. Как «нейтральная» держава, английское правительство сбросило маску. Оно не ответило на ноту Советского правительства; 29 апреля началось наступление *Пилсудского* на Киев, который защищался всего 6.000 человек. 7 июля Киев пал. Французская пресса высмеивала англичан: вы хотите получить сырье и средства существования переговорами с Советской Россией. Все это доставит нам *Пилсудский* из Украйны.

3. Переговоры с Англией.

Английское правительство вело между тем затяжные переговоры. Правительство, которое Литвинова не впустило, утверждая, что дело идет не о политике, а о хозяйственных сношениях, начало с *Красиным* переговоры с вопроса о преодолении политических препятствий к хозяйственным сношениям. Оно горько жаловалось на коммунистическую агитацию, которая ведется со стороны Советской России не только между английскими рабочими, но и—вот преступление—между народами *Востока*, которые самим богом предназначены к тому, чтобы наслаждаться благодеяниями английского господства. Оно требовало прекращения этой пропаганды, как основного условия русско-английского торгового соглашения.

Красин указал на то, что Англия является главой антирусской коалиции, руководительницей русской контр-революции. На требование англичан прекратить борьбу против английских интересов на Востоке, *Красин* ответил указанием, что Россия никоим образом не в состоянии прочитать у англичан в глазах, в чем состоят их интересы на Востоке. Россия граничит с Востоком, и хотя она не преследует на Востоке никаких корыстных целей, ее интересы состоят в том, чтобы никакая империалистическая сила не использовала восточные страны, как базис для борьбы против Советской России, совершенно *независимо от того*, что Россия связана с народами Востока солидарностью народа, теснимого мировым капиталом. «Известия» развили эту мысль. Они говорили: Советская Россия никоим образом не видит в народах Востока объекта торговли. Она прочно связана с их подъемом, однако ясно, что если Англия заключит мир с Советской Россией, то это создаст такую ситуацию, при которой также и восточные народы, поддержанные Советской Россией, смогут достичь мирного modus'a vivendi с Англией, если они ради мира принесут жертвы, как это сделала Советская Россия в Брест-Литовске.

Английское правительство, хотевшее использовать нетвердое положение Советской России на польском фронте для заключения соглашения, настаивало на его заключении. 6 июля соглашение было подписано Советской Россией. Соглашение гарантировало свободу торговых сношений обеих сторон под условием отказа с обеих сторон от всяких враждебных действий и агитации, не перечисляя их подробно. Английское правительство думало, что этим соглашением одержало крупную победу. В действительности оно получило кусок бумаги, который еще только надо было реализировать. Не потому, чтобы Советская Россия намеревалась по образцу Бетман-Гольвега рассматривать всякую сделку с капиталистическим правительством, как клочок бумаги. Не придавая дипломатическим соглашениям значения священного писания, Советская Россия намеревалась, без сомнения, соблюдать мирное соглашение, потому что она нуждалась в мире для своего хозяйственного строительства. Лучшей гарантией сохранения мира Советской Россией является ее заинтересованность в торговых сношениях с капиталистическими странами. Но если Англия думала связать Россию, не связывая себя, то это было большое заблуждение. Так как при враждебном поведении Англии против Советской России сдержанность России потеряла бы основание, соглашение представляло из себя пустой лист бумаги, который еще только должен был быть заполнен обеими договаривающимися сторонами.

В то же время Красная армия старалась создать условия, при которых также английское правительство стало бы живо заинтересовано в поддержании мира с Советской Россией.

4. Война с Польшей.

Еще не высохла бумага, на которой польские буржуазные болтуны сравнивали победы *Пилсудского* с победами *Болеслава Храброго*, не завяли цветы, которыми забросали *Пилсудского* на улицах *Варшавы* при его возвращении из *Киева*, как на северо-западе началось наступление *Тухачевского*. Поляки сдержали его у *Молодечно*, однако, ценой участия некоторого числа дивизий, взятых с киевского фронта. Это так ослабило польский южный фронт, что, когда кавалерия прежнего вахмистра *Буденного* перешла Днепр, польский южный фронт дрогнул. Благодаря этому северный фронт был оставлен без поддержки. Он повис в воздухе. В то время, как конные войска *Буденного* в ожесточенных боях отбросили поляков к Галиции, северный фронт форсированным маршем отошел к Брест-Литовску и Белостоку, жестоко преследуемый войсками Тухачевского. «Hannibal ante portas», кричала та самая империалистическая пресса Антанты, которая незадолго перед этим говорила о Красной армии, как о недисциплинированной орде. Французская пресса кричала о военном вмешательстве в защиту Польши. Начальник штаба маршала Фоша, генерал *Вейганд*, принял командование польской армией, и Англия, которая 8-го апреля не хотела ничего слышать о вмешательстве в пользу мира, вдруг показала себя высоко заинтересованной в установлении мира между Советской Россией и Польшей. И хотя Англия, которая видела в Польше вассала Франции, никоим образом не имела причин питать симпатию к этой опоре французских стремлений к гегемонии на континенте, но она понимала, что уничтожение белогвардейской Польши будет иметь катастрофические последствия для мировой буржуазии. Советская Польша была бы передовым укреплением Советской России. Господство рабочего класса на *Висле* не только лишило бы Версальский мир опоры в лице Польши, но и ускорило бы победу немецкого пролетариата, так как тогда у него исчез бы страх быть раздавленным между империалистической Францией и националистической Польшей. Поэтому Англия забыла, что она не может вести никаких политических переговоров с проклятой Советской Россией.

Каменев во главе политической делегации поехал в Лондон; он был так любезно принят Ллойд-Джорджем, как будто являлся посланником кровожадного царя, а не пролетарской демократии России. И английское правительство предложило общую конференцию по Восточному вопросу. Оно дало понять, что дело идет о полной ликвидации анти-большевистской политики, за которой должно последовать признание Советской России. Ллойд-Джордж и его приспешни-

ки таинственно посвятили русскую делегацию в секреты своих расхождений со «скверным» Мильераном, которые, разумеется, знал из газет каждый уличный мальчишка. Цена, которую предстояло заплатить Советской России за честь пользоваться большим доверием Ллойд-Джорджа, чем будто бы обладал Мильеран,—цена всех этих любезностей должна была состоять в прекращении военных действий против Польши. Советская Россия отклонила английское вмешательство. Ни английские любезности, ни угрозы муками ада, которые всегда выступают на сцену, когда английским империалистским интересам грозит опасность, в виду того, что английский народ является избранным на ряду с иудейским,—ни кнут, ни пряник не остановили русского наступления. Советская Россия была готова к миру, но это должен был быть мир, заключенный между русским и польским народами, который сделал бы раз навсегда невозможным для Антанты занести польскую саблю над Советской Россией.

Опасности наступления, однако, были налицо. Чем дальше Красная армия удалялась от своего базиса, тем затруднительнее было кормить ее и снабжать военными припасами. Тяжелая артиллерия не могла следовать за войсками. Грозила опасность, что уставшая, растянувшаяся Красная армия столкнется с сомкнувшимся врагом. Состояние транспорта современно не позволяло принять участие в боях всем наличным силам. В противовес этим соображениям, которые диктовали остановку на берегу Буга, другие соображения указывали на то, что если предоставить полякам время, то они с помощью Франции восстановят свою ослабленную, но не истребленную армию и соберутся с силами для нового удара.

Англия же была не в состоянии взять на себя какие-либо обязательства, связывающие Францию. Риск неудачи был учтен. Красная армия перешла Буг, Неман, устремилась через Брест-Литовск и Белосток к Варшаве. Она перекинулась за Вислу, чтобы воспрепятствовать возможности поддержки Польши Антантой со стороны Данцига. Несмотря на явную опасность, сопутствующую всякой крупной военной операции, полная победа была возможна. Эта возможность разбилась в первую голову об организационные вопросы. Красная армия шла в наступление, разделенная на две части—юго-западную и северо-западную,—каждая под особым командованием. При затруднительности связи совместная работа обеих частей армий была неудовлетворительной.

Это обнаружилось в ходе борьбы, и юго-восточная группа была подчинена общему командованию Тухачевского. Тухачевский, который знал, что польские силы, отступившие под Брест-Литовском, отошли не к Варшаве, а к Люблину, видел опасность нападения с фланга на армию, осаждающую

предместье Варшавы—Прагу. Он дал приказ кавалерии Буденного прекратить борьбу за Львов и итти в направлении Люблина. Буденный, однако, на основании прежних приказов самостоятельного юго-западного командования, был втянут в тяжелые бои и не мог освободиться от врага. Это позволило Вейганду осуществить удар с фланга, к которому присоединились удары с севера, имевшие целью разделить русскую армию; сами по себе они не имели бы никакого решающего значения, если бы Буденный подоспел во-время.

Отброшенная у Варшавы, армия устремилась назад и, жестоко преследуемая арьергардными боями, могла остановиться едва лишь у Березины.

В то время, как Красная армия на Висле была близка к победе над лакеем мировой буржуазии — польской буржуазией, чтобы пошатнуть мировое господство капитала, последний увидел в собственных владениях возникновение красной опасности. В Германии вспыхнуло сильное брожение среди рабочих масс. Они не пропускали французские транспорты снарядов и были близки к тому, чтобы оживить рабочие советы, уничтоженные минометами Носке. В Англии впервые распространилась в массах мысль о революции. На угрозу войны Downingtreet'a рабочий класс, еще не освободившийся от оппортунизма, ответил образованием Совета Действия и заявил, что он прибегнет к всеобщей стачке, если правительство попробует послать английский флот против Советской России. Впервые в английской истории рабочий класс стал решающим фактором во внешней политике.

Целая гора свалилась с плеч мировой буржуазии, когда Красная армия отступила; разбитая на Висле. Но как она была не в состоянии понять победы Красной армии, так она была неспособна правильно оценить ее поражения.—В августе,—писал редактор одного руководящего английского органа своим корреспондентам в России,—английские буржуа были убеждены, что Красные войска будут к Рождеству стоять на Рейне.—И господин Черчилль уже открыто выступил за амнистию «гуннов», не более черных и не менее цивилизованных, чем сенегальские негры и индейские войска, которые французский и английский капитал заставил принять участие в войне для спасения цивилизации (дает 20 % прибыли). Теперь, когда исчезла военная опасность со стороны Советской России и отхлынула волна революционного рабочего движения, объединенная буржуазная пресса всего мира предсказывала крушение Советской России и восхваляла польских шляхтичей, как спасителей цивилизации. Те, которые при короле Собеском спасли христианство от турецкой опасности, спасли теперь спекуляцию. Слава Пилсудскому, спасителю цивилизации, и слава генералу Вейганду, спасшему безголового Пилсудского!

5. Перемирие в Риге и уничтожение Врангеля.

У Советской России было под ружьем достаточно сынов, чтобы двинуться в третье наступление на Польшу. Она, однако, отказалась от нового военного похода и вступила на путь рижских мирных переговоров, с твердым решением закончить их компромиссом с белой Польшей. Основания, говорившие в пользу этого, были ясны. Во время польской войны Франция признала Врангеля. Этим был создан новый центр русской контр-революции, за которым в данный момент стояла вся мощь Франции, а завтра также могла стать вся мощь Англии.

С польской контр-революцией компромисс был возможен. Польша была жестоко изнурена войной. Польская буржуазия и польские шляхтичи увидели, как ничтожна была помощь, которую могла оказать им Франция. Ее пресса назвала поражение Красной армии «чудом на Висле», а чудеса—это факторы, которые нельзя принимать в расчет. Переговоры в Минске показали, что поляки отказались от украинской авантюры—единственного вопроса, по которому не был возможен никакой компромисс. Можно было таким образом говорить о территориальных уступках в Белоруссии и об экономическом соглашении. Разумеется, для Советской России было не легко отдать польской шляхте белорусских крестьян, с ликованием встречавших Красные войска. Но Советская Россия не в первый раз принуждена была отдавать одну часть своих детей в добычу врагу, чтобы не подвергать никакой опасности жизнь самой Советской республики: если Советская Россия останется невредимой, то невредим будет и центр мировой революции, которая в будущем освободит всех угнетенных. В болотах и лесах Белоруссии не заключалось никаких жизненных интересов Советской России. Обладание Белоруссией только затрудняло экономическое положение польской буржуазии. Относительно экономических вопросов компромисс между Польшей и Советской Россией был возможен, и он был тем богаче возможностями, что для него требовались, разумеется, длительные переговоров, во время которых положение Советской России могло быть укреплено победой над Врангелем.

С Врангелем не могло быть никаких компромиссов. Врангель и Советская Россия были двумя центрами: центром контр-революции и революции в России. Оба сражались за власть в общерусском масштабе. Признанный и поддержанный Францией, Врангель начал стягивать остатки всех контр-революционных армий и угрожать жизненному нерву России. Он мог отрезать Советскую Россию от бакинской нефти и северо-кавказского хлеба и мог разрушить только что на-

чавшуюся работу по восстановлению Донецкого бассейна. Врангель должен был быть побежден. Еще раньше, чем перемирие с Польшей было подписано, воинские эшелоны начали отходить с польского фронта на врангелевский. Вся Россия напрягала все силы, чтобы использовать зиму для боев против Врангеля. И дело шло не только о том, чтобы победить Врангеля. Победа над Врангелем была победой над империалистической Францией. Она была доказательством того, что Советская Россия не была поколеблена в своей основе польскими поражениями. «Daily News», орган либеральной английской буржуазии, справедливо писала: «Если Советская Россия выдержит потрясение от поражения в польской войне, то она достаточно крепка». Ясно, что правительство, имеющее прочную основу, может вынести потерю десятков тысяч убитых и десятков тысяч пленных без глубочайшего потрясения. А насколько глубоко было потрясение, всего лучше могло показать поведение Красной армии на врангелевском фронте. Не будет ли она утомлена польским поражением, устоит ли она в течение зимы перед тяготами войны на юге,—таковы были вопросы, напрашивавшиеся каждому. Советское правительство готовилось к зимней кампании на врангельском фронте. В начале октября началось наступление на Врангеля под командой тов. Фрунзе. В начале ноября с Врангелем было покончено.

Борьба против Врангеля составляет одну из славнейших страниц в истории Красной армии.

На юге к тому времени уже установилась жестокая зима. Снежные метели и морозы перемежались с дождем, который испортил все дороги. И хотя Москва и Петербург ежедневно доставляли 15.000 шинелей,—солдаты стояли в поле, подвергаясь всем трудностям поздней осени и начинающейся зимы. Тяжелая артиллерия с трудом могла быть подтянута. И когда Красная армия отогнала врангелевские войска к обоим соединяющим Крым с материком перешейкам, она остановилась перед прекрасно построенной линией оборонительных укреплений, защищаемых под командой французских артиллерийских офицеров, превосходно вооруженных.

Немногие рассчитывали на возможность форсирования перешейков. Красное командование делало приготовления к ударам с флангов, со стороны моря. Но Красные войска, не обескураженные польскими поражениями, бесстрашно шли в одно фронтальное наступление за другим. Десять тысяч сынов Советской России осталось лежать на месте, но советское знамя было водружено на перешейках, и скоро с башен Севастополя советская звезда засветилась над Черным морем, показывая народам Востока путь борьбы и победы.

6. Перед решением.

1920 год привел к концу то, что принес 1919: крушение интервенционистских планов Антанты. Советская Россия заключила мир с окраинными народами, когда-то порабощенными царизмом: с финнами, эстами, литовцами, латышами. Она близка к тому, чтобы заключить мир с Польшей. Она легко может покончить с Румынией, если та не пойдет на мир... Что это значит? Это значит, что все вассалы Антанты питают слишком мало доверия к своим господам. Или они считают, что Антанта далеко, а Красная армия близко, и в решительный момент они будут оставлены Антантой,—или ими руководит соображение, что Антанта совсем не намерена признавать их длительное существование, что она никоим образом не в состоянии этого сделать, если хочет поставить ставку на русскую контр-революцию. Наконец, они понимают, что связь с Антантой принесет с собой их эксплоатацию капиталом Антанты, если они не будут иметь гарантий против этого в виде мира с Советской Россией. И, наконец, расплывчатость политики Антанты похоронила их веру в устойчивость ее антибольшевистского курса. Окраинные народы, как постоянный козырь, были выбиты советской политикой из рук Антанты. Может-быть, Антанта еще будет в состоянии поднять против Советской России ту или иную шайку в одном из окраинных государств, но создать из них всеобщий фронт против Советской России она больше не сможет. И это тем менее будет возможно, что массово-психологические основания для такой интервенции совершенно исчезли. Буржуазия окраинных государств только тем могла поднять на ноги против Советской России крестьянство и мелкую буржуазию своих стран, что рассказывала им сказку о Советском империализме. Советская Россия разбила эту сказку. Она решилась на мир не только в тот момент, когда ей угрожал более сильный враг, но она хранила мир и тогда, когда ее армии освободились. Массы в Эстляндии, Финляндии, Литве начали понимать, что они были обмануты. Старое национальное недоверие к русским,—результат прежней царской политики национального угнетения,—исчезает. А буржуазия, которая так страшно боялась, что Советская Россия может под маской мира готовить нападения на окраинные страны, рассчитывает следующим образом: сами по себе окраинные страны с очень слабым рабочим классом не представляют никакого особенного объекта тяготения для Советской России. Политически и экономически это только транзитные страны как для товаров, так и для революционных идей. Если победит революция в Германии, тогда—и это хорошо знали люди бур-

жуазных кругов этих окраинных стран—пролетариат этих окраин также найдет силу взять власть. Но до тех пор, пока наступит этот день потопа, Советской России нет никакого интереса тревожить эти страны. Они нужны ей теперь, как окна в Европу, пока она не достигла устойчивого мира с Англией. Когда же она будет иметь этот мир, то она будет еще живее заинтересована в том, чтобы не подвергать его опасности нападением на страны, с которыми она впервые заключила мир. Этот расчет буржуазных кругов—а его можно найти во всех головах в окраинных странах—тем больше укрепляет им мирное настроение, чем более они выгадывают при транзитной торговле с Россией.

Разгром сил русской контр-революции, финансированных и организованных Антантой, укрепил в широких кругах союзных политиков то очень правильное убеждение, что всякое нападение на Советскую Россию только укрепляет моральное положение Советского правительства: оно возбуждает не только опасение крестьян за свою землю, не только страх пролетариата перед господством белого террора, но и национальное чувство интеллигенции. Поражения белых имеют еще и другое следствие: разбитые, оставленные под ударами, странствующие по всей Европе белые офицеры и беженцы, вкусившие за исключением маленькой части генералитета и руководителей все тяготы эмиграции, все ужасы концентрационных лагерей Антанты, обвиняли Антанту в своих бедствиях. Они обвиняли Антанту, что она считала их лишь пешками в своей борьбе за обладание Россией. Достаточно бросить взгляд на белогвардейскую прессу России, чтобы увидеть, что Антанта, в первую очередь Англия, овладела искусством объединить в ненависти к себе не только рабочие и крестьянские массы России, но и белых. Конечно, она всегда может возбудить к войне десяток—другой тысяч из этих ободранных, изголодавшихся, деклассированных элементов. Им нечего терять; они также волей-неволей нанялись бы к королю сиамскому, как и к королю английскому. Но с этими наемниками без веры, без воли, без цели — нельзя выигрывать сражений.

Некоторые круги Антанты увидели, что карта на активные контр-революционные силы бита. Они вывели отсюда заключение: «тогда стоит подождать, пока голод, хозяйственная разруха одолеют пассивность крестьянских масс России, и они станут активным фактором массовой контр-революции». Но более умные элементы Антанты видели, что этот расчет построен на очень слабых основаниях. Если России не придется разрушить свою промышленность в войне, то она обратит свою энергию на восстановление своих производительных сил. Она начнет медленно оправляться, и англичане сказали, наконец, вместе с профессором Seely:

«Сам по себе голод—не революционный фактор, он только революционизирующий фактор. Каждое правительство справится с восстаниями, если оно обладает сотнями тысяч отважных людей, связанных с ним на жизнь и смерть; чтобы из восстаний выросла революция, нужна организующая сила, опирающаяся на поднимающийся социальный слой, которая знает, чего она хочет, у которой есть идеалы, могущие воспламенить массы». Белогвардейская пресса сознается, однако, что у нее нет идеалов, возбуждающих массы.

Когда читаешь умнейшие белогвардейские органы, видишь в них атмосферу полнейшего уныния и безнадежности. Мистически они пророчествуют, что некогда для большевизма придет его Дамаск, но—когда и как? Это они сказать не могут. Хвастливая болтовня социалистов-революционеров о том, что «народ» восстанет во имя голого принципа демократии, не находит доверчивого приема в правящих кругах Антанты. Прежде всего, они видели госпожу демократию в объятиях стольких Колчаков и Деникиных, в сточных трубах стольких улиц, что они не могли поверить, чтобы эта растрепанная и запачканная особа могла пользоваться особым обаянием в глазах русских народных масс, тем более, что это обаяние не проявилось и в тот момент, когда она, еще «целомудренная», впервые подверглась насилию матросов в Таврическом дворце, и ни одна рука не поднялась на ее защиту. Разглагольствования социалистов-революционеров разбивались о недоверие руководителей Антанты тем более, что общее мнение Антанты о русских народных массах таково, что они вообще еще не готовы к демократическому самоуправлению.

Что же делать? Ждать? Но без России нет мира в Европе. Без России нет восстановления мирового хозяйства. Ждать—значит быть свидетелем своего собственного разложения. И Антанта поэтому оказалась поставленной перед вопросом: война или мир с Советской Россией.

7. Плана Черчилля-Гоффмана о всеобщем походе на Советскую Россию.

Англо-французская интервенция против Советской России началась в 1918 году, как часть общей борьбы Антанты против германского империализма. Разумеется, Антанта ни мгновения не верила в свою сказку о том, что Советская Россия продалась германскому империализму. Никому так хорошо не было известно, как Антанте, что так называемые документы Сиссона, рисующее Советское правительство, как агентуру берлинского генерального штаба, грубо подделаны ее собственными агентами. Полковник Робинс, которому эти

документы были представлены задолго до их опубликования, сам мог понять, что они все подделаны, без малейшего исключения. И господин Сиссон, которому это было открыто сказано и доказано, осмелился обнародовать их не раньше, чем Антанта решилась на интервенцию против Советской России, и потому считала себя вправе употреблять удушливые газы. Антанта считала вместе с тем, что Советская Россия будет слишком слаба, чтобы оказать сопротивление немецкому давлению, что под этим давлением она представит к услугам германского империализма русское сырье и средства существования и таким образом обеспечит ему победу. Эту опасность можно было бы отклонить двумя путями: или поддержкой Советской России, или занятием ее. Советская Россия, вынужденная в Брест-Литовске подчиниться германской диктовке, лихорадочно работала над тем, чтобы сделать себя способной противостоять германскому империализму. Как серьезно она смотрела на это, мог подтвердить генерал Ниссель, французский военный атташе и его коллеги, когда они были привлечены к первым совещаниям, которые держал Троцкий с русскими военными специалистами о создании Красной армии в апреле 1918 года. Но союзнический капитал в разгар своей решительной борьбы против германского империализма, уже думавший о будущей борьбе против мировой революции, не мог решиться на поддержку первого пролетарского государства. Ему ничего другого не оставалось, как попытаться создать в России новый фронт путем организации чехословацкого восстания, путем нападения на Архангельск. Этот фронт должен был заставить Германию перебросить силы с западного фронта в Россию и таким образом дать Антанте возможность на западе привести дело к концу.

Когда германский империализм уже был при последнем издыхании, он старался склонить Антанту к мысли по взаимному соглашению заключить мир за спиной русского народа, за его счет. Тогда в «Kreuzzeitung», ближе всего стоявшей к главному военному командованию, появились статьи, в которых Антанте предлагалось соединиться с Германией для борьбы с мировым большевизмом. А генерал Гоффман рассказал в своем интервью с сотрудниками «Руля», как все было готово к наступлению на Петербург и как эти приготовления пошли на смарку из-за германского поражения на Западе.

Увидев себя вынужденной выпустить из рук Бельгию в качестве залога, Германия хотела взять в залог Петербург и Москву. Труп Советской России должен был послужить приданым в браке по расчету между Германией и Антантой. Естественно, что эта попытка спасения немецкого империализма была следствием его известной психологической ту-

пости и неспособности учесть реальное соотношение сил. Антанта, которая должна была для своей победы мобилизовать всю ненависть народных масс к Германии, не могла, разумеется, сразу с Германией соединиться. И в тот момент, когда Антанта низвергла Германию, она могла верить, что своими силами справится и с Советской Россией. Но на объединении с Германией, а, наоборот, против Германии была теперь основана русская политика Антанты. Тот факт, что Антанта требовала от немецкого империализма, чтобы тот временно оставил свои войска в Балтике и на Украйне, показывает не на стремление к объединению с Германией, а на стремление к временному использованию немецких солдат, точно так же, как Антанта не объединялась с сенегальскими неграми, но использовала их, как своих сторожевых псов. Русская политика Антанты должна была быть не только антироссийской, но и антигерманской. Германия была разбита. Ей предстоял Версальский крестный путь к Голгофе. Россия была разорена войной. Антанта совсем не собиралась простить даже белогвардейской России ни одного франка, ни одного шиллинга ее долгов. Она не была намерена отдать обессиленную Россию на раздел с Германией в качестве общей добычи. Антанта должна была также считаться с тем, что восстановленная ею капиталистическая Россия постарается соединиться с Германией, чтобы стать по возможности независимой от Антанты, чтобы вынудить у Антанты нужные льготы. И еще Антанта должна была опасаться, что буржуазная Германия попытается восстановить свои силы, получая от России сырье и средства существования за ту промышленную и организаторскую помощь, которую она ей окажет. Если же в Германии победит революция, то ее жизненные интересы будут толкать ее на союз с Советской Россией. Таким образом Антанта видела назревающую общность интересов России и Германии, как бы ни пошло развитие: революционным или контр-революционным путем.

Политика Антанты по отношению к окраинным государствам и Польше соответствовала отчасти этому стремлению к отделению Германии от России. И нужна была вся глупость германского генералитета, чтобы броситься в бермонтскую авантюру.

Однако, когда летом 1920 года Красная армия стояла под Варшавой, Черчилль, как выше упомянуто, выступил со статьей, где он требовал, чтобы Антанта простила Германии часть ее версальских долгов, чтобы употребить ее в качестве тарана против красных войск. Эта статья показала, что в руководящих кругах пробивается новая тенденция,— тенденция, которая говорит: старая война между капиталистическими лагерями кончена, наступила новая война гораздо большего значения в мировом масштабе, война между

лагерями пролетариата и капитала. В первой войне, империалистской, дело шло о разделе мировой прибыли между обоими капиталистическими лагерями. В новой войне,—войне капитализма против социальной революции, дело идет о прибыли вообще. Оставим старые раздоры о разделе версальской добычи и подумаем о спасении нашего существования.

Эта мысль—единственная будущая мысль в борьбе Антанты против Советской России, если только эта борьба вообще будет предпринята. Ясно, что после того, как окраинные государства и русские белогвардейцы оказались безнадежным, Антанта сможет предпринять новую интервенцию, только если Германия будет втянута в игру. Ибо, если Антанта при волне безработицы, заливающей теперь мир, сможет набрать новые войска наемников, то союзнические военные операции должны иметь базисом Германию, чтобы они не являлись слишком поздно, чтобы был обеспечен подвоз продовольствия и военных припасов. Германия может быть употреблена как базис для подхода Антанты или против своей воли, или согласно с ней. В первом случае Антанте пришлось бы употребить большую часть собранных против Советской России войск для подчинения германского пролетариата, для занятия Германии. Только в случае помощи германского правительства и германской буржуазии, эта последняя взяла бы на себя вместо Антанты задачи усмирения и подчинения германского пролетариата.

Когда мы называем привлечение Германии к интервенции против России предварительным условием для новой интервенции, то этим не сказано ни то, что это условие выполнено, ни то, что оно совершенно фантастично. Характерно, что идея Черчилля была отвергнута французской империалистической прессой с «Temps» во главе. Ведь из-за того, что Германия будет привлечена к войне против Советской России, французскому империализму придется отказаться от доброй части версальских расчетов. Участие Германии в войне против Советской России позволило бы германскому империализму восстановить свои силы. И если генерал Гоффман предлагает антантовскому империализму ряд технических обеспечений, что германское наемное войско не будет направлено к Рейну, французские империалисты могут ответить ему, несмотря на его простодушную мину: Шпигельберг, я знаю тебя.—Они знали так же хорошо, как благородный Гоффман, что дело шло бы не о технике, а о полном изменении положения Германии, как великой державы.

И затем, такой общий поход интернационального капитала на Советскую Россию своим циничным характером колониальной экспедиции против русского народа возбудил бы всю его революционную энергию. И так как это была бы война мировой контр-революции, то она подняла бы на ноги

международный рабочий класс. Английский империализм увидел, как этот последний неожиданно поднял голову летом 1920 года, хотя тогда нападение на Советскую Россию готовилось под маской защиты Польши. Английское правительство не могло сомневаться в том, что английский рабочий класс, все более революционизируемый растущей безработицей, поднимется на решительную борьбу, если английское правительство рискнет на войну. Перспектива вести войну в то время, когда интересы капиталистического мирового союза ни в коем случае не однородны, вести ее, опасаясь революции в каждой из стран, примыкающих к Антанте, вести ее при возможности снова дать Германии подняться,— все это представляет собой авантюру таких размеров, что руководящие круги Антанты пошли бы на эту авантюру только в том случае, если бы их внешнее и внутреннее положение принуждало их к игре ва-банк. Пока это еще не так, пока они еще надеются выйти из мировоого кризиса, в котором они находятся, сравнительно счастливо отделавшись,—можно рассчитывать на то, что мирные стремления будут все больше распространяться в среде Антанты вообще, в Англии в первую голову. Эти стремления будут усиливаться благодаря тем возможностям, которые стоят перед Советской Россией в случае, если Антанта не установит с ней мира.

8. Перспективы революции в Центральной Европе и на Ближнем Востоке.

Чудом спасенная от разгрома Польша находится в процессе неудержимого раложения. Валюта этой союзной страны-победительницы стоит в десятки раз ниже, чем побежденной Германии. Ниже, чем валюта умирающей Австрии. Земледельческая страна принуждена обращаться за границу для покрытия своих потребностей в средствах существования. Промышленность большею частью стоит из-за недостатка сырья и машин. Одна стачка следует за другой, хотя тысячи и тысячи коммунистов находятся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Правительство, расшатанное борьбой буржуазных клик, не знает, как быть. В Финляндии и Эстляндии прошедший год был годом не хозяйственного укрепления, но, наоборот, растущей хозяйственной дезорганизации и растущей дороговизны. В Чехо-Словакии прошел националистический хмель масс, как это показали декабрьские события. Около миллиона рабочих, без коммунистической партии, без единого руководства, стояли с глазами, полными ненависти, против буржуазного пра-

вительства. В Венгрии белая диктатура довела страдания масс до таких размеров, которые едва выносимы. Австрия умирает от голода и холода. В Германии—никаких признаков наступающего равновесия, никаких признаков какого-либо хозяйственного упрочения. Во всех средне-европейских странах неудержимо идет вперед процесс пролетаризации общества. Социал-демократия, в 1919 году всюду державшая бразды правления и служившая буржуазии в качестве волнореза против революции, обострением противоречий вытеснена из правительства и принуждена перейти в оппозицию—или в видимость оппозиции. И хотя пролетарская сила для наступления лишь постепенно накапливается в этих странах, она все же накапливается и с каждым днем увеличивается растущим гнетом сверху. Мировая революция готовит свое наступление на среднюю Европу. Ее победа в средней Европе, или даже только крупные гражданские войны между Рейном, Вислой и Дунаем, обезопасили бы Советскую Россию от всякого нападения с Запада. Советская Россия не хочет вмешиваться в чужие дела; не из метафизической приверженности к праву народов на самоопределение, но исходя из реальных интересов, образующих основу этой формулы: из интересов самостоятельного развития революции. Не подлежит никакому сомнению, что революция в каждой стране будет тем сильнее, чем самостоятельнее она победит. Но в момент, когда буржуазия объединится против русского пролетариата, она должна будет победить также свой собственный пролетариат в Германии, в Австрии, в Чехо-Словакии, в Польше и в странах Антанты, чтобы открыть себе дорогу против русского... Тогда уже не только теоретически, но и в практическом смысле этого слова в Европе не будет больше никаких государств, никаких наций,—будет лишь лагерь революции и лагерь контр-революции. Тогда простейшим правилом войны было бы: со штыком в руке пробить мировой революции дорогу к средней Европе и к Западу. И социальное положение объективно таково, что при этом никоим образом дело не шло бы о том, чтобы на острие штыка принести коммунизм в Западную Европу; а о том, чтобы штыком и прикладом разбить толстую капиталистическую кору, которая еще окружает пролетарское зерно и давит на него. Если Антанта, если мировая буржуазия войной с Советской Россией ускорит таким образом мировую революцию,—Советская Россия от этого не потеряет, как бы велики ни были страдания, которые могла ей нанести новая война, как бы велики ни были жертвы в этой решительной борьбе вместе с мировым пролетариатом.

А каково положение на Ближнем Востоке, в исходном пункте и объекте мировой войны?

Антанта настрочила условия Северского мира. Чтобы их провести в жизнь, Англия держит 80.000 солдат в Месопотамии, Франция 70.000 в Киликии и Сирии, Англия—часть флота и внушительное количество войск в Константинополе. Вассал Антанты, маленькая Греция — 100.000 солдат в Малой Азии. И в то время, как во Франции и Англии раздается крик против колониальных авантюр не только из народных масс, но даже из рядов буржуазии, в то время, как Франция требует пересмотра Северского мира, в то время, как греческий народ свергает империалистского диктатора Венизелоса—Кемаль-паша собирает вокруг себя лучшие турецкие элементы и находит в турецком крестьянстве достаточно сил, чтобы оказать сопротивление Антанте. После того, как Советская Россия через советскую Армению нашла путь к Турции, она может оказать ей сильную поддержку. Снаряды, в которых в первую очередь нуждался Кемаль-паша, могут найти себе путь через Анатолию. Когда Греция будет уничтожена, придет черед английских войск в Месопотамии, которые уже находятся в труднейшем положении против неорганизованных, плохо вооруженных арабов. В Персии англичанам до сих пор не удалось добиться от меджилиса признания англо-персидского договора, по которому дружественное Лиге наций английское правительство в последний момент перед основанием Лиги пыталось забрать себе Персию за два миллиона английских фунтов золотом. Советскому правительству совершенно не нужно создавать в Персии искусственные советские республики. Ее актуальные интересы в Персии состоят в том, чтобы Персия не стала областью нападения на Баку. Если персидское правительство обяжется требовать удаления английских войск, и Англия отклонит это требование вопреки обещанию Ллойд-Джорджа, то красные войска появятся в Персии не как поработители, а как союзники. Если персидское правительство примет этот курс, диктуемый ему его собственными интересами, то тогда форма правления в Персии, разрешение в Персии аграрного вопроса—рабочий вопрос там едва существует—будут исключительно делом персидского народа, духовного влияния персидских коммунистов, ответственные руководители которых в большинстве прекрасно понимают, что революционизм в Персии еще долгое время возможен лишь как форма крестьянского движения и что в это время коммунизм может итти небольшую часть пути вместе с демократической интеллигенцией.

В Индии высоко поднимается волна революционного движения. Дело идет уже не о чисто националистическом интеллектуальном движении, но одновременно о пробуждении миллионов пролетариев, сверх всякой меры эксплоатируемых как английским, так и индусским капитализмом. От состоя-

ния русско-английских сношений будет зависеть, ускорит ли Советское правительство со всеми находящимися в его распоряжении силами ход развития индийских дел.

У Антанты безусловно есть причины полагать, что причины жажды мира у Советской России не сильнее, чем у Антанты и Англии в первую очередь.

9. Мир с Польшей и торговый договор с Англией.

Мирные переговоры с Польшей закончились после долгих колебаний мирным договором, подписанным в момент внутреннего кризиса, переживаемого Советской Россией по окончании войны. Тот факт, что Польша подписала мир как раз в момент, когда пушки Кронштадта были обращены на Красную Горку, подтверждает то, что было сказано о противоречиях в политике Антанты. Рижский мирный договор, разумеется, не отвечает идеалам, с которыми маршал Пилсудский начинал свое наступление на Киев. Отдача Польше части русского золотого фонда соответствует лишь десятой доле польских требований. Территориально поляки в марте 1920 года могли получить гораздо больше, чем они получили по Рижскому миру. Ни Подолия, ни Волынь не достались Польше. Несмотря на это, поляки подписали мир. Это случилось не только под давлением польской стачки железнодорожников и хозяйственного развала Польши, но и благодаря признанию того, что победа русской контр-революции представляет большую опасность независимой Польше. Gazeta Warszawska» («Варшавская Газета»), орган Дмовского, орган главарей польских юнкеров и капиталистов, поддерживавших ближайшие сношения с русскими белогвардейскими организациями, заявляла незадолго до заключения Рижского мира, что большевистская власть представляет для Польши наименьшее бедствие. Мы оставляем в стороне философское объяснение этого факта, которое дает от себя польская национал-демократическая газета. Оно не важно. Важно только вытекающее отсюда заключение, что в своей борьбе против Советской России Антанта не может опираться на окраинные государства.

За польским мирным договорм последовал по пятам торговый договор с Англией. Он был заключен после долгих переговоров, после тысячи попыток шайки Черчилля саботировать переговоры, после сотен шахматных ходов, которые предпринял Керзон, чтобы затянуть переговоры или привести русского партнера к разрыву. Английское правительство подписало этот договор в момент, когда русская контр-революция приветствовала кронштадтское восстание, как начало 3-й революции, когда она возвещала наступление крестьянского

термидора, как радостную перспективу для мирового капитализма. Русская контр-революция жалуется на измену английского капитализма. Англия—враг, пишет берлинский «Руль», орган Гессена и Набокова. Русский царь благодаря союзу с Англией должен был быть превращен в ягненка, питающегося одной травой—или кровавыми бифштексами, как конституционный король английский! И теперь—удар с этой стороны, и теперь—кинжал в этой любимой руке! Но Downingstreet делает дела не во имя любви, а во имя иных побуждений. Биржевые маклеры из Сити, кажется, пришли к убеждению, что они не в состоянии победить Советское правительство оружием. Действуя под давлением рабочих масс, которые с надеждой ждали от торговых сношений с Россией уменьшения безработицы и склонны из страха американской конкуренции подписать договор, английские торговые круги лелеют, — как это показали события последних месяцев, — еще заднюю мысль. Империалистская дипломатия изо всех сил работает над тем, чтобы укрепить своих агентов с помощью подкопной работы социалистов-революционеров против Советской России.

Будь что будет. Торговый договор они подписали. Этот торговый договор дает впервые возможность промышленности Советской России получить необходимые ей материалы благодаря торговым сношениям с капиталистической заграницей. Таким образом, история ставит перед первой пролетарской республикой вопрос об ее отношениях с капиталистическим миром.

10. Или—или.

Как в наших предварительных объяснениях по вопросу о внешней политике пролетарской революции, которые мы имели в октябре 1919 года с немецкими национал-коммунистами Лауфенбергом и Вольфгеймом, так в нашей статье о внешнем и внутреннем положении Советской России, вышедшей в январе 1920 года, мы писали, что с момента, как кончилась мировая война, стало ясно, что внешняя политика стоящего пока одиноко пролетарского государства никоим образом не может быть основана исключительно на войне со всеми капиталистическими странами, но, наоборот, должна быть построена на попытке создания modus'a vivendi между пролетарским государством и капиталистической государственной системой.

1920-й года принес с собой modus vivendi необычайного рода. В то время, как Франция открыто поддерживала войну Польши и Врангеля против Советской России, Англия вела с Советской Россией переговоры о торговых сношениях, продавала Советской России товары через посредство раз-

личных нейтральных стран, которые с своей стороны также вступили в торговые сношения с Советской Россией. Германия и ряд вассальных государств Антанты приняли участие в торговле. Положение Советской России даже окрепло благодаря такому modus'у vivendi. Тот простой факт, что свою потребность в косах на 1921 год она смогла целиком покрыть из-за границы, является маленьким штрихом в картине этих отношений. Мы убеждены, что невозможность низвержения пролетарской России и растущее разложение капиталистического мира только укрепят то противоречивое положение, что первое пролетарское государство находится в мирных сношениях с умирающим капиталистическим миром. Это положение вещей, разумеется, полно противоречий. Капиталистические государства, которые охотно увидели бы пролетарское государство не сегодня-завтра похороненным, не могут нанести ему удара кинжалом. Что же им остается еще, как не вступать с ним в торговое сношение? Разрушив полсвета, они узнали на собственной шкуре, что они обеднели от того, что исключение России из торговли, в первую очередь, лишает их возможности продавать России свои товары, и что таким образом их хозяйственная разруха растет. Недостаток русского сырья и средств существования означает для отдельных из них полное подчинение американской монополии. И если ясно, что разоренная Советская Россия сегодня может предоставить лишь ограниченное количество сырья и продовольствия, то, с другой стороны, ясно, что если хозяйственный развал всего мира не усилится, а ослабеет, то Россия помощью, оказанной ее транспорту, ее промышленности и сельскому хозяйству, будет приведена в такое состояние, что сможет вновь появиться на мировом рынке. Но Россия—это Советская Россия; все же другое, что говорит от имени России,—призрак или фантазия. Пусть *Уэльс* делает ошибки в своих суждениях о России, пусть большевики еще меньше отвечают тому идеалу правительства, который составило себе достопочтенное Сити, *Уэльс* в тысячу раз прав, когда он утверждает, что никакое другое правительство, кроме существующего Советского, немыслимо на время, которое можно предвидеть. И даже философски настроенные политики, каким является господин *Бальфур*, не могут строить расчеты ни на какое другое время, кроме того, которое теперь можно обозреть вперед. И чем может помочь господину *Керзону* его тоска по хорошему консервативному правительству, члены которого получили бы свое образование в пажеском корпусе, если такое правительство невозможно; а что торговые сношения с Советской Россией укрепят ее—не подлежит никакому сомнению. И если господин Ллойд-Джордж успокаивает себя надеждой, что манчестерские брюки и сорочки

изнежат большевиков, если он, может быть, даже надеется посредством шеффильдских бритв если не перерезать нам горло, то, по крайней мере, превратить в джентльменов—то мы, разумеется, имеем об этом свое собственное мнение.

Политически решающим является: если капиталистический мир не хочет и не может вести с Советской Россией бесконечной войны, то он должен теперь же закончить войну миром.

Разумеется, очень противоречиво такое положение, когда коммунистическая Россия вынуждена переводить свое золото в карманы европейских капиталистов, когда она вынуждена предоставлять капиталистам концессии на русской территории. Было бы смешно отрицать, что это укрепит капиталистов. Мы слишком мало нуждаемся в иллюзиях, чтобы отрицать это. Но в первую очередь сильнее всяких соображений является необходимость вновь и вновь показать русским народным массам,—народным массам всего мира, что Советская Россия хочет мира. Это миролюбие Советского правительства было самым сильным фактором его победы, было сильнейшим фактором мобилизации всемирного пролетариата на защиту Советской России. И он мог выдержать свою роль только потому, что Советская Россия честно хотела мира, только потому, что она не устраивала мирных демонстраций, а всеми средствами боролась за мир. И она могла честно стремиться к миру, потому что в конечном счете мир освобождает силы народных масс, потому что он сосредоточивает внимание народных масс на вопросах внутреннего переворота.

Трагедия мирового капитала в том, что он не мог избежать мировой войны и не может установить всеобщего мира. Это доказывает, что будущее принадлежит коммунизму, что он, рожденный войной и в войне благополучно ведущий к цели свой корабль против бурь и подводных камней, может также и в мире довершить свою судьбу.

Капитализм обречен на смерть. Два года прошло с конца мировой войны. И единственная спасительная мысль, которую капитал, если не породил, то заимствовал из старой библии либерализма, мысль о необходимости рассматривать мировое хозяйство, как одно целое,—мысль, которая раздается из траги-комической книги *Кейнеса*, из речей *Роберта Сесиля*, генерала *Смутса*, которая звучит в речах Ллойд-Джорджа,—мысль, с которой этот величайший государственный человек умирающего капиталистического мира может жить лишь в тайне, как с наложницей,—эта мысль является утопией. Капитализм слишком раздроблен, чтобы он мог осуществить эту мысль. И поэтому-то Советская Россия не может рассчитывать на длительный мир, а только на мир, который закончит войну, и *должна считаться* с

новой войной, которая последует за миром. Но Советская Россия всегда будет вновь бороться за мир и с помощью мирной работы вооружаться для отражения грозящей ей опасности.

Русским народным массам вновь улыбается надежда на мир,—надежда на мирное строительство. И вновь, как в прошлом 1920 году, русский муравейник приходит в движение. Снова честные труженики тащат бревна для постройки мостов, домов и школ, снова идут приготовления для борьбы с голодом, нищетой и снова раздается до небес трудовая песня. Снова мысль о разрушении уступает мысли о созидательной работе. И снова по стране расходятся апостолы, старающиеся встряхнуть спящих и построить их в трудовые колонны. Нигде и никогда не бывало столько сотен тысяч людей, с глубоким убеждением проповедывающих религию совместного труда, труда для всех. И как в 1920 году, так и теперь руководитель этого народа, руководитель этих пионеров, этот провозвестник нового мирового порядка, говорит этому муравейнику: будьте на страже, с лопатой в одной руке—с оружием в другой: опасность не миновала. И от капиталистического мира зависит, будут ли трудовые армии корчевать леса России, улучшать дороги России, убирать развалины в России, или они, голодные и оборванные, с пустым желудком, но с горячим сердцем, покатятся на запад, чтобы сражаться против тех, которые не дают им мирно работать, и помочь тем, что, как и они сами, хотят воссоздать новый мир из развалин. Выбор предоставлен капиталистическому миру, Советской России принадлежит лишь решение никогда не унывать, бороться при всяких обстоятельствах и при всяких обстоятельствах победить. Это решение принято. И нет в мире средства, способного вырвать его из сердца русского пролетариата и передовых рядов русского крестьянства.

Апрель 1921 г. («Красная Новь».)

IV.

После Генуи и Гааги.

1. От Брест-Литовска до Генуи.

Победоносная Октябрьская революция встретилась сразу же с глазу на глаз с заклятым своим врагом—*с германским империализмом*, закованным и вооруженным с ног до головы. Монархия Гогенцоллернов, враг даже обыкновенной буржуазной демократии, *принуждена была* вступить в переговоры с молодой, не окрепшей еще, рабочей республикой, ибо Советская республика, порвавшая связь с Антантой, означала окончание войны на Востоке. И как бы германский империализм ни ненавидел победоносную революцию, — в тяжелом своем военном положении он принужден был итти на компромисс с нею, итти скрепя сердце. В то время, когда гогенцоллернские и габсбургские дипломаты, господа Кюльман и Чернин пытались ласкать зверя, говорить с ним в тоне, который в наивных мог вызвать впечатление, что они идут на сделку с революцией, генерал Гоффман, действительный представитель империалистской Германии, грозил победившему русскому пролетариату вооруженной рукой. Своей дышащей ненавистью речью против пролетарской диктатуры, он выражал истинное отношение империалистской Германии к Советской России. Но и гладкие речи Чернина и Кюльмана были не только дипломатическими фразами,—они были выражением *рокового для германского империализма факта, что он вступил в сношения с Советской Россией со связанными руками.* Он мог размахивать бронированным кулаком против нее, но он не мог его опустить, ибо для схватки на западе со своими империалистскими конкурентами, ему нужна передышка на востоке.

Мы вспоминаем этот факт, когда пытаемся подвести итоги Генуи и Гааги потому, *что этот факт—раскол в лагере империализма и связывание одного врага Советской России руками другого, является основным фактом всей истории внешней политики Советской России.* Он стоит у ее колыбели

и он является одним из решающих моментов ее внешнего положения и сегодня. Из мемуаров генерала Людендорфа, из документов германского правительства о происшествиях перед германской капитуляцией явствует, что германский империализм до последних своих дней все еще надеялся, что он избавится от необходимости считаться с Советской Россией, что он сумеет дать простор своим классовым вожделениям, что ему удастся еще разгромить своего революционного врага. Людендорф подготовлял окружение Советской России: из Гельсингфорса должны были против нее двигаться полчища фон-дер-Гольца; из Киева должен был наступать на Москву Эйхгорн со Скоропадским; в Царицыне работали германские офицеры связи, подготовляя наступление Краснова; в Пскове находилась главная квартира вербовки русской добровольческой армии. И даже в момент, когда история произнесла уже свой приговор смерти над германским империализмом, генерал Гоффман пытался убедить германское правительство, что ему удастся с теми силами, которые имелись на восточном фронте, взять Москву и Петроград и принести союзникам к переговорам о мире сокрушение Советской России, как искупление за все вины германского империализма и как возможность компенсации его потерь на западе: за выдачу Бельгии, за отказ от колоний должны были союзники отдать Германии на разграбление Советскую Россию. План был невыполнимым не только потому, что занесенный с июля 1918 года над головой германского империализма меч фельдмаршала Фоха уже опустился для сокрушительного удара, не только потому, что передача России Германии в эксплоатацию означала бы восстановление в будущем германского империализма, но и потому, что нельзя было Антанте, после четырех лет войны под знаменем сокрушения германского империализма, следует его проводником союзной «демократии» в России. Меч не рассуждает, и капиталу безразлично, кто очищает ему путь, но массы, в руки которых капитал вложил меч империалистской войны, думают, и нельзя вырвать из их головы мыслей, которые были *для них* движущей силой их действий.

Германский империализм был сокрушен и его место занял победоносный французский и англо-саксонский империализм. С глубокой тревогой смотрел победоносный империализм союзников на Советскую Россию. Лучше, чем что-нибудь, выражает эту тревогу *меморандум Ллойд-Джорджа от 25 марта 1919 года*, врученный Версальскому Совету Четырех, в котором он заявлял:

«*Революция находится в своем начале.* В России царствует неистовый террор. *Вся Европа проникнута революционным духом.* Существует не только недовольство, *но ярость и гнев рабочего класса, направленные против усло-*

вий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия и Италия, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как и к улучшению условий труда.

Добрую часть этого недовольства надо признать здоровой. Мы никогда не добились бы длительного мира, если бы мы пытались вернуться к условиям, существовавшим в 1914 году. Опасно бросить европейские массы в объятия экстремистов, которые строят свои планы возрождения человечества на полном разрушении настоящего социального порядка. Они восторжествовали в России. Однако, их господство было оплачено слишком высокой ценой. Погибли сотни тысяч людей. Железные дороги, города и все то, что было организованного в России, почти целиком разрушено. *Но каким-то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы. Через какой-нибудь год Россия, проникнутая энтузиазмом, обладая единственным войском в мире, борющимся за идеал, в который оно верит, может начать новую войну.*

Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. *Германия может предоставить свой богатства, свой опыт, свои обширные организационные способности в распоряжение фанатиков-революционеров, мечтающих о завоевании мира большевизмом силою оружия. Эта опасность—не простая химера.* Современное немецкое правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне *его имеется лишь возможность захвата власти спартакистами*, а для этого Германия еще не созрела. Однако спартакисты пользуются настоящим моментом с большим успехом, уверяя, что лишь они одни смогут вывести Германию из невыносимых условий, в которые ее поставила война. Они предлагают избавить Германию от всех ее долгов союзникам, а также своим имущим классам. Они предлагают ввести полный контроль над промышленностью и торговлей в Германии и обещают рай и обетованную землю. Правда, за это Германии придется дорого заплатить. Года два-три будут господствовать анархия, быть может, кровопролитие, однако, в конце концов, после этого хаоса зем-

ля и люди ведь не исчезнут, останется бо́льшая часть домов, фабрик, улиц и железных дорог, и Германия, освобожденная от иностранного насилия, начнет новую эру своей истории. *Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свою судьбу с судьбой Советской России. Если это произойдет, вся Восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многомиллионная Красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на Западную Европу»* [1]).

Так оценивали положение Ллойд-Джордж и Вильсон и поэтому они требовали переговоров с Советской Россией с единственной целью *разоружения ее* (миссия Бюлита служила этой цели). Как во всех других вопросах Вильсон и Ллойд-Джордж должны были уступить пьяному победой французскому империализму, который надеялся сокрушить и Советскую Россию. Они должны были уступить, ибо стоящие за ними общественные круги, крупная буржуазия, решили расправиться с революцией, а не делать ей уступки. Союзники признали Колчака, как верховного правителя России, и взяли на себя исполнение программы генерала Людендорфа и генерала Гоффмана. Но они *не были в состоянии исполнить своего решения.* Причин их банкротства много. В основном они сводятся к двум: первую причину надо искать в *после-военном отношении пролетариата к буржуазии;* вторую во взаимном недоверии русских и окраинных белых, третью—в *конкуренции союзников*, которая начинается с момента их победы над Германией.

Мировой пролетариат, ослабленный войной, развращенный политикой реформистов, не был в состоянии поднять знамя революции против буржуазии. Но буржуазия не была в состоянии принудить его воевать против Советской России; союзники оказались не в состоянии послать свои войска против Красной армии. Первая попытка сделать это окончилась восстанием во французском флоте. Союзники принуждены были ограничиться посылкой вооружения и денег белым. Но, делая это, они сдновременно подрывали всякое доверие белых к себе. Франция, в смертельной тревоге перед возможностью будущего русско-немецкого союза, создала белую Польшу. Англия, стремясь осуществить азиатские свои планы, во время отсутствия России захватила Константинополь—цель стремлений русских белых; навязала Персии договор, превращающий эту страну в вассала английского империализма. Мало того, чтобы подготовить свое будущее экономическое господство в России, она поддерживает прибалтий-

---

1) Нитти: «Европа без мира». Русск. пер. Берлин. 1922. стр. 80—82

скую мелкую буржуазию в ее стремлениях к независимости, дабы сделать Ригу и Ревель на деле английскими гаванями. Это вызывает среди белых смущение и создает в них стремление опереться на германских белых, перекинуть мост к ним, дабы в будущем белая Россия не была бы отдана на съедение победоносным союзникам. (Поход Бермонта с фондер-Гольцем.) Взаимное недоверие между русскими белыми и союзниками обостряется, когда союзники начинают вести борьбу между собой за гегемонию на континенте. Попытка Англии стать твердой ногой в Прибалтике вызывает у Франции стремление сделать из Польши исключительно французский плацдарм. Англия смотрит на Польшу враждебными глазами. В цитированном выше меморандуме Ллойд-Джордж говорит о Польше, как о стране, которая «во всей своей истории ни одного раза не доказала способности к действительному управлению собой». В то же самое время Балтийские республики, поддерживаемые Англией, долго встречают враждебное отношение Франции. Единый фронт союзников против России опирается на очень слабый фундамент, противоречия в лагере союзников ослабляют их борьбу с Сов. Россией, суживают размах этой борьбы. И когда Советская Россия побеждает Колчака и Деникина, Англия отказывается от дальнейшей вооруженной борьбы.

Весь 1920 год до марта 1921 г., до заключения торгового договора между Англией и Советской Россией, является годом борьбы между тенденцией сокрушения Советской России и стремлением разоружения ее изнутри.

Еще летом 1920 года Франция поддерживает Польшу в ее вооруженной борьбе против Советской России, признает Врангеля. Но уже (после сокрушения Врангеля) во время рижских переговоров Франция внутренне признает свое поражение в вооруженной борьбе против Советской России. Пуанкаре и Барту выступают публично за переговоры с Сов. Россией. Переписка Бриана с английским правительством с ноября 1920 года до заключения англо-русского торгового договора является выражением *нового факта*, который с этого времени будет играть значительную роль в борьбе за отношение капиталистического мира к Советской России. Бриан признает необходимость мирных переговоров с Советской Россией, и он хочет создать общий фронт союзников для этих переговоров. Но английское правительство оттягивает ответ на его предложение, чтобы, наконец, холодно ответить: мы торговый договор заключаем, и если Франция хочет—она может к нему *примкнуть. Английский капитализм пытается использовать тот факт, что он первый повернул на мирные рельсы, он хочет пожать плоды этого первенства.* Ллойд-Джордж выступает публично как ангел мира с Советской Россией и проповедует всем народам мир с нею. *Но англий-*

ская дипломатия не только не делает ничего, чтобы облегчить Франции заключение мира с Сов. Россией, но, наоборот, английская дипломатия стремится к сепаратной частной сделке с Россией. Приглашение Франции сесть в русском вопросе на английский корабль является попыткой унизить Францию и, таким образом, оттянуть момент Франко-русской сделки. Английская игра увенчивается успехом, ибо ей помогает нерешительность французской политики, политики, полной противоречий, политики, не решающейся сказать открыто французской буржуазии, что она проиграла вооруженную борьбу с Советской Россией.

Торговый договор с Англией, мирные договоры с Эстонией, Латвией, Финляндией, Польшей, торговые договоры с Германией, Норвегией, Швецией являются *перемирием* с Сов. Россией, *не миром;* они открывают путь для торговли с Россией за наличные, торговли, которая при размерах русского золотого запаса не может быть значительной. Все эти договоры оставляют открытыми все вопросы, без решения которых невозможен более плодотворный и более продолжительный таварообмен между первым пролетарским государством и капиталистическим миром. Но 1921 год выводит наружу новые факторы, действующие по направлению растущего понимания необходимости более основательной, более продолжительной сделки с Советской Россией. Первым этим фактором является *хозяйственное и политическое положение Европы* за три года после Версальского договора, вторым—*новая экономическая политика Советской России.*

Франко-английская конкуренция, которая с силой начала проявляться во время вооруженной борьбы союзников с Россией, разрослась в *англо-французское соперничество во всем мире*, которое угрожает привести Европу к новой войне. Обе державы, подписавшие Версальский мир, выступают по отношению к Германии не как один фронт, а в качестве потенциальных противников. Всякое мероприятие, предлагаемое Францией для принуждения Германии исполнить решения Версальского договора, находит противодействие со стороны Англии, ибо экономические последствия Версальского мира оказались убийственными для английской торговли и промышленности, в то время как Франция, менее зависящая от международной торговли, эти последствия переносит более легко. Мало того: то, что кажется безумством французской политике — систематическое понижение курса германской марки насильственной политикой Франции, на деле является средством достижения более далеко идущих планов французского империализма. Экономический распад Германии дает возможность Франции отделить Прирейнскую область и втянуть ее в экономическую связь с Францией. Одновременно он открывает Франции возможность захвата Рур-

ского бассейна и таким образом—положения основы для объединения германского угля с французской рудой и создания базиса для экономического господства Франции на континенте. Если уничтожение покупательной силы Германии влечет за собой усиление безработицы в Англии, то выполнение дальнейших планов французского империализма создает опасность французской экономической и политической гегемонии на всем континенте, опасность создания в лице Франции конкурента в десять раз сильнее, чем была побежденная Германия. На Ближнем Востоке Франция всеми силами подрывает влияние английского империализма; она поддерживает возрождение Турции и, таким образом, угрожает уничтожить один из главных результатов войны для Англии—расчленение последнего независимого магометанского государства в Европе и создание территориальной связи между Египтом и Индией. Созданием подводного флота Франция угрожает морской безопасности Англии, и так уже отказавшейся от владычества на море на Вашингтонской конференции. *Англия принуждена стремиться к усилению России, как континентальной силы, враждебной Франции.* Она хочет создать в России базу не только для экономического возрождения Германии, но и для политического и военного возрождения. Это положение толкает Англию на признание Советского правительства и заключение мира с Россией. Само собой понятно, что такая перемена английской политики не может быть результатом сразу принятого решения: *Англия пытается предварительно сговориться с Францией по всем спорным пунктам, она пытается создать новую Антанту на основе учета новых условий и новых противоречий.* В меморандуме, предложенном английским правительством французскому в Каннах *4 января 1922 г.*[1]) Англия предлагает Франции *полный пересмотр отношений обеих стран.* Она предлагает ей на десять лет гарантии вооруженной защиты против реванша Германии; она предлагает ей сделку насчет заключения совместного мира с Советской Россией, при чем обе державы должны защищать интересы старых кредиторов России, как и пострадавших от революции иностранных капиталистов. Взамен этого она требует отказа от враждебной Англии политики на Ближнем Востоке, отказа от постройки подводных лодок, в которых Англия видит угрозу для себя, и умерения требований по отношению к Германии. Несмотря на то, что за свое согласие на эту программу правительство Бриана должно было поплатиться отставкой, Англия заставляет Францию явиться в Геную.

---

[1]) «The Round Table», Лондон, март 1922. Стр. 270—278.

Стимулом для попытки решения русского вопроса является, кроме названных выше моментов, новая экономическая политика. Новая экономическая политика в глазах Англии представляется *в качестве отказа Советского правительства от всякого социалистического строительства.* Мотивируя в парламенте англо-русский торговый договор, Ллойд-Джордж указывал на то, что революции рождаются от нужды и нищеты масс. Помочь Советской России выбраться из ее плачевного экономического положения—это означало бы окончить период революционных потрясений в России и открыть период перехода Советского правительства на рельсы капиталистического развития. В речи своей от августа 1921 г., посвященной голоду в России, Ллойд-Джордж развивает картину проникновения России английским торговым капиталом, который должен ускорить возвращение России к нормальному капиталистическому хозяйству.

Невозможность справиться с политической и экономической разрухой, вызванной последствиями войны, принудила союзников к попытке распутать узел на Генуэзской конференции. Посмотрим, готовы ли они были принести жертвы, необходимые для двойного компромисса: Компромисса между собой и с Советской Россией, новым революционным государством, оставшимся после *первой* волны международной революции, вызванной империалистической эпохой.

2. Генуэзская программа европейского капитализма.

Генуэзская конференция была формально созвана для решения вопросов хозяйственного возрождения всей Европы. Она является звеном в цепи попыток торговой промышленной мировой буржуазии задержать стремительный хозяйственный развал, ликвидировать наследство Версаля, как орудия победы военщины, не считающейся с требованиями хозяйственной жизни. Первым шагом на этом пути была Вашингтонская конференция, целью которой являлось создание компромисса на Дальнем Востоке, компромисса за счет японского империализма в пользу промышленной и торговой буржуазии Америки и Англии. В Вашингтоне компромисс не состоялся, но империалистические соперники дали друг другу передышку. Вторым этапом должна была быть Генуя. Но еще перед началом Генуэзской конференции общая цель была убита противоречиями, господствующими в лагере империалистов. Отсутствие Америки в Генуе означало, что если английский промышленный и торговый капитал, интересы которого отражает политика Ллойд-Джорджа, был намерен выдвинуть вопрос о пересмотре Версальского договора, если для облегчения уступок со стороны Франции он хотел апел-

лировать к карману Америки, то Америка наотрез отказалась от этого. Она не хотела явиться в Геную, дабы не быть принужденной отказать в уничтожении долгов союзников по отношению к ней. С момента, когда выяснилось, что Америка не принимает участия в Генуэзской конференции, Франция накладывает свое вето на всякое рассмотрение вопроса о германских репарациях—центрального вопроса европейской капиталистической политики. Ибо всякое решение этого вопроса при отсутствии американских уступок означало бы, что цену возрождения германской буржуазии придется уплатить французской. Без финансовой помощи Америки и без права тронуть Версальский договор Генуэзская конференция могла заняться на деле только русским вопросом. Все прочее это были разговоры о «коммерческой морали», чтобы употребить слова итальянского премьер-министра господина Факта. Не попытавшись согласовать своих интересов, не уничтожив громаднейшие противоречия в лагере капиталистического мира, европейский капитал взялся за попытку уничтожения противоречий между капиталистической Европой и Советской Россией.

Конференция была посвящена экономическому возрождению Европы. Она взялась за кусок этого вопроса, за вопрос хозяйственного сближения Советской России, за вопрос о хозяйственном возрождении громадной страны, которая перед войною поглощала с каждым годом все больше товаров и которая являлась все-растущим источником сырья. Союзники явились на конференцию с так называемым *предварительным отчетом экспертов* [1]), которые собрались в конце марта в Лондоне для разработки предложений, которые должны способствовать компромиссу между Советской Россией и капиталистическими державами. Правительства союзников заявили при дальнейших переговорах с представителями Советской России в вилле «Альбертис», что эти предложения экспертов не являются обязательными для союзных правительств, что они являются именно только предложениями экспертов, которые должны служить отправным пунктом для дискуссий. Но на деле, как показали переговоры в Генуе и Гааге, предложения экспертов являются *фактической программой максимум союзников*. И поэтому очень интересно остановиться на этих предложениях, ибо они бросают наиболее яркий свет на то, как союзники представляли себе возрождение русского хозяйства.

---

[1]) Все документы, касающиеся Генуэзской конференции, изданы в Риме Gianini (Les documents de la conférence de Gênes); их можно найти тоже в книге I. Saxon Mill: «The Genoa Conference», London. 1922. Hutchinson et Co., которая является апологией Ллойд-Джорджа. По-русски документы полностью опубликованы Наркоминделом в книге: «Материалы о Генуэзской конференции».

Статья 1 главы I доклада экспертов устанавливает: «Российское Советское правительство должно будет принять на себя финансовые обязательства своих предшественников, т.-е. Российского императорского правительства и временного русского правительства в отношении иностранных держав и их подданных».

Статья 2 определяет: «Российское Советское правительство должно будет признать *финансовые обязательства всех бывших поныне в России властей как областных, так и местных, а также обязательства предприятий общественной пользы в России как в отношении других держав, так и подданных и гарантировать их выполнение*».

Статья 3 определяет: «Советское правительство должно будет обязаться принять на себя ответственность *за все убытки материальные* и непосредственные, независимо от того, проистекли они в связи с договором или нет, если эти убытки произошли от действий или упущений Советского или предшествовавших ему правительств, либо властей областных и местных или же агентов этих правительств или властей».

Таким образом, экономическое возрождение России должно было начаться с признания долгов, возмещений за национализацию фабрик и за все причиненные иностранному капиталу революцией убытки. Что здесь дело не шло о признании только моральном, это следовало из дальнейших пунктов доклада экспертов, который затребовал назначения комиссии русского долга, установил обязательство России начать платежи с 27-го года. Мало того, во втором приложении к этим требованиям предвиделось: «определять, в случае надобности, те *доходные статьи России*, которые должны быть *специально предназначены для обеспечения уплаты долга*, как, напр., отчисления из некоторых налогов или сборов и обложений, падающих на предприятия в России. При случае иметь надзор, если комиссия признает это необходимым, *за взиманием всех этих сумм или части их и принимать их в свое заведывание*». Установление надзора над русскими финансами не было последним из притязаний союзников. Россия не только должна была обязаться уплачивать старые долги, она должна была *восстановить иностранных капиталистов в их старой собственности*.

7-й параграф второго приложения устанавливает: «предъявители претензий получат *право требовать возвращения имущества, прав и интересов*. Если имущество, права и интересы еще существуют и их принадлежность может быть установлена, они *будут возвращены*. Сумма вознаграждения за пользование ими и ущерб, нанесенный за время изъятия их из владения собственника, поскольку не имеется соглашения между Советским правительством и заинтересованным лицом,

будут определяться смешанными третейскими судами. . . . Ежели имущество, права и интересы более не существуют или принадлежность их данному лицу не может быть доказана, или когда предъявитель требований не желает возвращения, его требование может *быть удовлетворено путем соглашения между ним и Советским правительством, либо путем назначения ему разноценных имуществ, прав и интересов с прибавлением вознаграждения по обоюдному соглашению*, либо, *когда таковое не состоялось, по решению смешанных третейских судов или путем иных мер, принятых по соглашению*».

Восстанавливая иностранных капиталистов в их имуществе, накладывая на Совет. Россию обязательство уплаты всех долгов, союзникам оставалось еще только озаботиться о режиме капитуляции.

В приложении 3-м экспертов союзники предписывают Советскому правительству исполнение следующих «*принципов правосудия*»: 1) Независимость судебной власти от власти исполнительной. 2) Гласный суд, отправляемый профессиональными судьями, независимыми и несменяемыми. 3) Применение законов, предварительно опубликованных, равным для всех и не имеющих обратной силы. Эти законы должны обеспечивать иностранцам необходимые гарантии против произвольных арестов и нарушений, неприкосновенность жилища. 4) Свободный доступ в суды иностранцам, которые не должны, как таковые, подвергаться никаким ограничениям; иностранцам предоставляется право быть представленными на суде адвокатами по собственному выбору. 5) Судебная процедура, подлежащая применению в судах, должна облегчать правильное и быстрое отправление правосудия, должно быть обеспечено право на апелляцию и пересмотр дела. 6) Договаривающиеся стороны будут иметь право предусматривать в договорах *применение иностранного закона, и суд обязан в таком случае применять этот закон*». Все эти предложения экспертов означают или требования установления в России общих законов, соответствующих интересам иностранного капитала, или же открыто требуют применения *иностранных законов в России*.

Меморандум экспертов заслуживает глубочайшего внимания, ибо он является той *программой, которую союзники хотят в России на деле осуществить и которую они осуществили бы в случае победы белых в России*.

Перед тем, как перейти к борьбе, которую советская делегация повела против этих предложений, стоит в нескольких словах остановиться на ближайших экономических последствиях требований союзников, как они установлены *ответным меморандумом Сов. делегации*, ибо эти простейшие факты, установленные Сов. делегацией, показывают, как требо-

вания союзников противоречат не только интересам русского рабочего класса и крестьянства, но как они являются требованиями, противоречащими простейшим фактам, требованиями, которых абсолютно нельзя осуществить без полного закабаления России.

«В меморандуме не упоминается возможная цифра долгов России, вытекающая из всех обязательств по старым долгам и частным претензиям. Но, согласно подсчетам, делавшимся в иностранной экономической печати, сумма долгов по всем перечисленным в меморандуме категориям, должна равняться, приблизительно, $18^1/_2$ *миллиардов зол. рублей.* За вычетом военных долгов получается сумма довоенных долгов и частных претензий с процентами по 1-е декабря 1921 года в цифре около 11 миллиардов, а с процентами по 1-е ноября 1927 года около *13 миллиардов.* Если допустить на минуту, что Советское правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью и в положенный срок, то первый взнос с около *1,2 миллиарда. Царское правительство* с огромным процентами и с погашением $^1/_{25}$ долга потребовал бы суммы напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции в хозяйстве и довоенных размеров внешней торговли, имевшей повышение вывоза над ввозом, в последние 5 лет перед войной в среднем 366 миллионов в год, *выплачивать процентов и погашения около 400 миллионов рублей* в год. Чтобы иметь возможность выплачивать указанную сумму в 1,2 миллиарда в год, *Россия должна не только достигнуть довоенной продукции к 1927 году, но и перевысить таковую в 3 раза.* Так как ежегодный чистый национальный доход России равнялся перед войной 101 руб. на душу населения, а в настоящее время составляет около 30 рублей на душу, т.-е. уменьшился более, чем в 3 раза, то меморандум экспертов молчаливо, повидимому, предполагает, *что за 5 лет наш национальный доход должен возрасти в 9 раз.* Насколько неосуществимо это предположение, видно из того, что национальный доход Англии, Франции, Германии и России на душу населения с 1894 по 1913 год возрос в среднем на 60%, или увеличивался на 3% ежегодно. Российская делегация вполне согласна с тем, что при советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и—при царском режиме—в России до войны, и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в два раза быстрее. Но делегация, как это не лестно было бы для Советской власти, считает все же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет итти ровно в 60 раз быстрее в сравнении с довоенным ростом. Производство в России глубоко расстроено. Чистый годовой

национальный доход страны упал с 12 миллиардов—до войны до 4 миллиардов—по самым оптимистическим подсчетам. Если национальный доход наш будет расти в два раза быстрее, чем до войны и удвоится в 16 л., *то стране нужно будет 25 лет, чтобы вернуться к уровню довоенной продукции.* А так как в первую очередь и с максимальной аккуратностью страна должна будет платить и проценты и погашения по новым займам, которые помогут ей хозяйственно подняться, и эти платежи должны начаться гораздо раньше указанного выше срока, *то для уплаты по другим обязательствам в России в сколько-нибудь предвидимый исторический срок, вообще, нет и не будет никаких рессурсов.* Этот вывод могла бы подтвердить любая беспристрастная и научно добросовестная комиссия экспертов-экономистов, которая имела бы возможность познакомиться с состоянием нашего народного хозяйства.

Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим *долгам сумму, равную 3,3% всего государственного бюджета.* Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через 5 лет такой суммы, которая равна *20% всего возросшего на 30% национального дохода* и около *80% всего теперешнего государственного бюджета России,* при чем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в 7—8 раз больше национального дохода России».

Само собой понятно, что эксперты союзников совершенно легко могли бы подвести тот же самый подсчет и что они наверное знали, что *экономические требования союзников не исполнимы в той форме, в которой союзники их ставят.* Но они выполнили эти требования, потому что требования эти в форме меморандума союзников *маскировали настоящие цели союзной политики.* Если Россия не в состоянии уплатить золотом или товарами сумм, требуемых союзным капиталом, то пусть она отдаст союзникам неразработанные богатства России, пусть *она компенсирует их рудниками, угольными шахтами, залежами нефти, лесом, сдачей железных дорог.* Чтобы придать своему разбойничьему плану характер «восстановления русского хозяйства», или, по крайней мере, характер «справедливых» требований «возмещений», союзники выдвинули невозможные требования уплаты долга, возмещения убытков, дабы Сов. Россия, заявив, что она не в состоянии нести эти тяжести, предложила возмещение их предоставлением громаднейших концессий иностранному капиталу. Смысл предложения союзников был ясен. *Восстановление европейского капитала путем переложения значитель-*

ной части тяжестей войны на Россию, как на страну побежденную.

Но Россия не явилась в Геную страной побежденной и Советская делегация в переговорах, веденных за кулисами Генуэзской конференции в вилле «Альбертис» выдвинула *свою точку* зрения. Она, во-первых, установила наши *контртребования возмещений за интервенцию*, которая была войною союзников против Сов. России. Ллойд-Джордж пытался парировать этот удар, указывая на то, что во время английской революции Франция поддерживала английских роялистов, что во время французской революции Питт поддерживал французских роялистов, но что все-таки ни Англия ни Франция не требовали друг от друга возмещений за разрушения гражданской войны. Ллойд-Джордж, как ему это доказал в своем ответе Чичерин, не учел в своих аналогиях одного существенного факта. В то время, когда Карл I имел собственную роялистическую армию, в то время, когда французские роялисты стали во главе громадного Вандейского восстания, *армии русских белых были созданы союзными правительствами.* Союзные правительства признали Колчака и Деникина. Армия Колчака была подчинена, как это явствует из документов, захваченных у Колчака, французскому командованию генерала Жанену. Белые армии были таким образом армиями союзников. Но совершенно независимо от тех или других исторических аналогий и прецедентов при оценке союзных требований уплаты долгов и возмещений, *решающим фактором являются последствия этих требований. Последствием этого было бы закабаление целого поколения русского населения, отдача в руки союзников богатств России, установление в России колониального режима.* Если Ллойд-Джордж возражал против какого бы то ни было признания обязательства союзников возмещать убытки России или даже компенсировать убытки иностранных капиталистов убытками, понесенными Россией благодаря интервенции союзников, то это означало бы ни больше ни меньше, как требование, чтобы *Россия, победившая белые армии союзников, признала себя побежденной и взяла на себя роль союзной колонии.* Этого факта нельзя устранить никакими любезностями Ллойд-Джорджа и никакими плодами его остроумия, которых столько в протоколах переговоров в вилле «Альбертис». Барту, представитель Пуанкарэ, был вполне прав, когда установил, полемизируя с Чичериным, *что и Англия и Франция выступают в данном деле заодно*, что меморандум экспертов есть совместный меморандум, за который ответственны все союзные правительства. После ответа Чичерина союзники требовали взаимного пересмотра позиций обеих сторон по пунктам отношений их к вопросу о частной собственности, как и к пересмотру вопроса о возмещениях и дол-

гах. Взгляды союзников, как их можно представить на основе протоколов дискуссий, сводились в окончательном счете к следующему. Не признавая за Россией права на возмещения за потери, причиненные ей интервенцией союзников, ибо, как заявлял Ллойд-Джордж, союзники признали бы этим себя побежденными, они готовы были, в виду экономического положения России, списать неопределенную часть долга из своих требований, но они настаивали на признании предвоенных и военных долгов. Только Шанцер, итальянский министр иностранных дел, указывал на то, что военные долги будут требовать общего решения и что когда наступит момент этого общего решения, т. -е. взаимного отказа союзников от взаимных обязательств, то тогда и вопрос о военном долге России может заново быть решенным. Что касается вопроса о восстановлении частной собственности иностранных капиталистов, то этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед, ибо, если англичане выдвинули формулу обязательной аренды всего имущества, принадлежащего в прошлом иностранцам на срок 99 лет, то эта формула представляла собой только замаскированную формулу возвращения частной собственности. Обязывая Сов. правительство вернуть всякому владельцу участка угольного или нефтяного его бывшую собственность или возмещение, *союзники делали невозможными, как это правильно указал Красин, всякие мероприятия Сов. правительства, имеющие целью улучшить хозяйство России.* В нефтяной и угольной промышленности настолько переплетены и разрезаны на куски хозяйственные комплексы, связанные между собою, что возврат к предвоенной капиталистической чересполосицы означает *задержку всякого технического прогресса*, без которого Россия не в состоянии выйти из своего бедственного положения. Требования полного возмещения частных капиталистов в том случае, если им не может быть возвращено старое имущество или если Сов. правительство будет считать необходимым, в интересах будущих своих хозяйственных мероприятий не отдавать данного имущества, означало бы для Сов. правительства фактическую необходимость возвращения всего. От того, что этот возврат будет называться не реставрацией частной собственности иностранцев, а арендой на 99 лет, ничто не меняется. Что касается наглых требований режима капитуляции для иностранных капиталистов, то союзники были готовы отказаться от них только при условии, что Сов. Россия капитулирует вообще перед капиталистами и даст в общих законах, обязательных и для русских капиталистов, то, чего, они в меморандуме добивались, только для иностранных капиталистов.

Взамен за реставрацию имущества иностранных капиталистов, взамен за то, что Россия возьмет на себя громадное бремя долгов и возмещений, взамен за то, что будут устано-

влены в России на деле капиталистические порядки, союзные державы обещали создать международный синдикат для эксплоатации России. О каких бы то ни было кредитах для Сов. Правительства не было и речи. Речь шла только о *кредитах для иностранных капиталистов*, которые будут работать в России. Всякое указание на простейший факт, что без иностранных кредитов Сов. правительство не в состоянии продолжительное время ни улучшить транспорта, без которого невозможно скорое хозяйственное развитие России, ни восстановить денежную систему, со стороны союзников не получалось никакого ответа. Но их умолчание не выражало теоретической беспомощности. Ллойд-Джордж наверное понимает очень хорошо, что без железных дорог, телеграфов и твердой денежной системы нельзя вести торговлю и восстановить промышленность. Он не отвечал ничего по той простой причине, что его молчание представляло собой политическую программу,—программу, состоящую в том, *что, не получив кредитов для создания транспортных и финансовых условий развития промышленности, Сов. правительство было принуждено сдать в концессии жел. дороги, почту и телеграф, как и предоставить заграницe право эмиссий в России.* Программа, развиваемая в вилле «Альбертис» и нашедшая позже выражение *в союзном меморандуме от 2-го мая, являлась программой всего европейского капиталистического мира.* Факт на-лицо, что с этой программой был согласен и *Жаспер*, представитель Бельгии, и *Барту*, представитель Франции. Если их правительства впоследствии отказались от подписания даже этой хищнической программы (еле-еле в нескольких пунктах, как, напр., в пункте о восстановлении частной собственности, кое-как замаскированной), то это явилось результатом борьбы противоречивых интересов, которая разыгралась вокруг Генуэзской конференции.

3. Американский нефтяной трест саботирует Генуэзскую конференцию [1]).

Отказавшись от попытки говорить с Россией языком ультиматумов, Франция является в Геную с той же хозяйственной программой по отношению к России, что и Англия. То, чем она отличается от Англии—это решительное

---

[1]) Все сведения о роли нефтяного капитала в Генуе и Гааге почерпнуты мною из докладных записок тов. Аренса, одного из наиболее ценных постоянных информаторов НКИД., работающих под руководством тов. Лапинского, над научным освещением происшествий международной политики. Очень жаль, что эти доклады доступны только ограниченному кругу лиц.

настаивание на требовании, чтобы в Генуе не был выдвинут никакой другой вопрос, кроме русского. Французское правительство знает великолепно, что русская политика Ллойд-Джорджа является осколком его общей политики. Решившись внутренне на отмену политики интервенций по отношению к России, если Россия признает долги и пойдет в кабалу союзникам, Франция не может согласиться в Генуе на переговоры о каких бы то ни было других вопросах европейской политики по той простой причине, что, ели в русском вопросе создан был уже в Лондоне единый фронт Франции и Англии, нашедшей свое выражение в мартовском меморандуме экспертов, требования которого эвентуально можно было немножко завуалировать, но не отменить, то по вопросу о репарациях и об уменьшении вооружений не было никакого соглашения между Англией и Францией. Вашингтонская конференция оставила нерешенным даже вопрос о постройке Францией подводных лодок. Меморандум Ллойд-Джорджа в Каннах требовал отказа Франции от них. Но этот вопрос представляет для Франции предмет длиннейшего торга, который решается в зависимости от хода развития англо-французского конфликта. Вопрос о переменах в политике репараций не разрешим без перерешения вопроса о долгах Франции по отношению к Англии и Америке. Выступление Сов. делегации с предложением поставить в порядок дня вопрос об уменьшении вооружений, хотя и вызванное речью Бриана в Вашингтоне, в которой он указывал на Красную армию, как на одну из причин, по которой Франция не может разоружиться, представляло для Франции громадную опасность, ибо позволяло Англии поставить этот вопрос на конференции без предварительного сговора с Францией и, таким образом, представить ее в качестве защитника вооружений. Но острые столкновения между Барту и Чичериным на первом открытом заседании конференции, столкновения, которые позволили еще раз Ллойд-Джорджу выступить в качестве миротворца, не должны заслонять факта полного соглашения точки зрения Франции и Англии по русскому вопросу, как это выразилось и в заседаниях в вилле «Альбертис» и в личной готовности Барту и Жаспара подписать меморандум, носящий в дальнейшем название меморандума 2 мая. Отказ Франции и Бельгии подписать этот меморандум является появлением на Генуэзской сцене нового фактора—*Соединенных Штатов Америки*, или, конкретнее говоря, *нефтяного вопроса*.

Борьба между американским трестом «*Штендерт-Ойль*» и англо-голландским трестом «*Шелл и Деч*», которая разыгралась за последние годы из-за вопроса об эксплоатации нефти в колониях, переданных Англии Версальским дого-

вором на основе мандатов, как и в голландских колониях, борьба, обостренная нефтяным договором между Англией и Францией в Сен-Ремо в 20-м году, притупилась в переговорах представителей английского и американского трестов, которые велись перед Вашингтонской конференцией и во время ее. Как это признал английский представитель *Джон Кедмен* в ряде интервью, как и в своей статье в 3-м номере приложения к «Манчестер Гардиен», посвященном вопросам восстановления европейского хозяйства, между Штендерт-Ойль, с одной стороны, и «Шелл и Деч»,—с другой, достигнуто было предварительное соглашение о том, что англичане разрешат в своих колониях и мандатных областях Америки эксплоатировать нефть в количестве, равном половине английской эксплоатации, и во всяком случае, не менее, чем это разрешат какой бы то ни было третьей стране. Этой третьей страной являлась по договору в Сен-Ремо Франция. Но, как это бывает в переговорах капиталистических трестов, прежде чем проведен в жизнь такой договор, он не считается осуществленным, т.-е. всякая сторона убеждена, что другая готова при изменившихся обстоятельствах не выполнить его. До момента слияния двух трестов никакое соглашение не уничтожает факта их конкуренции. Отсутствует ли договор между Шелл и Деч, с одной стороны, и Штендерт-Ойл,—с другой, по вопросу о русской нефти или же американский трест не верил в исполнение этого договора английским, факт, что американский трест смотрел с глубочайшим недоверием на конференцию в Генуе, *боясь, что она может привести к соглашению «Шелл и Деч» с Сов. правительством, которое исключило бы или очень затруднило бы работу «Штендерт Ойль» в России.* Как замечает нефтяной английский орган «Ойл-Нюс», «Генуэзская конференция была замечательна числом засевших в окрестностях видных представителей нефтяных интересов, из которых каждый в отдельности и все вместе спешили заявить, что они отнюдь не приехали в эти края говорить с кем бы то ни было о нефти». «Палаццо Дориа», в котором разместились агенты «Штендерт-Ойль», сыграло в истории Генуэзской конференции более крупную роль, чем вилла «Альбертис», в которой жил Ллойд-Джордж, или отель «Астория»—место помещения Барту. Когда 30-го распространено было известие о том, что Барту согласился с Ллойд-Джорджем насчет требований, которые должны быть предъявлены России, представители «Штендерт-Ойль», будучи убеждены, что Россия пойдет на требования, предъявленные ей совместно Англией и Францией, обеспокоились. Причины их беспокойства были следующие.

Америка не находилась в сношениях с Советской Россией. Америка не принимала участия в Генуэзской конференции.

Политика американского правительства по отношению к России определялась до этого времени тремя фактами. Американские фермеры, страдающие от сужения рынка сбыта в центральной Европе, боятся скорого возвращения русского хлеба на мировой рынок. Американские промышленные круги были до войны сравнительно мало заинтересованы в русской промышленности. Американские торговые круги были мало связаны с Россией. При общей осторожности американского капитала по отношению к инвестициям за границей, он показал, что не решается на работу в России, в стране революции. Вопрос об отношении к России является для него вопросом о конкуренции с Англией и с Японией. Если Англия и Франция решили бы заангажироваться в России в крупных размерах, тогда на это пришлось бы решиться и американскому капиталу. Но он бы это мог сделать не так скоро, ибо перемена фронта требует известной подготовки. Поэтому «Штендерт-Ойль», который до этого времени, согласно вышеназванным причинам не решался ни на какие окончательные шаги по отношению к русской нефти, несмотря на то, что скупал акции русских нефтяных обществ, находился бы в менее выгодных отношениях, чем «Шелл и Деч». Уже этот простой факт был достаточен для его враждебного отношения к удаче Генуэзской конференции.

Но агенты «Штендерт-Ойль» были убеждены, что за измененными формулами меморандума экспертов союзников скрывается большое коварство Ллойд-Джорджа. Если, так рассуждали они, союзники не требуют безусловного возвращения старого имущества иностранцам, а разрешают Сов. правительству в случае, если оно это будет считать необходимым, возместить иностранного капиталиста за национализацию вместо возвращения ему его старого имущества, то Сов. Правительство может передать нефтяные участки, принадлежавшие в прошлом одним капиталистическим группам,—другим, уплачивая пострадавшим возмещение. Этим путем «Шелл и Деч» в состоянии собрать в своих руках большое количество нефтяных участков. Чтобы сделать это невозможным, «Штендерт-Ойль» пустил известие о яко бы уже состоявшемся соглашении между Сов. правительством и Шеллем насчет передачи англичанам чуть ли не монопольного владения русской нефтью. Этим «Штендерт-Ойль» поднял на ноги французское и бельгийское правительства, ибо, не говоря уже, что вопрос о нефти является вопросом громадного значения для Франции, как для страны, обладающей крупным флотом, то, если возможна подобная махинация в вопросе о нефти, то она не исключена *во всех других вопросах*, касающихся французского и бельгийского имущества. Уплата долгов является, даже при предоставлении концессий, вопросом будущего. Возвращение фабрик

и заводов, возвращение рудников и нефтяных теренов представляет предмет немедленной наживы и, во всяком случае, дает возможность прибыльной игры на бирже. Все эти соображения имели решающее значение для того, чтобы Франция и Бельгия отказались подписать меморандум от 2 мая. *Таким образом, если бы даже русское правительство согласилось на требования этого меморандума, на которые оно не может согласиться без того, чтобы не отречься от своего существа, то его капитуляция не дала бы ему не только никаких кредитов, но даже не дала бы ему сделки с капиталистической Европой.* Она дала бы ему только сделку с Англией и ее вассалами. «Штендерт-Ойль», а с ним и американское правительство — ибо «Штендерт-Ойль» поддерживалось в своих махинациях американским посланником в Риме Чайльдом—сыграло в Генуе роль собаки, рассевшейся на сене и недопускающей никого к нему. Генуэзская конференция кончилась тем, что все выдвинутые ею вопросы были переданы Комиссии экспертов в Гааге. Таким образом, с одной стороны, нефтевики и союзники выиграли время для переговоров между собой, а, с другой стороны, они были убеждены, что дают Сов. правительству время для отступления. То, на что оно не пошло в Генуе на конференции, в которой принимали участие представители сорока народов, на конференции, которая состоялась под наблюдением 500 журналистов, на то Сов. правительство согласится, вероятно, в тишине «Дворца Мира» в Гааге, в деловых разговорах с экспертами.

4. Перспективы Ллойд-Джорджа.

В речи своей, посвященной Генуэзской конференции, которую Ллойд-Джордж произнес 25-го мая перед Низшей палатой, Англии, он подвел итоги Генуэзской конференции и высказал причины, почему он верит, что Гаагская конференция кончится лучше, чем Генуэзская. Речь его заслуживает внимания, ибо она дает *ключ к пониманию многого*, что без нее непонятно.

Он сначала защищает идею мира с Сов. Россией. Он устанавливает, что Сов. правительство фактически подчинило себе Россию. Оно является *«хозяином положения» без конкуренции*. «С Россией можно иметь дело только через Советское правительство». Ссылаясь на политику Питта по отношению к французской революции, он устанавливает, что без всякого отношения к тому, как оценивать политику, которую ведет Советское правительство, надо считаться с фактом его силы и заключить с ним мир. Капиталистические державы имеют *три возможных пути* по отношению к Сов.

России. Первый путь это—*вооруженная расправа*. Этот путь, испробованный, кончился банкротством. Никто его не предлагал в Генуе, как бы враждебно ни относились к России. Второй—это *предоставить Россию самой себе*. Никто этого не предлагал в Генуе, ибо «*Россия не смотрела бы спокойно на умирающих своих детей. Готов ли кто-нибудь обеспечить мир Европе, оставляя Россию самой себе*». Остается только третий путь—путь сделок, необходимый тем более, что, если оставить Россию самой себе, то при ухудшающемся положении *Германии, объединение России и Германии, доведенных до отчаяния, означало бы европейскую катастрофу*. Германия не имеет достаточно капитала, чтобы возродить Россию экономически, но она может создать в России *угрожающую военную силу*. Но если нужна сделка с Сов. Россией, говорит Ллойд-Джордж, то вопрос, на чем она должна быть основана. Великие революции,—говорит Ллойд-Джордж меланхолически,—имеют одним из своих последствий конфискацию частного имущества. «Я, увы, должен добавить, конфискацию без возмещения». Второй характеристической чертой революции является то, что революция не признает долгов старого правительства. Так делала и французская революция, она конфисковала землю помещиков без возмещения, но она не требовала от них кредитов. Русская же революция находится в том положении, что *она без иностранных кредитов не может реставрировать своего хозяйства*. «*Вожди России понимают это великолепно*. Как бы их ни оценивать, они люди исключительных способностей и великолепного знакомства с международным положением». И если представители Советской России доказывают очень остроумно, почему не надо платить долгов, то не подлежит сомнению, что, чем остроумнее они говорят, тем менее они могут убедить капиталистов, чтобы они одолжили им деньги, и поэтому между вождями Советской России и капиталистическим миром найдется в конце концов почва для того, чтобы столковаться. *Сов. Россия признает старые долги, признает возмещение убытков, признает возвращение частного имущества иностранцам в той или другой форме, после чего ей будет дана отсрочка в платежах; долги будут в известной мере списаны, как это всегда делается при финансовом банкротстве государств*. С этой политикой, заявляет Ллойд-Джордж, представители союзников были согласны. Встает вопрос, почему же в Генуе не было достигнуто соглашение? По той простой причине, что *всякое правительство подлежит влиянию своего общественного мнения*. Между чуть ли не достигнутым соглашением в вилле «Альбертис» 30-го марта и отказом Советской России принять условия союзников, отказом, последовавшим 11-го мая в ответе на меморандум союзников от 2-го мая, между этими двумя числами

произошел *праздник 1-го мая». В России произошли громадные демонстрации требования не сдаваться и это отразилось на точке зрения советской делегации.* «Было бы большой ошибкой считать, что автократические правительства не подлежат влиянию общественного мнения. В России существует общественное мнение, хотя и не большинства населения. *Единственное общественное мнение, которое имеет влияния—это мнение рабочих городов, которые представляют только несколько процентов населения. Но Советское правительство и власть Советов опирается на рабочих. Это—не демократия, это—олигархия».* И этому общественному мнению рабочих олигархий подчинилось Советское правительство, хотя громадное большинство населения—крестьяне собственники—совсем не связаны с идеей коммунизма или национализации. Но золотой запас Советской России близок к исчерпанию, и *Советское правительство будет принуждено итти на сделку.* С верой в капитуляцию с Советской Россией, с верой в то, что она *сдаст 90% иностранной собственности в концессию* на таких условиях, что она будет равна возвращению имущества иностранцев, союзники собрали конференцию в Гааге.

5. В Гааге.

Генуэзской конференции предшествовало создание *Франко-Бельгийского нефтяного синдиката*, задачей которого являлась защита нефтяных интересов Франции и Бельгии от сепаратной сделки Советского правительства с английским синдикатом, сделки, о которой столько шумела пресса во время Генуэзской конференции, как о совершившемся факте. Создание Франко-Бельгийского синдиката со своей стороны повлияло на английское правительство в том смысле, что оно с самого начала конференции пыталось сговориться с французским правительством насчет занимаемой по отношению к Советской России позиции. Это выражалось уже в самом факте назначения в качестве руководителя переговоров *Ллойд-Грима*, начальника английского департамента заморской торговли, продемонстрировавшего свое непримиримое отношение к Советской России уже во время Гаагской конференции, посвященной голоду в России. Переговоры в Гааге привели ко второй формулировке позиции союзников, последовавшей после мартовской формулировки экспертов. Три основных резолюции, принятых союзными экспертами, и речь английского делегата Хильтона Юнга позволяют теперь представить эту позицию в ясных очертаниях [1]). Эти

[1]) «Papers relating the Hague Conference june—july 1922». (Presend to Partament by comand of his Maiesty) London. 1922.

резолюции негативного характера. Часто приходится из упреков, сделанных в этих резолюциях представителям Советской власти, делать заключение о том, чего позитивно добиваются представители капиталистических стран.

В резолюции о *частной собственности* главный упрек союзников состоит в том, что представленный тов. Литвиновым список иностранной частной собственности, которую Советское правительство готово сдать в аренду, охватывает только *часть бывшей частной собственности иностранцев*, что большинство этой собственности должно оставаться в руках Советской власти. В дальнейшем констатируют эксперты союзников, что даже эта часть, которую Советское правительство хочет сдать в концессию, оно не сдает безусловно, а требует, чтобы всякий бывший собственник, претендующий на получение в концессию своей собственности, вел сепаратные переговоры с Советским правительством и что только в зависимости от исхода этих переговоров он может добиться сделки. В вопросах о компенсации, заявляют эксперты, Советское правительство делает уступки в зависимости от получения кредитов. Таким образом, заявляют эксперты, капиталистические страны должны сами уплатить свою компенсацию пострадавшим от русской революции гражданам.

В резолюции *о долгах* эксперты устанавливают, что Советское правительство делает признание долгов зависимым от получения экономической помощи иностранных держав. В виду этой точки зрения, заявляют эксперты: «Случается, что государство-должник после временного банкротства пытается добиться нового соглашения с кредитором для восстановления доверия к нему. Но положение совершенно другое, когда обанкротившееся государство отказывается признать обязательства своих предшественников. Перед лицом такого прецедента надо спросить, какие *гарантии будут иметь кредиторы нового капитала против новой революции и нового отказа уплаты долгов, сделанных данным правительством*. Только опыт может научить Советское правительство, что так долго, пока оно не будет готово признать безусловно обязательств своих предшественников, оно не получит иностранного займа, который, по его собственному утверждению, необходим для экономического возрождения России».

Свой взгляд на вопрос *о кредитах* эксперты выразили в следующем заключении. «1. Советское правительство *не может получить непосредственно от европейских правительств ни займа, ни кредитов*. 2. Европа может помочь восстановлению русского хозяйства только *средствами частного капитала*. 3. Гарантии, которые иностранные правительства могут дать капиталу, не в состоянии устранить законов, регулирую-

щих движение частного капитала, и не могут стать на их место. 4. В руках России возможность путем сделки по другим вопросам, являющимся предметом разбора других комиссий, *создать снова атмосферу, которая позволит перенести в Россию экзотическое растение, называющееся капиталом, таким образом, чтобы он мог содействовать возрождению России*».

Эти решения комментировал английский делегат *Хильтон Юнг*, который, между прочим, сказал следующее: «Российская делегация требует, чтобы другие правительства обеспечили за ней своими усилиями получение кредитов, необходимых для восстановления России. Они заявили, что не имеет смысла отсылать русское правительство к частному капиталу. Позвольте мне высказать мое убеждение, что было бы бесполезным иначе поступать. Дело не в том, что думаем об этом мы или наше правительство. *Наши правительства не имеют собственного капитала для инвестиций в России.* Это было сказано с самого начала переговоров. *Но даже если бы они имели деньги, то эти деньги были бы деньгами налогоплательщиков, и было бы абсолютно недопустимым для правительства употребить эти деньги на инвестиции, на которые не употребили бы их сами налогоплательщики. Не правительство контролирует капитал, нужный России, а частные капиталисты, и только они имеют этот капитал.* И поэтому Советское правительство не должно обращаться к мнению правительства. Оно должно обращаться к мнению частных капиталистов и считаться только с их усилиями. Я должен сделать одно ограничение. Не подлежит сомнению, что правительства могут сделать кое-что, чтобы помочь России в поиске за кредитами, они не могут сами найти кредитов, но в известных некоторых случаях *они могут помочь перебросить мост между должником и кредитором.* Правительства могут помочь открыть двери, но надо понимать, что даже, если двери открыты, никто не может быть принужденным войти.

Было бы бесполезным, чтобы правительство облегчало дачу кредитов России, если капиталисты данной страны не хотять его дать. *А капиталисты не согласятся дать кредитов, пока не будет восстановлено доверие, что существует разумная основа для кредитов.* Они теперь не имеют этого доверия. Для восстановления этого доверия одно представляется существенным условием: *Россия должна вновь восстановить угольный камень, на который опираются кредиты всегда и везде, признание связывающей силы принятых обязательств.* Я убежден, что пока этого не сделано, правительства не имеют никакой возможности помочь, ибо *частные капиталисты не слушались бы своего правительства, даже если бы оно пыталось убедить их дать кредиты* России. Если

бы британское правительство, например, формально расширило действия разных своих законов, служащих для поддержки иностранной торговли и на торговлю с Россией, то, несмотря на то, как долго Советское правительство придерживается своих теперешних взглядов на обязательства по отношению к иностранцам в вопросе о долгах и частной собственности, так долго расширение английских законов на Россию имело бы только формальное значение. Оно бы не помогло России, ибо частные капиталисты держались бы безразлично и отказывались бы пользоваться сделанными им английским правительством облегчениями. Позвольте мне ясно сказать, что идея, что существует финансовая блокада России в смысле запрета дачи кредитов, сделанного правительствами, является полной иллюзией. Единственное правительство, которое проводит финансовую блокаду России— это русское правительство».

Резолюции Гаагской конференции были приняты не только под влиянием уступок, сделанных английским правительством французскому, которое более заинтересовано в вопросе о долгах, чем английское, но и под непосредственным влиянием Америки. «Эндепенденс Бельж», орган бельгийских промышленников, от 7 августа, помещает статью о финансовом сотрудничестве Соединенных Штатов с Европой, в которой заявляет, что американское правительство влияло на союзников в том смысле, чтобы не делать никаких уступок России, пока она не признает долгов и возмещений. «*Англия и Франция,—пишет дальше эта газета,—будет считаться с этими пожеланиями, как они уже дали тому пример в Гааге, в связи с указаниями Америки насчет позиции, которую следует занять по отношению к большевикам*».

В момент, когда решался вопрос о срыве конференции, бельгийский делегат Картье, высказываясь за отклонение компромисса, ссылался на совет американского посла. Точка зрения Америки определялась, кроме общих мотивов, на которые мы уже указывали, и следующими соображениями. Создание Франко-Бельгийского нефтяного синдиката повело к уступкам со стороны «Шелл и Деч». Англия обязалась расширить действия договора в Сен-Ремо о допущении Франции к участию в эксплоатации нефти в Месопотамии и на *Кавказе*. Это соглашение повело, с одной стороны, к консолидации фронта союзников, но, с другой стороны, могло довести до общей сделки европейских союзников с Россией,— сделки, которая была бы еще более опасна для Америки, чем сделка, заключенная только Англией. «Штендерт-Ойль» нажал на Францию и Бельгию. В виду зависимости Франции от Америки при будущем разрешении ее финансовых затруднений, в виду того большого интереса, который имеет Бельгия в восстановлении частного имущества иностранцев

или обязательной передачи бывшим собственникам в концессию их бывших имений, Америке удалось, таким образом, настолько обострить позицию союзников, что никакая сделка не была возможна.

6. Наука Генуи и Гааги.

Очень важно подвести итоги Генуи и Гааги с возможной полнотой и по возможности холодно, с устранением агитационного элемента, который в данном случае, когда дело идет об исторической оценке, только вредит пониманию положения. Для нас теперь более важно знать настоящее положение, чем по поводу этого положения негодовать.

Первое, что доказала Генуя? Это факт, что *ни одно капиталистическое государство не мыслит себе и не может себе мыслить экономического возрождения Европы, как постройки новых хозяйственных отношений на новых, хотя бы капиталистических основах.* Если мы говорим об экономическом возрождении Европы, то при этом думаем о международном плановом хозяйстве, так же самое, как думают об этом руководящие буржуазные экономисты. Но Европа и мир— это есть абстракция, существование которой чувствуется негативно, но не положительно. Мировое хозяйство представляет собой единый организм. Экономический распад значительных его частей влечет за собой экономический кризис и будущий распад других его частей. Но не европейское, ни мировое хозяйство не имеет никакого руководящего центра, который подчинил бы интересам экономического возрождения Европы интересы частных капиталистов и их национальных группировок. Экономическое возрождение мирового хозяйства требует, в первую очередь, ликвидации государственных долгов. Внутренний долг побежденных государств, охваченных экономическим распадом, ликвидирован спонтанно простым фактом денежной инфляции. 200 миллиардов внутреннего долга в Германии представляют теперь работу денежного станка на несколько дней. В известной мере уменьшен и внутренний долг Франции и Италии. Остались внешние долги России, долги России союзникам, обязательства Германии по отношению к союзникам и межсоюзный долг. Без уничтожения этих тяжестей невозможно никакое экономическое возрождение Европы. Не только Германия не в состоянии при уплате репараций восстановить равновесие своего бюджета, но и Франция не в состоянии этого сделать без отказа Америки и Англии от их претензий по отношению к ней. Несмотря на тот факт, что это понимают все руководящие экономические круги, вопрос остается не ре-

шенным. Только на-днях указывала одна английская газета, что после Наполеоновской войны потребовалось 8 лет для урегулирования тогдашнего вопроса о межсоюзных долгах. Теперь миновало 4 года со дня заключения Версальского договора. Политика союзников по отношению к вопросу о долгах привела Германию на край банкротства. Невозможность экономических решений Версаля признана всеми, и несмотря на это никто не может сказать, примут ли союзники необходимое для их собственного спасения решение перед банкротством германской буржуазии, которое означало бы громадный шаг мировой революции вперед или нет? Это положение объясняется очень просто. Ликвидация иностранного долга означала бы необходимость для Америки, Англии и Франции не только взять на себя новые налоговые внутренние тяжести, но отказаться от средства политического давления на страны должников. Америка не намерена отказаться от этого оружия по отношению к Франции и Англии, ибо позиция Англии является очень важным моментом в решении дальневосточных дел; позиция Франции в вопросе о состязании между Англией и Америкой. Франция не отказывается от своих претензий по отношению к Германии, ибо эти претензии разрешают ей передвинуть свои границы до левого берега Рейна. *Это положение предрешает негативно вопрос об экономическом возрождении Европы, как о результате созидательных действий капиталистического государства.*

Что касается *кредитов* для восстановления мирового хозяйства в странах, наиболее потерпевших от экономической разрухи, то тут дело обстоит еще хуже. Ни одно капиталистическое государство не располагает самостоятельно средствами, которые оно могло бы предоставить для экономического строительства в других странах. Все правительства, потрясенные в своих основах войной, более зависят от королей капитала, чем могут на них влиять. Частный капитал Англии и Америки, понятно, имеет средства для того, чтобы начать работу экономического воссоздания России. Капиталом располагают, в первую очередь, американская промышленность и финансовая буржуазия, но, абстрагируя даже от вопроса об ее отношении к пролетарской русской революции, финансовый капитал Америки ведет политику воздержания по отношению к Европе. Громаднейший внутренний рынок Америки, необходимость укрепления отношений Южной Америки, где американский капитал вытесняет английский,—все это является достаточно сдерживающим элементом от инвестиции капитала в России. Американский капитал попадет в Россию только тогда, когда ему это понадобится, с точки зрения его конкуренции с английским и японским капиталом. Английский капитал, со своей стороны, не ви-

дит в России условий, гарантирующих ему безопасность и громадную прибыль. Те же его части, которые подлежат влиянию политических моментов, не хотят экономического усиления России, как силы революционирующей Восток и Индию даже независимо от воли Сов. правительства. *Условия английских союзных экспертов с марта представляют собой те условия, на которых можно было бы обеспечить значительнейший приток иностранного капитала в Россию. Но эта Россия не была бы больше Советской Россией, а была бы колонией иностранной буржуазии.*

Если союзники представляют дело так, что принципиальное признание долгов и компенсации являются главным условием возрождения русского кредита, то это является не столько иллюзией, сколько обманом. Не подлежит сомнению, что капиталисты были бы очень рады такому признанию, ибо сколько бы ни был беспринципным всякий капиталист, класс капиталистов имеет свои принципы, свои символы и в борьбе своей против Советской России он борется не только за прибыль, которую он мог бы получить в России, если бы она не была страной пролетарской диктатуры, но одновременно он борется с ней, как с олицетворением мировой революции, перед которой он дрожал в 19 году, но которой он и теперь не перестал бояться. Признание безоговорочно старых долговых обязательств царского правительства и частной собственности *означало бы принципиальную победу мирового капитала не только над русскими, но и над западно-европейскими, американскими рабочими.* Поэтому ничего нет удивительного, что наиболее принципиально и наиболее остро ставит вопрос о долгах и реституциях самое беспринципное, казалось бы, правительство в мире, *правительство американских трестов.* Самая сильная капиталистическая страна, страна разнузданного буржуазного индивидуализма, страна без всяких традиций, даже социальной реформы, она как бы призвана быть чемпионом частной собственности. Но как бы важна ни была цель принципиальной победы над русским пролетариатом, более важным для иностранного капитала является *не признание принципа, а выполнение его:* уплата процентов по долгам и возвращение частной собственности. Первое—уплата процентов и долгов—является вещью неисполнимой в продолжение ближайшего десятка лет, неисполнимой не только для Советского, но и для всякого белого правительства России. И насколько капиталистические правительства это требование выставляют как реальное, они держат наготове, как мы на это уже указывали, другие требования, которые должны реализовать первое. Требование ряда монополий, которые должны быть предоставлены иностранному капиталу по обеспечению процентов от долгов. Что касается второго требования—тре-

бования реституции иностранной частной собственности, или в случае невозможности полного возмещения, предоставлением новых долгосрочных эквивалентных концессий, то требование это должно быть ультимативно отклонено Советским правительством. Список концессий, представленный в Гааге Литвиновым, может быть дополнен в одном и другом пункте, но не подлежит ни малейшему сомнению, что Советское правительство *не может дать в концессию всего бывшего иностранного имущества, не говоря даже о его возвращении в частную собственность*. Советское правительство существует для того, чтобы развивать русское хозяйство по направлению к социализму. Его работа происходит среди неслыханных затруднений отсталой крестьянской страны, но все-таки при размерах натуральных богатств России она имеет все шансы успеха, если Советское правительство сохранит в своих руках достаточную часть всех основных отраслей русской тяжелой промышленности. Имея в своих руках главную часть угольной, металлургической и нефтяной промышленности, железные дороги и возможность регулирования внешней торговли, оно обладает могучими средствами направления экономического развития страны. *Борьба иностранного правительства за то, чтобы вырвать из рук Советского правительства железные дороги и промышленность, есть борьба за возвращение Европы к положению перед 1914 годом*. Международная буржуазия, которая в своих странах должна вести борьбу со своим рабочим классом, стремящимся к национализации тяжелой промышленности, хочет доказать на русском примере невозможность государственной промышленности. Советское правительство не может в этом вопросе сдавать своих позиций, не капитулируя перед мировым капиталом.

Мы уже указали в начале этой статьи на то, что одной из причин созыва Генуэзской конференции являлось убеждение союзных правительств, что новая экономическая политика является замаскированной капитуляцией Советского правительства, спуском на тормазах, о котором говорит с восторгом профессор Устрялов в «Смене Вех». Эта иллюзия создала легенду о заявлении Красина, якобы сделанном Ллойд-Джорджу, что Советское правительство готово сдать 95% бывшей собственности иностранцев. Когда оказалось, что это—легенда, исчезла почва для Генуэзской и Гаагской сделки. Непримиримость Франции или Америки была только элементом, который ускорил обнажение этого факта. Английское правительство готово было с гибкостью, присущей английской политике, сделать целый ряд уступок для прикрытия капитуляции Советского правительства. Но цели его были те же самые, что цели Франции и Америки и, когда сделалось ясным, что Советское правительство не намерено

итти на капитуляцию, то Англия так же сама намерена была делать мало существенных уступок, как все прочие капиталистические державы. Основной факт Генуи и Гааги состоит в том, что если капиталистические державы не в состоянии принести значительных жертв для восстановления капиталистического мирового хозяйства, если они не в состоянии еще итти на компромисс между собой, *то тем менее они согласны итти на компромисс со страной победившей пролетарской революции,—на компромисс за счет капитализма.*

Такой компромисс не является исключенным. На-лицо факт, что пять лет существует страна с пролетарской революцией и что международному капиталу оказалось не под силу ее победить. *Он еще не уверен в том, что победа пролетарской революции в России является окончательным фактом, который нельзя будет вырвать из книги истории.* Новая экономическая политика, которая сама по себе является сочетанием капитализма с социалистическим строительством, усилила уверенность международного капитала в свою собственную силу, в свое собственное будущее. Но если пролетариат в России власть и в будущем удержит, если новая экономическая политика вместо элемента, разбазаривающего силы русского пролетариата, как это ожидает международный капитал, сделается элементом, собирающим его силы, то при условии дальнейшего кризиса на Востоке и дальнейшего распада капиталистического хозяйства на Западе, обострения международных противоречий мирового капитала, он может быть принужден итти на modus vivendi с Советской Россией на основе взаимного компромисса, а не односторонней капитуляции.

7. Что же дальше?

Если Генуя и Гаага не кончились бы полным банкротством, если бы, скажем, Советское правительство согласилось на принципиальное признание старых долгов и на признание возмещений, при чем определение размеров наших обязательств было бы предоставлено будущим переговорам, если бы, с другой стороны, союзники взамен за эти уступки признали Советское правительство—последняя формула Литвинова в Гааге—то, быть-может, это создало бы более благоприятную обстановку для частных сделок Советского правительства с разными капиталистическими группами. Оно затруднило бы беспрерывную диффамацию Советской России, но это не было бы решающим фактором для привлечения иностранного капитала в Россию. Достаточно указать на следующий момент. Признания долгов наиболее добиваются страны, которые перед войной были, главным образом, кредиторами

России. Но бывшие кредиторы России это не будущие кредиторы России. Ни Америка, ни Англия не являются главными кредиторами России в прошлом. Главным кредитором старой России была Франция, которая только в случае объединения с германской тяжелой промышленностью в будущем сумеет снова стать страной кредиторов. Англия и Америка требуют признания долгов или по соображениям своей внешней политики—Англия пытается удержать Францию в фарватере своей политики и поэтому должна ей делать уступки—или, как Америка—занимают в вопросе о долгах «принципиальную» позицию. *Но если бы России пришлось на деле уплачивать проценты от долгов, то на этом ничего бы не выиграли, а, наоборот, потеряли бы те капиталистические элементы, которые не заинтересованы в старых долгах, а которые могут теперь работать в России: ибо яснее ясного, что уплата процентов французским рантье уменьшала бы долю материальных уступок, которые могло бы Советское правительство делать новым своим кредиторам.* Подобно обстоит вопрос с реституцией частного имущества или с компенсацией за его национализацию. Не все старые владельцы в состоянии заново начать свою работу в России. Многие из них продали бы на бирже свое право на реституцию или возмещение. Но капиталистические *элементы, решающиеся работать в России, потеряли бы возможность получения собственности, принадлежащей старым владельцам, они могли бы ее только скупать на бирже по более высоким ценам,* чем то возмещение, которое они готовы уплачивать для перестраховки теперь бывшим владельцам при получении русских концессий для того, чтобы обеспечить себя от упрека, что покупают «краденое». Решающими при оценке перспективы и привлечения иностранного капитала для работы в России являются следующие моменты: 1) на эту работу пойдут наиболее *смелые* элементы, считающиеся только с *размерами прибыли* и *степенью безопасности*, 2) поэтому самым важным является на ближайшее будущее не тот или другой дипломатический компромисс с державами, а *непосредственная сделка с разными группами международного капитала*, 3) условием, облегчающим эту сделку, является кроме высоты прибыли, *создание внутренним русским законодательством возможно больших гарантий личной и имущественной безопасности для концессионеров.*

Умелая концессионная политика, связанная с рядом внутренних мероприятий в области судебной, административной и финансовой, позволит Советской России несмотря на неудачу в Генуе и Гааге,—неудачу, которую Советская власть предвидела, добиться известного притока иностранного капитала. Но общественная мысль Советской России должна усвоить себе тот факт, что этот *приток будет на ближайшее*

время сравнительно невелик, и что поэтому главные силы хозяйственного возрождения России придется черпать *из собственных источников*, которые даст русское земледелие, если не будет в ближайшие годы неурожая и войны.

Момент для крупных сделок с иностранными правительствами наступит только при *новом революционном сдвиге на Востоке и Западе или при обострении отношений между империалистическими державами*. Консолидация сил китайской революции, обострение классового кризиса в Японии сделает Россию, если мы сумеем сохранить боеспособную армию, *решающим элементом на Дальнем Востоке* для Японии и для Америки. Усиление кризиса в магометанском мире Ближнего и Среднего Востока повысит *значение Советской России по отношению к Англии и Франции;* в том же самом направлении действовало бы усиление англо-французского конфликта. Победа *пролетарской революции хотя бы в одной промышленной стране* доказали бы капиталистическим державам *необходимость искания сделок с пролетарской революцией*. До этого сдвига работа Советской дипломатии, связанная ближайшим образом с хозяйственной работой страны, будет состоять в целой системе дополняющихся дипломатических передвижений, но не будет иметь крупного размаха. Только момент новых мировых сдвигов окрылит ее заново. Только в момент, когда ей придется использовать победу пролетарских и национальных революций, или победу Красной армии, она снова развернется в полном объеме.

Сентябрь 1922.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ 3
2. Брест-Литовск 7
3. Интервенция союзников и победа Советской России 30
4. От интервенции к торговому договору 53
5. После Генуи и Гааги 80

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Москва.

Маркс и Энгельс. Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические работы.
„ „ Т. IV. Процесс производства капитала.
„ „ Т. V. Процесс обращения капитала.
„ „ Т. VI. Капитал. Критика политической экономии.
„ „ Нищета философии.
Меринг. История германской социал-демократии до 1848 года. Т. I.
„ „ „ до прусского конституц. конфликта. Т. II.
„ „ „ до франко-прусск. войны. Т. III.
„ „ „ до выборов 1903 г. Т. IV.
Полонский. Бакунин.
Покровский. Русская история. Т. I. С древнейших времен до Грозного.
„ Т. II. Смута. Борьба за Украйну. Петровская реформа.
„ Т. III. Монархия XVIII века. Александр I. Декабристы.
„ Т. IV. Крестьянская реформа. 60 годы. Конец 19 века,
Павлович. Империализм и борьба за великие железнодорожные и водные пути будущего.
„ Советская Россия и капиталистическая Англия.
„ Советская Россия и капиталистическая Франция.
„ Советская Россия и капиталистическая Америка.
Преображенский. Итоги Генуэзской конференции.
Плеханов. Собрание сочинений. Том I, II, III и IV.
„ К вопросу о развитии монистического взгляда на истори[illegible].
Рейснер. Буржуазное государство и Р. С. Ф. С. Р. Т. I.
Степанов. Электрификация Р. С. Ф. С. Р.
Стучка. Революционная роль права и государства.
Сергеев. Европейский крисиз на заре IX века.
Сеньобос. Политическая история современн. Европы. Т. I.
Троцкий. 1905 г.
„ Между империализмом и революцией.
Троцкий и Раковский. Очерки политической Румынии.
Фалькнер, М. Основы статистической мето[illegible]
Фалькнер, С. Послевоенная конъюнктура [illegible]
Шляпников. Канун 17-го года.
Шпенглер. Закат Европы.
Штейн. Генуэзская конференция.
„ Гаагская конференция.
Эйдук. Очерки рабочего движения в стр[illegible]
Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и [illegible]
„ Людвиг Фейербах.

Торговый сектор Государст[illegible]

Москва, Ильинка, Биржевая площадь [illegible]

Телефоны: 1-[illegible] 5[illegible] 4[illegible]

Розничная [illegible]

1) Советская площадь, под гостин[illegible]

3) Б. Никитская, 13 (консерватория)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1923

37